

Ольга Воскресенская

Посол на подмене

Хороший посол! И кошке приятен!

Annotation

Не везет белавским послам в Таримане — прямо мор какой-то! Вопрос о границах не решен, король злится, желающих получить «заманчивую» должность не осталось. Так почему бы не вспомнить про опального подданного? Маг, отличный дуэлянт, да и не жалко его... Решение принято, однако у Судьбы свои планы. Хотели Н. Иберникского в послы? Получите! Только потом не удивляйтесь и не жалуйтесь, политесу не обучен. Инструкции, говорите, прилагаются? Ну-ну. В приоритете главная инструкция — выжить!

- [Ольга Воскресенская](#)

- - [ПРОЛОГ](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
-

Ольга Воскресенская ПОСОЛ НА ПОДМЕНЕ

ПРОЛОГ

— Фин Астор, могу я узнать, что вы решили касательно разграничения спорных земель? — окликнув министра иностранных дел Таримана, поинтересовался посол Белавии. На своем языке, разумеется.

— А-а, барон Орэт, мы еще не закончили полное обследование и оценку территории, придется вам немного подождать, — отозвался статный мужчина на белавском. — Надеюсь, вы нашли приемлемыми выделенные апартаменты и не будете в обиде за то, что в гостях пробудете немного дольше, чем планировали. Как только вопрос решится и чери Трант подпишет бумаги, вы первым об этом узнаете.

Посол сохранил вежливое выражение лица, хотя его одолевала досада. Он-то подождет, куда денется... Но сколько можно? Он тут уже неделю торчит среди этих дикарей! Орэт чувствовал себя в Таримане чрезвычайно неуютно. У него никак не получалось разобраться ни в системе титулования, ни в характере местных жителей. То ли дело у них в Белавии... Король так и именуется королем или его величеством, роль герцогов, маркизов, виконтов, графов и баронов в обществе тоже абсолютно понятна, их никак не спутать с простонародьем. А тут... Пойди пойми, где знать, а где быдло! Нет, положим, должность тоже вполне достаточно говорит о человеке... Но ведь эти дикари предпочитают обращаться не по титулу, не по должности, а по цвету глаз! Син — к синеглазым, фин — к людям с фиолетовыми очами, зел — с зелеными, чери — с черными и кори — соответственно с коричневыми. И среди каких-нибудь чери, например, могут встречаться как правитель Таримана и министр финансов, так и крестьянин или подметальщик улиц. Посол уже утомился вглядываться в чужие глаза. Дома он старался никогда не смотреть на собеседника прямо, лица изучал только украдкой или боковым зрением. При его прошлых должностях и положении врать доводилось много и часто, а это лучше делать так, чтобы собственный взгляд не выдал. Нет, глазами определенно лучше ни с кем не встречаться. Однако тут приходится!

Орэт посторонился, чтобы освободить проход фину Астору, а потом непроизвольно отступил еще на пару шагов назад. За министром иностранных дел в дверной проем кабинета, куда он не успел зайти, лениво прошествовала проклятая мурчиана. Неизменная спутница любого тариманца-мага.

Все местные жители рождались с даром к магии, но при этом с абсолютно пустым резервом, их сил не хватало на создание самого простого заклинания. И только в день совершеннолетия некоторые из них могли стать полноценными магами, если их избирала мурчиана. Эти животные выглядели как обычные котята во всем мире, но были гораздо умнее и сообразительнее и умели увеличиваться в размерах в несколько раз. До вступления в союз с человеком габариты менялись хаотично и неконтролируемо, после — по желанию самих кошек или по просьбе хозяина. Но чаще всего предпочтительной являлась укрупненная форма. В лице мурчианы тариманец получал не только практически бездонный резерв магических сил для подпитки плетений заклинаний, но и неуязвимого для магии зубастого и когтистого охранника с грацией и стремительностью огромной кошки. А еще возможность и самому трансформироваться для битвы, на небольшой промежуток времени став чуть выше, мускулистее, сильнее и быстрее. Натуральные оборотни! Однако хотя бы в мирное время тариманцы выглядели как обыкновенные люди.

Так что неприязнь посла в основном активно вызывали опаснейшие мурчианы. Им позволялось практически все. Будь ты хоть обычный гость, хоть король соседней страны, а обязан во имя мира терпеть их выходки, не смея тронуть хоть пальцем, — табу. А эти твари словно чувствовали неприязнь. Они могли ни с того ни с сего куснуть, царапнуть, рыкнуть, напугав до полусмерти, или, наоборот, поластиться. Но к послу почему-то никто не ластился. Казалось, большие кошки платили взаимностью. Барон даже опасался поворачиваться к ним спиной. Впрочем, они и сами умели великолепно подкрадываться сзади и пугать.

Надо сказать, что среди тариманцев посол так и не нашел ни друзей, ни приятелей, ни просто людей, которые хотя бы мало-мальски вызывали у него симпатию. Его раздражала дисциплина местных, неукоснительное следование каким-то своим непонятным правилам и то некое высокомерие, с которым они смотрели на тех, кто слабее, но свободнее в поступках. Они очень ценили силу — будь то сила воли, сила магии или воинское мастерство, позволяющее выигрывать в борьбе или поединках на шпагах. Посол же не утруждал себя тренировками, любил вкусно и много поесть, выпить... Тьфу! Тут в качестве компании за стол и пригласить некого! Зря он, наверное, так обрадовался освободившейся должности, позволяющей напрямую накоротке разговаривать с королем Белавии, отправлять на его имя письма с помощью специальной зачарованной шкатулки, высказывать мнение, зря поспешил выдвинуть свою кандидатуру, зря сменил непыльное

место в исполнительном комитете при министерстве на звание дипломата. Хотя вон у него знакомые в других странах просто благоденствуют, очень довольны и службой, и открывшимися возможностями. Надо было бы насторожиться и подумать — ведь не зря в дипмиссии в Таримане такая текучесть кадров. Кто подал в отставку (в основном мелкие сошки из служащих), кто погиб на дуэли с местными... Еще бы не погибнуть, если тут натуральный культ воинов! А кто-то ведь и пропал без вести или был убит не установленными лицами...

Прижавшись к холодной каменной стене узкого коридора перед кабинетом министра иностранных дел, Орэт выждал еще немного, чтобы мурчиана с хозяином отошли подальше, после чего медленно направился к выходу, шарахаясь и уступая дорогу местным. Вот еще одно раздражающее обстоятельство: они довольно часто перли напролом, никого не пропуская. И где вежливость по отношению к гостю? Где любезные жесты и улыбки? Где извинения, на худой конец? Послу уже не только все ноги оттоптали, испортив дорогие лакированные туфли и оторвав с них приклеенные для эффекта аметисты, но и на предплечьях синяков наставили своими локтями и массивными тушами. У-у-у, психи крашенные! Почему крашенные? Да потому, что у тариманцев была особая традиция — использовать жидкие тени, к каким обычно прибегали в Белавии для красоты только женщины, для того чтобы провести под бровями полоску под цвет глаз. А тариманки и веки могли затонировать. Но неизменно под цвет очей и созвучно обращению к себе. Других оттенков раскраски Орэт за неделю совсем не заметил.

— Чери Лаврет, — мимоходом склонился в поклоне посол перед министром финансов и отскочил, когда его наглая рыжая мурчиана решила заинтересоваться провисшими цепочками, спадающими на грудь и на живот. Иначе какой же он барон без украшений, подчеркивающих статус!

Встреченный министр едва заметно кивнул, изрядно разозлив посла.

Н-да... Барон с трудом удержал на лице любезную улыбку. Даже с оборотнями западного королевства у белавцев наблюдалось больше взаимопонимания и теплоты. Но ничего не попишешь, земли тариманцев на севере непосредственно прилегают к их землям. Соседи, будь они неладны! И так за последнее время наметился заметный прогресс. В прошлом Белавия даже воевала с Тариманом. Проиграла, правда, утратила ряд провинций... А одно графство и подавно добровольно ушло в состав Таримана вместе с людьми. К сожалению, у короля тогда не было ни полноценного войска, ни иного средства, чтобы подавить бунт. Решение проблемы отложили и тем самым упустили время. Лет этак сто. А потом

еще десять пытались доказать тариманцам, что это по праву территория Белавии, она не была захвачена в войне, и, следовательно, земли надо вернуть. Нет, по-честному надо бы все... Но они будут рады, если эти ненормальные хотя бы половину ради установления дружеских отношений отдадут! Вроде теперь компромисс достигнут после долгих лет переговоров. Деревня и графское поместье с людьми однозначно останутся в Таримане, Белавии не нужны потомки предателей, успевшие немного повредиться в уме и перенять скверные нравы и законы. Однако остальную территорию соседи согласились поделить пополам. «По-дружески». Решили бы уж только быстрее и без его участия, — вдоль или поперек. То ли отступить на равное расстояние от границ обоих государств и там провести черту, то ли каждому по выступающему клину на карте пририсовать. Причем при последнем варианте перед послом опять вставала дилемма — западный участок требовать или восточный? Король оставил этот вопрос на его усмотрение на случай, если удастся поторговаться с тариманцами. Но ведь потом по результатам ему, Орэту, могут достаться не только благодарности, но и шишки!

В раздражении посол пересек огромный холл и подошел к двери, выходящей на простирающуюся перед дворцом площадь с фонтаном. Но едва он потянул за ручку, ему наперерез вдруг кинулся котенок. Не взрослая кошачья особь, контролирующая свои размеры, а мелюзга нехорошего черного цвета. Тьфу! Не к добру! Может, выйти хотел, может, просто развлекался, пытаясь свалить человека. Но тут посол не выдержал, совпало все — и плохое настроение, и опаска, что сработает нехорошая примета, и относительная беспомощность крохотного котенка, и пустота холла... Пинком он отшвырнул мурчиану в сторону и с чувством удовлетворения вышел из дворца, где находились кабинеты нужных ему министров. При этом, правда, не забыл быстро прикрыть дверь, чтобы обезопасить себя в случае, если от обиды зверюга непроизвольно увеличилась в размерах и стала представлять нешуточную угрозу. Отомстил! Орэту надоело каждый вечер обнаруживать шерсть на своих дорогих камзолах и брюках. Она вездесуща! В этом Таримане даже присесть нормально невозможно без риска нацепить на одежду намертво прилипающий клочок. Хорошо еще, что у него реальной аллергии нет, как советовали говорить в канцелярии, поэтому не стоит ожидать неприятных последствий столкновения с мурчианой...

— Ваше величество, новости из Таримана!

— Они наконец определились, какие земли отдают нам?

— Нет, они передают тело посла вместе с соболезнованиями, — скривился щегольски одетый мужчина лет тридцати с регалиями маркиза на шее. Он служил секретарем и являлся доверенным лицом, которому многое позволялось.

— Опять, — недовольным тоном протянул король Белавии. — Что на этот раз? Дуэль?

— Говорят, нападение хищников. Сам я тело не осматривал, запах уже чувствуется. Весна все-таки.

— Посол там что, на охоту ездил?

— Не могу знать. Глава тариманской делегации по-белавски только одно слово выучил: «хищник». Больше я от него ничего добиться не сумел.

— Я же просил найти какого-нибудь специалиста по их языку! — сердито хлопнул ладонью по ручке кресла пятидесятитрехлетний моложавый король. В уединении кабинета он мог себе позволить подобную вспышку, хотя на людях всегда старался держать лицо.

— Извините, это не так просто сделать, язык довольно сложный и совершенно не популярный. Границу с Тариманом всего год назад открыли. Всех знающих мы с самого начала с дипломатической миссией отправили, а тех, кто более-менее усвоил пару глаголов, следом в качестве замены убитым послали. Можно, конечно, двоих оставшихся отозвать... Но вы ведь сами были против, когда у нас последний раз зашла речь об этом!

— Там они нужнее, — насупился король. — А из новых неужели никого не появилось? Во дворце десятки бездельников к ужину в трапезную сползаются!

— Э-э-э... Знаете, опыт предыдущих представителей Белавии в Таримане не очень вдохновляет их на изучение языка. Вот если бы требовался специалист по валорскому, лернийскому или, в крайнем случае, мартнаильскому...

— А ты сам?

— Но... но я ведь тут вам служу, — пришел в замешательство и не на шутку взволновался секретарь. — У меня море обязанностей, свободного времени на изучение одного из многих языков соседей просто нет!

— Жаль, нам бы сейчас пригодился человек, способный расшифровать речь приезжих. К сожалению, чери Трант не побеспокоился прислать дипломатов в ответ. Станные все-таки эти тариманцы, — пожаловался король Абернан II и побарабанил пальцами по подлокотнику. — Может, по всем городам и деревням клич кинуть?

— Это можно. Хотя люди, доставившие тело, уже наверняка отбыли назад, — осторожно сообщил секретарь. — Они очень торопились и даже

не стали расседлывать лошадей.

— Удрали, значит, — сделал вывод Абернан. — Теперь вряд ли мы выясним, что в действительности случилось с послем. Но ты на всякий случай напиши его подчиненным, поинтересуйся. Хотя затевать новую войну из-за посла нам как-то не с руки...

— Да, ваше величество, будет сделано. Кого отправить на замену?

— Н-да, задачка, — протянул король, наморщив лоб и обхватив рукой подбородок.

— Опять ненужного амбициозного бездельника, кого не жалко? — предложил молодой человек.

— Нет. Этих надолго не хватает, — цинично отозвался Абернан. — Они вот то на хищников натываются, как нынешний шестой, то в драку сами лезут, не умея толком фехтовать. Пятый — не помню, как его там, — слишком уж обидчивый оказался, нам больше таких задир не надо.

— Совсем бесхарактерный и глупый там вряд ли чего-то добьется, тариманцы только силу уважают. Может, из вашей личной гвардии офицера покрепче подобрать?

— Было, — отмахнулся Абернан. — При втором после двоих гвардейцев отправляли, так они оба на дуэлях и погибли. Все никак не могли поверить, что у тариманских офицеров выучка лучше. И четвертого мои гвардейцы охраняли... Давай так: мне нужен лучший из лучших. Не важно, как у него обстоят дела со знанием языков, с обучаемостью, насколько он знатен и приближен ко двору. И желательно, чтобы он был не только хорошим воином и дуэлянтом, но и довольно сильным магом.

— Это уровень отнюдь не дилетанта. Как я понимаю, нам же не скандалист и бретер нужен?

— Рассудительность и хладнокровие обязательны, — согласился король.

— Тогда я, пожалуй, знаю только одну кандидатуру. Но этот человек вот уже несколько лет находится у вас в опале, — предупредил секретарь.

— Так даже лучше. Мне не придется жалеть о его смерти, если он окажется не так хорош, как ты, Триан, считаешь.

— Да, боюсь, годы ссылки могли немного сказаться на его форме. Но, по-моему, майор Нимейн, граф Иберникский, даже в свои тридцать девять сильнее и подвижнее многих.

— Не смей его хвалить! — взорвавшись, хлопнул Абернан сразу по двум подлокотникам.

А секретарь понял, что король все еще не простил своего бывшего доверенного офицера и злится на него за то, что тот увел у него фаворитку.

И ладно бы после того, как та сдалась и уступила вдовствующему повелителю... Но незаконнорожденная двадцативосьмилетняя дочь мелкого барона и служанки, прибывшая из поместья в качестве сопровождающей своей юной сводной сестренки, с самого начала отдавала предпочтение только Нимейну. И при первой же возможности сбежала к нему, наплевав на шанс возвыситься и разбогатеть. Плохо, что скандал приобрел широкую огласку, так как первая сплетница при дворе лично застала Фиану в жарких объятиях майора. Абернан был слишком вспыльчив, чтобы простить и сделать вид, что ничего особенного не произошло, что его интерес был не слишком глубок. Нимейна он не разжаловал до лейтенанта, но отправил в отставку без назначения пенсии за заслуги и сослал в унаследованное от отца поместье в трех днях пути от столицы. Фиане же запретил появляться во дворце, рассчитывая этим огорчить девушку и заставить ее переосмыслить и свое поведение, и свои предпочтения. Не думал король, что та отправится вместе с любовником; она казалась слишком тихой, покладистой и благовоспитанной, слишком правильной. Возможно, если бы провинившиеся официально сочетались браком, Абернан сменил бы гнев на милость спустя пять лет после оскорбительного события. Однако пара так и жила в грехе все это время, как ему периодически докладывали.

— Так вы против кандидатуры Нимейна, ваше величество? — немного сникнув, осведомился секретарь. Ему на ум просто не приходили другие претенденты, удовлетворяющие столь высоким требованиям. Нет, хорошие воины и маги в королевстве были, но они отличались то вспыльчивостью, то тщеславием, то глупостью во всем, что не касалось оружия и заклинаний, то уж слишком большой родовитостью. Абернан, конечно, сейчас в таком состоянии, что запросто согласится и на единственного герцогского сына, но... Триану еще дорога была собственная шея. Герцог наверняка выяснит, кто подал идею, и тогда не поскупится на месть. С сильными мира сего надо быть осторожнее в словах и особенно — в поступках. Триан не получил бы свою должность в возрасте двадцати трех лет, если бы уже тогда этого не понимал.

Король для разнообразия задумчиво побарабанил пальцами по стоящему перед ним массивному столу, после чего сказал:

— Пусть будет майор. Давай бумагу, я сам напишу приказ. Готов даже отменить ссылку в качестве вознаграждения и ему, и этой... если Нимейн добьется успеха и продержится в должности посла не меньше трех месяцев. А мы за это время подготовим дипломата, знающего тариманский язык. Займись! Подбери провинциального барона или там виконта какого-

нибудь из захолустья, в котором о кончине шести послов и их сопровождающих в Таримане и не слышали бы. Жду список из десяти смертников.

— Гвардейцев с послом до места назначения направлять?

— Не стоит, Триан. Я уверен, что тариманцам плевать на отсутствие полагающейся по статусу свиты. А двоих помощников, оставшихся в Тааримааде, — старательно проговорил удвоенные гласные в названии столицы Таримана король, — вполне хватит для выполнения мелких поручений. От лишних людей в этой дикой стране одни только лишние проблемы! А мне потом опять делать вид, что я их не замечаю, чтобы не сорвать подписания мирного договора, — поморщился Абернан.

Триан в очередной раз притворился, что пропустил откровения монарха мимо ушей. Он и сам прекрасно понимал, что Белавия сдает позиции Тариману, что даже гибель седьмого, а то и восьмого посла за неполные полгода не заставит его повелителя выдвинуть претензии или предъявить ультиматум. Опасно и невыгодно. Но все равно, ни в коем случае нельзя признаваться, что видишь слабость первого лица государства. Настанет момент, когда это могут припомнить. Нет, Абернан отнюдь не самодур, но бывают у него вспышки гнева, когда под горячую руку лучше не попадаться, да и мстителен он, если уж затаил обиду.

— Донесения Нимейна вы будете читать лично, как и от других послов этой страны, или попросить его писать на имя нашего министра внешней политики? — на всякий случай спросил секретарь, а заодно и тему сменил, чтобы не допустить новых откровений и признаний в слабости.

— Министру! — выпалил Абернан.

Но когда Триан поклонился и повернулся спиной, чтобы удалиться — была ему позволена подобная вольность, — послышался окрик:

— Нет, стой! Пусть оформляет донесения на тебя. Будешь зачитывать их мне и лишь тогда относить министру.

— Как прикажете, — повторно поклонился секретарь с невозмутимым выражением лица. Он понимал, что монарха и любопытство мучает, с одной стороны, и гордость душит, не позволяя наладить общение с попавшим в опалу графом. Ведь разрешить напрямую обращаться к себе — это не только привилегия, это уже первый шаг к смягчению отношений, первая ступенька на пути к прощению. И если бы на эту ступеньку шагнул сам майор... Но он даже в письме не принес извинения за то, что посмел перейти дорогу королю! Вот уже несколько лет живет себе спокойно в глуши, занимается унаследованными землями и хозяйством, воспитывает сына...

Глава 1

ПРИБЫТИЕ ГОНЦА

Под потолком небольшой комнаты, скудно обставленной темной массивной мебелью, ярко горели магические светильники, хотя за узкими длинными щелями окон только начинало смеркаться. И при этом почти слепящем свете практически не мигая сидел, склонившись над большой линзой, молодой человек. Закатанные до локтей рукава рубашки обнажали крепкие жилистые запястья, две верхние пуговицы на груди были вольготно расстегнуты для удобства. На лице застыло сосредоточенное выражение, даже маленькая складочка между бровей залегла. Отвлекаться ему было нельзя. С интервалом ровно в пятнадцать секунд по лежащему перед ним механическому хронометру юноша поочередно подхватывал пинцетом под линзой крохотные твердые горошинки трех минералов, в которых обычный обыватель не нашел бы никаких отличий, и закидывал их в колбу над горелкой. Работа требовала сноровки и недюжинной усидчивости. Не всякий выдержал бы три часа такой пытки, даже зная, что в итоге получит астерлис — универсальное лекарство, буквально за три дня заживляющее тяжелейшие раны, вплоть до смертельных. Маги так и вовсе через пару ударов сердца уже бегать начинали. Полезное зелье, но очень редкое и дорогое, доступное отнюдь не всем. Мало того что для него требовались редкие травы и минералы, так еще и не всякий специалист мог его изготовить. У лучших столичных аптекарей на одну успешную попытку приходилось две-три неудачных. Секунда промедления при добавлении компонента — и все, дело провалено. Но это у аптекарей, юноша в этом плане был значительно успешнее. В последние два года он не испортил ни одной заготовки. И при этом не возгордился, не преисполнился презрением к профессионалам.

Бросив последнюю крупинку и проследив, как бурлящее зелье меняет цвет с бурого на невероятно яркий изумрудный, парень выпрямился, расслабил напряженные мышцы, а потом с видимым удовольствием потянулся. Готово. Он потушил огонь и отставил колбу остывать на специальную подставку. Собственно, на столе на расстоянии вытянутой руки уже выстроился целый ряд склянок с различными составами. Были среди них и яды от вредителей, и снотворное для престарелой матушки кастеляна, и средство от радикулита, и еще множество всякого разного с

непонятными пометками на наклеенных этикетках. Все свидетельствовало о страстной увлеченности хозяина комнаты алхимией. И только он сам знал, как же он ее ненавидит. Но молчал и не признался бы даже самым близким — приемному отцу и его возлюбленной.

Встав, парень сделал несколько приседаний, после чего подошел к стеллажу и вынул из подставки маленькую узкую пробирку с землисто-коричневой субстанцией. Как же ему все это надоело! Но надо пить, пора. К ужину хотелось бы спуститься из башни в нормальном виде. Домашние и слуги притерпелись к нему всякому, но прибывшего несколько часов назад и оставшегося до завтра гонца из столицы лучше не пугать.

Молодой человек приблизился к зеркалу напротив стеллажа и с грустной улыбкой посмотрел правде в глаза. Так надо, чтобы не забыть о своей ущербности, чтобы черпать в воспоминаниях решимость, настраивать себя на дальнейшее освоение ненавистной алхимии. Он многого добился. Теперь, выпив несколько граммов жидкости, он целых двенадцать часов выглядел почти нормальным. Зрячим.

«Бельмоглазый!» — дразнили его в детстве многие мальчишки, а девочки испуганно шарахались. Кто бы только знал, как страстно он тогда мечтал о самых обыкновенных глазах — таких, как у окружающих. У него же вокруг крохотной точки зрачка было лишь белесое глазное яблоко. Почти все принимали его за слепого. Но он видел! И это служило еще одним поводом для насмешек со стороны других детей. Калеку они могли бы пожалеть, а зрячий урод жалости не вызывал, лишь любопытство, гадливость и стремление показать ему место — среди отбросов. К сожалению, отпрыски аристократов, с которыми он рос и воспитывался во дворце почти до тринадцати лет, знали, что он им не ровня. Всего лишь приемыш, найденный молодым графом Иберникским в кустах во время одного из рейдов против сектантов в самом начале военной карьеры. Не раз его «просвещали», что родители наверняка испугались появившегося на свет уродца и при первой же возможности выкинули в лесу. От обиды мальчик лез драться, неоднократно был бит превосходящими силами противника, но, как ни странно, не обратился к отцу с просьбой помочь, научить, куда целиться, не озлобился, хотя в результате все равно был вынужден заниматься и фехтованием — полагалось как аристократу, пусть и мало кем из подростков признанному. Оружием и единоборствами парень не увлекся, уже тогда понимая, что всех не побьешь, всем рот не заткнешь; он поставил целью изучить алхимию и найти способ сделать себе нормальный цвет глаз. Хотелось бы голубой, как у приемного отца, но...

Быстро проглотив противную вязкую субстанцию, молодой человек

проследил, как вокруг зрачков медленно формируются темно-коричневые, почти черные круги. Что ж, он рад и такому цвету.

Зеркало послушно отобразило крепкого симпатичного кареглазого парня с растрепанной русой шевелюрой, которой в ближайшее время явно не помешала бы стрижка. Фиана уже недели две порывалась приблизиться к нему с ножницами. Но пусть лучше и дальше на отце тренируется, а то опять до короткого ежика доравняется. Н-да, ее увлечение самостоятельным приготовлением пирогов в прошлом году было значительно предпочтительнее. Кривые, но вкусные кексики, булки и другая выпечка устраивали и старшего и младшего графа, несмотря на неказистый вид. Но парень соглашался мириться с любыми часто меняющимися увлечениями возлюбленной отца, лишь бы пара была счастлива. Да и, честно говоря, он был благодарен Фиане за то, что та поспособствовала переезду из комнат в дворцовых казармах в поместье, тут ему значительно лучше. Еще бы сестренку получить... Может, тогда Фиана и на свадьбу, наконец, согласится, перестав винить себя в погубленной карьере отца? И ведь понимает же, что тут ему тоже неплохо, жизнь кипит: то разбойники заведутся, то людей для сбора урожая не хватает, то деревенские праздник затеют, в гости пригласят, то с соседями разбираться приходится из-за вытоптанных чужим стадом пастбищ. И подраться можно, и повеселиться — скучать просто некогда. А на службе у Абернана II разве что сражаться пришлось бы чуть чаще, да во всяких парадах и смотрах участвовать, наследника по таким же, как у них, поместьям сопровождать.

Интересно, а какие новости привез гонец? Тревожно что-то на душе, ведь пять лет о них никто важный из столицы не вспоминал. К добру ли? Не пришлось бы менять налаженную жизнь в поместье, бросать приятелей и стекающие сюда заказы на алхимические зелья от немногочисленных, но денежных и проверенных клиентов. Парню нравилось зарабатывать наличные расходы самому, не обращаясь каждый раз к графу. Нет, приемного отца он любил как родного, но, согласитесь, в восемнадцатилетнем возрасте приятнее иметь собственный источник дохода и ни от кого не зависеть. Хотя многие из знакомых детства называли бы подобное стремление плебейским, у аристократов зачастую десятки родственников жили на подачки главы семейства.

Бывали моменты, когда мысль о том, что настоящие родители бросили его, сильно огорчала, вводила в депрессию и заставляла относиться к себе чересчур самокритично и требовательно. Хотелось доказать всему миру, что он тоже чего-то стоит, обратить на себя внимание. Но конечно же ни

внимания, ни известности за свои недолгие лета парень не приобрел — не успел, зато уважение определенного важного круга лиц честно заработал благодаря старанию и усидчивости. Пусть он не был доблестным воином, как отец, не являлся героем чьих-то грез, о нем не шептались по углам, пусть. В основном его все устраивало. Да и граф ни разу не дал повода усомниться в своей любви, воспитывал как родного, и, кажется, даже давно перестал замечать «бельмоглазость». Это и понятно, любовь ослепляет, привычка замутняет взор. Нимейн даже лично выбранное красивое аристократическое имя Никоэль сократил до ласкового Ник или Нико. И никогда не забывал о дне рождения отпрыска, назначенном наугад на подходящую дату, насколько разбирался тогда в младенцах. Вот и два месяца назад целый праздник устроил, пригласив соседей с дочерьми в тщетной надежде, что хоть одна из них приглянется. На дополнительном обучении фехтованию он не настаивал, удовлетворился малым, преподав минимальные необходимые навыки самообороны и убедившись, что после алхимических занятий в неподвижности парень не пренебрегает физическими упражнениями и полосой препятствий, которую соорудил у себя для отряда воинов. Ни разу не пожалел об отсутствии магического дара у приемного сына, оказал поддержку в освоении алхимии, достал книги, нашел первых поставщиков минералов, выделил помещение... Найденьшу грех было жаловаться на судьбу и отношение к себе. Нимейн являлся сразу и отцом, и лучшим другом, несмотря на разность интересов.

— Мастер Никоэль, — раздался голос кастеляна с лестницы, и в дверь негромко постучали три раза, деликатно привлекая внимание. — Его светлость спрашивает, спуститесь ли вы к ужину или можно садиться за стол без вас?

— Сейчас приду, — отозвался молодой человек. — Вернан, а гонец с нами? Не отбыл ненароком?

— Тут он, — ответил слуга, заглядывая в комнату. — Я лично хотел вас предупредить, чтобы не возникло неудобной ситуации. Чужой человек все-таки.

— А ты, случайно, не в курсе, какие новости он привез?

— Граф унес письмо в кабинет и там обсуждал содержание с госпожой.

— Я буду очень разочарован, если ты скажешь, что не услышал ни слова.

— Ну разве что случайно и всего два слова, — с заговорщицкой улыбкой протянул кастелян.

— Ты же знаешь, что я не выдам. Говори.

— Послом вашего батюшку назначают.

— Что? Куда?! — не сдержался и повысил голос молодой человек.

— Самому интересно. Не хотелось бы, чтобы вы переезжали в другую страну, бросив поместье, — честно признался слуга. — Лучше бы граф отказался.

— К сожалению, королю не отказывают. Отец обязан выполнить приказ, иначе это будет государственной изменой. Одно дело — личные противоречия и обиды и совсем другое — служба.

— Да-а, беда, — вздохнул Вернан. — Может, хотя бы вы вместо его светлости останетесь? Или собираетесь с семьей на чужбину?

— Посмотрим. Мне надо поговорить с отцом.

— Тогда спускайтесь. Ужин через пятнадцать минут, — сверился кастелян с карманным механическим хронометром.

— Хорошо, иду. Вернан, снотворное для матушки прихвати, пожалуйста. Остальные склянки я сейчас тоже спущу вниз и завтра утром разнесу заказчикам. Конечно, если будет время самому мотаться по соседним поместьям и в курьерскую службу.

— В свою комнату на другой конец дома вы сейчас не успеете. Разве что бегом.

— Ничего, на буфет поставлю. Там их все равно никто не тронет, горничные привыкли.

— Только рубашку поправьте, мастер Никоэль. Давайте я вам помогу опустить рукава.

— Опять эти формальности, — поморщился молодой человек, но позволил расправить ткань на левой руке, пока правой застегивал пуговицы на груди и укладывал воротник, как положено.

— Батюшке-то вашему и госпоже все равно, сами не любят церемоний, но гость... Мне он не слишком понравился, — откровенно сообщил Вернан. — Нос сильно задирает и на слуг сверху вниз смотрит. Эстею в углу зажал, мне нагрубил, когда я вмешался. Нехороший человек, гнилой.

— Плохо дело, — протянул молодой человек, продолжая приводить одежду в порядок. А сам тем временем задумался: может, и не стоит спускаться к ужину? Новость он уже знает, обсудить назначение и планы с отцом не поздно и после, в кабинете, не в присутствии же чужого человека объясняться. Так стоит ли портить себе аппетит? Гораздо проще сбежать в деревню, в таверну.

— Плохо, и не говорите, — согласился кастелян. — Гонец-то уже два раза нашу госпожу себе под нос шлюхой успел назвать. Извините, что я так

прямо, сам я так не думаю.

— Как он посмел?! — вскинул голову парень. Из-за сильных эмоций состав крови немного изменился, и это тут же отразилось на эффективности выпитого алхимического состава — цвет глаз поблек, радужки словно выцвели. Но все быстро вернулось в норму, когда Никоэль взял себя в руки. Кому-то это явление могло показаться причудливой игрой света, однако и он сам, и часто наблюдающие за ним слуги знали, что все не так просто. — Вернан, я лично прослежу, чтобы этот тип больше не смел и рта раскрыть! Фиана не заслуживает оскорблений, тем более от какого-то придворного хлыща.

— Осторожнее, мастер Никоэль, не доведите дело до дуэли. У гонца с собой шпага, и, судя по всему, управляется он с ней неплохо, оружие ему ничуть не мешает. Поверьте, я уже насмотрелся на друзей и подчиненных графа.

— Не волнуйся обо мне. Три капли из склянки с буфета — и грубиян просто не сможет меня вызвать, голоса не будет, — усмехнулся молодой человек.

— Это из той, что вы собирались отослать сыну глуховатой баронессы?

— Говори уж прямо — глухой горлопанки. Я с ней общался всего один раз, так до сих пор с ужасом вспоминаю. Она имеет нехорошую привычку притягивать к себе голову собеседника, придвигать губы к уху и орать изо всех сил. После одной капли лекарства звук для окружающих становится комфортнее, уже не оглушает, — заметил Никоэль, аккуратно подхватывая и распределяя свои склянки, чтобы не уронить по дороге вниз. — После трех же капель на сутки обеспечена полная блаженная тишина.

— Все равно не рискуйте понапрасну. Граф сам способен поставить на место любого обидчика госпожи.

— В том-то и дело, что при отце гонец вряд ли рискнет высказаться. Сколько я себя помню, при дворе при нем все всегда приторно улыбались и расточали лживые комплименты. Даже мне! У этих аристократов отменное чутье на неприятности, инстинкта самосохранения у них не отнять. Ладно, я готов. Буду следить, чтобы гонец ни в коем случае не остался наедине с Фианой и не ляпнул чего-нибудь оскорбительного.

— Вас тоже могут оскорбить, — предупредил слуга, распахивая дверь.

— Плевать! Я не гордый, про меня пусть говорит, что хочет.

— Неправильно это, мастер. Вы лучше большинства этих хлыщей. И как вы не поймете? Вам бы еще несколько уроков у графа взять...

— Ну-у, худо-бедно я и сам могу махать шпагой, — напомнил

Никоэль, начиная спускаться по довольно крутой лестнице вдоль наружной стены квадратной башни. — А лучше мне и не надо, только глупцы рвутся рисковать жизнью из-за каких-то слов в отношении себя.

— При дворе за такое долготерпение и уступчивость будут презирать, — заметил Вернан, торопясь за молодым господином.

— Если бы меня так волновало чье-то мнение, то даже в детстве, имея за плечами лишь несколько уроков от отца, мне пришлось бы драться каждый день, причем с теми, кто старше, опытнее и сильнее. И в чем же достоинство и честь этих лицемерных правдолюбов? А нет у них чести, которую они так стремятся продемонстрировать!

— Эх, мастер, мастер, трудно вам придется. И лебезить вы не привыкли, и защищаться с помощью ядов, интриг и подлых приемов толком не можете. Нет, все-таки как матушка оправится от своей мигрени, попрошу ее поговорить с графом о вашем дальнейшем воспитании.

— Вернан, только кормилицу отца сюда вмешивать не надо! Я уже взрослый и совершеннолетний. Ты не находишь, что поздно воспитывать? Я не собираюсь жить в серпентарии при дворе.

— Но как сыну посла вам придется вращаться в высших кругах. Или вы все же тут останетесь?

— Ой, не пытайся заранее поймать меня на слове. Я же сказал — не решил еще. И не нервничай почем зря. Так уж получилось, что если отец — мастер фехтования, то я — мастер делать вид, что не замечаю и не понимаю чужих оскорблений. Высот отца мне никогда не достичь, даже пробовать не хочу. Я — не он, да и магией не владею. Иногда очень забавно наблюдать, как кто-то наизнанку выворачивается, пытаясь меня хоть чем-то задеть.

Слуга это все и сам знал, частенько наблюдал общение молодого хозяина с заезжающими на ночевку именитыми напыщенными аристократами и некоторыми спесивыми поначалу заказчиками, которые искали умелого алхимика, но не ожидали найти его в лице парня со странными глазами. Если Никоэль в тот день не пил свое зелье, то гости в полном составе поочередно, по мере столкновения, принимали его за слепого и относились брезгливо, как к юродивому. Тем более что с одеждой он не утруждался, за модой не гнался. Случайный человек по внешнему виду вряд ли опознал бы в нем графского сына, скорее принял бы за секретаря. И потому Вернан искренне переживал, когда люди проявляли пренебрежение и не воздавали должное тому, кто, по его мнению, действительно был достоин входить в высшее общество Белавии.

До дверей столовой Никоэль так и дошел под воспитательное

бурчание кастеляна. Тот не часто позволял себе высказываться и давать советы, но уж если начинал... Парень в ответ только добродушно усмехался. Может, кого-то подобные речи от слуги раздражали, но Ник никогда не злился на проявления заботы, ему было приятно — значит, он не безразличен не только отцу. Итогом сложного детства для него стало настороженное отношение ко всем окружающим и поиск подвохов в каждом слове чужаков, он плохо сходился с людьми. И если во взрослом возрасте приятелями он мог бы назвать многих, то друзьями — только графа и Фиану.

Толкнув коленом дверь столовой, за которой царила странная тишина, Никоэль стремительно влетел в огромное помещение, сгрузил свои склянки на буфет, стоящий по правую руку, и только тогда развернулся к длинному столу для торжественных приемов. Отца и Фианы еще не было, а вот гость — незнакомец лет двадцати — уже сидел, вольготно развалившись на стуле с высокой спинкой прямо на графском месте во главе стола. Недовольно поджав губы, он наблюдал за суетой слуг, заканчивающих сервировку. Среди аристократов считалось вежливым и правильным опоздать на пять-десять минут или же — высший шик — прийти минута в минуту, под звон часов. Гонца же голод, похоже, пригнал раньше времени. Или же он просто не счел необходимым демонстрировать хорошее воспитание опальной семье. По совокупности факторов Никоэль склонялся ко второму варианту. А еще ему очень не понравилось настороженное молчание слуг, которые, сколько он себя помнил, имели обыкновение весело переговариваться в процессе работы. Они даже тарелками не бренчали. Каждый предмет опускался преувеличенно аккуратно. Хотя граф никогда не старался воспитать из своих слуг безмолвных, незаметных, исполнительных теней и не запрещал вести себя просто и обыденно. В некотором роде все, долго проживающие в поместье, были для него чем-то вроде семьи с разной степенью родства и приближенности. Он ведь видел одни и те же лица на протяжении ряда лет и никогда не забывал, что перед ним такие же люди — не лучше, но и не хуже многих равных ему аристократов.

— Добрый вечер, — поздоровался парень, внимательно рассматривая гонца, одетого в дорогой камзол. А уж его кольца с огромными камнями могли ввести в искушение любого разбойника на дороге. — Позвольте представиться: Никоэль.

Последние слова прозвучали под бренчание склянок, которые Вернан за его спиной пытался поудобнее устроить на буфете, чтобы никто не задел, потянувшись за стоящими тут же рюмками.

— Бельмоглазый — ты, что ли? — расслабился напрягшийся было при

виде вошедших людей гонец. — Не узнал, не узнал. Стекляшки себе вместо глаз вставил? А видишь каким образом? Магия?

— Алхимия, — пожал плечами Ник. Вопреки собственным ожиданиям, в его душе ничего не дрогнуло, когда он услышал старое прозвище из уст аристократа, с которым, похоже, был знаком в детстве. А ведь раньше это прозвище всегда его злило, особенно если произносилось таким снисходительно-пренебрежительным тоном, как сейчас. Перерос. Когда-то чужое мнение было ему очень важно, теперь же... Почему он, собственно, должен принимать близко к сердцу мнение и слова напыщенных чужаков?

— Ну-ка, ну-ка... — Гонец не поленился встать и подойти ближе, после чего бесцеремонно уставился в лицо графского сына. — Точно не искусственные? А если я сейчас в один ткну?

— Не будь идиотом, — устало вздохнул Ник. — Мои глаза не так уж сильно отличаются от твоих.

— От ваших! — возмущенно поправил гонец. — Давай обойдемся без фамильярностей, я все-таки будущий маркиз. Совсем воспитание растерял в своей глухой деревне! Разучился общаться с настоящими аристократами. Впрочем, ты и не умел.

— А я и не рвусь с тобой общаться. Я, видишь ли, на ужин сюда пришел.

— Мог бы в таком случае не приходить. Ужин — это действие...

— Тебя забыл спросить, — перебил Никозель. — Это у вас там, в столице, ужин представляет собой целый театрализованный спектакль, а у нас, в глухой деревне в двух днях езды от столицы, — ехидно заметил парень, — это просто прием пищи.

— Ты осмелел, однако, — смерил его изучающим взглядом, словно знакомясь заново, гонец. — Если не сказать — оборзел в край. Интересно, а дерешься ты все так же плохо? — ненавязчиво переместил аристократ ладонь на рукоять шпаги, которую хорошему гостю стоило бы оставить наверху, в отведенной ему комнате.

— Дерусь я обыкновенно — кулаком в глаз. Мы, знаешь ли, в глухой деревне люди простые, гостей при шпагах встречать не привыкли. Проще вот так... — И Никозель молниеносно выбросил руку вперед, остановив кулак в нескольких сантиметрах от лица нахала.

Гонец запоздало отшатнулся и на всякий случай ощупал левый глаз, в который был нацелен удар.

— Ты же... ты же мог... — От избытка чувств у аристократа перехватило дыхание, лицо покраснело.

— Не мог. Я всегда точно рассчитываю свои движения. Вот если бы реально захотел ударить...

— Так дерутся плебеи! Где твоя шпага?

— Я ее уже года полтора не видел. Наверное, где-то под кроватью валяется, если слуги не подобрали, — хладнокровно ответил Никоэль, с затаенным удовольствием наблюдая, как бесится аристократ. Н-да... Даже не ожидал от себя такой мстительности. Хотя разве же с этим хамом можно нормально общаться? Вот теперь и посмотрим, осмелится ли гонец и дальше нарываться на драку, зная, что проходить она будет не по дуэльным правилам и не тем оружием, которым он, несомненно, великолепно владеет. Главное не зайти слишком далеко и не переступить ту грань, за которой спесивому гостю станет все равно, есть ли в руках противника оружие или придется бесчестно напасть на человека без шпаги. Все-таки некоторые принципы и моральные запреты существуют даже у невоспитанных придворных хлыщей.

Никоэль полюбовался на немного растерявшегося гонца, который, очевидно, соображал, как вернуть беседу в привычное для него русло. Все же, сколько бы аристократы при дворе не дразнили его на словах приемышем и безродным приживалой, в мыслях все равно считали практически ровней себе. Они ведь получили одинаковое воспитание, росли рядом. И теперь нетипичная реакция и признание в отсутствии оружия, да и в отсутствии желания им помахать, сильно озадачивали задиру. Поэтому Ник решил избавить его от колебаний и еще больше сбить с толку.

— Вина? — миролюбиво предложил он, сделав шаг к столу, где стоял графин, и, не дожидаясь ответа, принялся наливать аперитив в два бокала, для чего ему пришлось повернуться спиной.

Сзади раздалось сдавленное ругательство. Но нападения, как и ожидал Ник, не последовало. И даже — о чудо! — аристократ не стал продолжать перепалку и принял бокал с вином, который тут же и выпил залпом.

Сам приемный сын графа Иберникского едва пригубил янтарный напиток. Не любил он горячительное, туманящее мозг, хотя признавал, что иногда стоит сделать несколько глотков за компанию для налаживания отношений или лучшего течения сложной беседы.

«Н-да, — с легкой грустью мысленно вздохнул Ник, — а ведь я, кажется, стал натуральным гадом — хладнокровным и язвительным. Сам не заметил, как это произошло. Ведь совсем недавно еще захлебывался от эмоций, стоило кому-то нанести словесное оскорбление. Вырос, наверное. Восемнадцать лет — это уже не детский возраст».

Пока парень предавался ностальгии, дверь столовой распахнулась и послышались торопливые шаги Нимейна и шелест юбок Фианы, которая пыталась не отстать от графа. Кажется, они обсуждали назначение до последнего и чуть не опоздали к ужину. Граф был высок, мускулист, темноволос, никто не дал бы ему больше двадцати с хвостиком. На его фоне и так миниатюрная и изящная девушка казалась еще более тонкой и хрупкой. Длинноволосая блондинка напоминала фею, а мужчина рядом — ее рыцаря.

— Я смотрю, вы уже познакомились, — бросил граф, подходя к своему месту. Он так и не узнал, что, явившись минут на десять раньше, рисковал обнаружить кресло занятым.

— Э-э-э... — протянул Ник, только сейчас сообразив, что имя-то как раз спросить забыл. Перехвалил он себя, до взрослого ему еще далеко. Дурак! Хотя... Парень незаметно покосился на спесивого гонца. Стоит ли вообще возобновлять знакомство? Он легко переживет, не зная, с кем сейчас чуть не сцепился. Забавно, однако. В детстве он и представить не мог, что обидчиков можно сбивать с толку, выводить из себя, подначивать и подбивать на действия, которые те не собирались совершать. Тогда ему хватало ума только на то, чтобы неумело разыгрывать невозмутимость, хотя внутри все бурлило.

— Мы знакомы, — буркнул гонец, с громким стуком опуская пустой бокал на стол. Он был недоволен собой — повелся на провокацию, утратил инициативу, ничего не добился. И вдобавок ко всему только что потерял место во главе стола. А ведь собирался дать понять графу, что тот при дворе по-прежнему изгой, расходный материал. Только глухой сейчас не знал, что в Таримане опять требуется посол и на эту роль Абернан подставил бывшего майора. Не все, правда, одобрили такое решение монарха, кое-кто тайком ворчал, а то и возмущался. У графа осталось при дворе довольно много друзей, поклонников, доброжелателей. Странно только, что и Бельмоглазого при этом вспомнили, сам придворный лекарь, не скрываясь, громко посетовал, что негоже оставлять молодого парня сиротой, он нужен в добром душевном здравии. К чему бы это?

Будущий маркиз неприязненно покосился на русоволосого приемыша. Внешне тот мало изменился за годы проживания вне столицы, его легко было узнать. Немного вытянулся, стал не таким хлипким, более жилистым. А вот растрепанная шевелюра и серьезное лицо почти те же, пусть и на несколько лет взрослее. Как же бесит этот его замерший взгляд, словно он увидел в пространстве что-то интересное, недоступное иным смертным, и теперь пристально изучает! Да и новые привычки в поведении просто

выводят из себя. Раньше Бельмоглазый не был так спокоен, язвителен и уверен в себе. Сбить бы с него спесь... Да и графа задеть не помешает. Абернан наверняка оценит, если кто-то отомстит за его неудачу в любви.

— Да вы садитесь, — радушно пригласил к столу хозяин поместья. — Нико, покажи гостю пример.

— Он моему примеру все равно не последует, иначе закинул бы шпагу куда-нибудь подальше. Не в качестве столового прибора он же ее сюда принес.

Граф нахмурился, догадавшись, что сын находится не в лучших отношениях с гонцом. Да и последний оказался явно не в самом благодушном настроении. Но сын правильно заметил: нормальные гости с оружием по чужому дому не разгуливают. Хотя надо сделать скидку на молодость гонца, в его возрасте многие ведут себя развязно. К тому же нельзя сейчас, когда Абернан вспомнил про них, без серьезного повода ссориться с его посланником. Любой мелочи может оказаться достаточно, чтобы угодить не просто в опалу, а в тюрьму или на плаху. И если бы при этом он отвечал только за себя... Но нет, достанется и Нико, и девушке, которую он уже несколько лет хотел бы официально назвать женой. Не зря же Триан дописал от себя просьбу быть аккуратнее, исполнительнее и беречь себя. И его совет — сразу по приезде продемонстрировать невзначай что-нибудь впечатляющее из магии и пригласить тариманцев на совместную разминку с оружием — тоже был дан явно из лучших побуждений. Хороший мужик этот секретарь, ни с кем специально не ищет ссоры и готов помочь любому... если ему это ничего не будет стоить. Так что гонца задевать нежелательно, пусть задирает нос, цедит слова через губу, кидает презрительные взгляды... Мальчишка же! Ненамного старше его сына. Такого ранить на дуэли — себя не уважать. Лучше попробовать после ужина поговорить с ним по душам за рюмкой коньяка, польстить самолюбию. Авось толку больше будет, расскажет, что еще не так с этой должностью посла. Хотя слухи о частой гибели белавцев в Таримане доходили и до поместья.

— Присаживайтесь оба, — попросил молодежь граф. — Нико, завтра утром мне надо кое-что обсудить с тобой в кабинете.

— А почему не сегодня после ужина? — вскинул голову парень, которому не терпелось узнать новости в подробностях из первых уст.

— Сегодня мне бы хотелось угостить Риардона коньяком. А ты ведь не пьешь. Надеюсь, вы не откажетесь? — повернулся граф к молодому гонцу.

— Пожалуй, соглашусь, — с важным видом кивнул тот и с чувством превосходства посмотрел на Бельмоглазого. Так его!

Ник пожал плечами и ничем не выказал своего разочарования. Он взялся за столовые приборы и улыбкой просигнализировал служанке, что готов попробовать первое блюдо. Если отец хочет остаться вдвоем с этим Риардоном, значит, так нужно. Значит, он намерен напоить его, благо что сам не пьянеет, и выяснить что-то полезное. Пусть поговорят, а он тем временем может расспросить Фиану. Ехать ему с отцом в Тариман или не ехать — вот в чем вопрос.

В задумчивости парень не обратил внимания, как за ужином разговорился гонец, польщенный вопросами и похвалами с завуалированной иронией от человека, овеванного славой, не потерявшего уважения из-за опалы. Как аристократ постоянно оглядывался на него, желая увидеть ревность и злость, а вместо этого злился сам, обнаружив полнейшее равнодушие. Роли поменялись. Теперь будущий маркиз хотел признания своих заслуг, хотел видеть в глазах отстраненного от двора младшего отпрыска семейства зависть. Бельмоглазому ведь никто не доверял важного письма с подписью самого короля! Однако Риардон не учитывал, что Никоэлю уже не нужно было самоутверждаться, тот знал, на что способен, знал, что может приносить пользу, что его ценят. А те, кто считает его пылью под ногами... Пусть живут. Он не золотой белар, чтобы всем нравиться.

Фиана первой удалилась из-за стола, извинившись перед гостем. Однако напоследок она не забыла кинуть выразительный взгляд на Никоэля, намекая, что не прочь поговорить.

Игнорировать ее желание парень не стал, ведь и он хотел того же. Возможные перемены волновали обоих, заставляя гадать, к лучшему они или к худшему. Не прошло и двух минут, как Ник отодвинул от себя блюдо, аккуратно положил столовые приборы ручками к себе и поднялся.

— Пожалуй я тоже пойду. Риардон, приятно было повидаться, — сказал он. А что? Действительно приятно. Он наконец понял, что призраки прошлого над ним не властны, детские обиды не довлеют над разумом.

Вместо ответных заверений королевский посланник только неопределенно дернул головой. Ему-то встреча не доставила никакого удовольствия. Ишь, осмелел! Вместо насквозь лживых заверений во взаимности он заявил:

— Приезжай ко двору, Бель... Никоэль. Поздороваешься со старыми друзьями. Да и они... поздороваются.

— В смысле — отсалютуют шпагой? — усмехнулся парень. — Нет, спасибо. Уж лучше пусть они к нам в деревню, — еще раз поддел он, — едут отдохнуть. А мне и тут хорошо живется, спокойно.

— Ну-ну, посмотрим, как тебе понравится в Таримане. И не останешься ли ты там... навечно.

— Кто тебе сказал, что я туда собираюсь?

— Но... — начал возражать Риардон, однако не договорил. Действительно, насчет Бельмоглазого король вряд ли прислал какие-то распоряжения. Драконы побери этого приемыша! Неужели ему так и сойдет с рук борзость?! Нет, надо что-то придумать, чтобы отомстить. Будущий маркиз нахмурился, натужно соображая. К сожалению, на ум ничего не приходило, идеи не торопились осенять его голову. Кажется, он перебрал с вином, тем более что граф подливал, не жалея. Да он и не отказывался, рассчитывая досадить хозяевам расточительными затратами на неразбавленный водой дорогой выдержанный напиток.

— Ладно, я вас оставляю, — махнул рукой Ник, подхватил яблоко и, развернувшись, стремительными шагами направился прочь. Надо многое обдумать. И в частности, как он сам будет жить в поместье, когда отец с Фианой отправятся к месту службы. Спасибо Риардону, благодаря его поведению он только что окончательно определился с решением: к драконам этот Тариман! Королевский двор — это не лучшая для него среда. Опять интриги, оскорбления, подвохи в каждом слове, опять неприязнь, когда обнаружится главный недостаток его внешности. А дефект глаз обязательно выплывет наружу, ведь если жесты и выражение лица можно жестко контролировать, то собственные гормоны... Нет, свет на столицах не сошелся.

Жуя яблоко, парень быстро шел к гостиной, где в кресле у камина рассчитывал найти Фиану. Это было одно из ее любимых мест для занятия рукоделием. Паркет чуть слышно поскрипывал под его весом, зато пара дверей на пути не издали ни звука — петли были хорошо смазаны. За домом и угожьями присматривали на совесть даже без подробных распоряжений и указаний графа.

— Ну-с, делись новостями, — бодро попросил Ник, заходя в гостиную.

— До сих пор успокоиться не могу, мне кусок в горло не лез, — пожаловалась пассия отца, вышагивая по комнате кругами и заламывая руки. — Не верю я, что с этим назначением все так просто! Это же подтверждает и найденная в конверте с указом записка от Триана — секретаря его величества. Он честно предупреждает, что в Таримане опасно, посланники мрут, как мухи. Дуэли, неудачные состязания, в ходе которых происходят несчастные случаи, нападения хищников... А на ссору с тамошним правителем Абернан не пойдет! Он не выдвинет претензий,

даже если в Тааримаад придется отправлять по представителю в день! Белавии нужен мирный договор, да и земля лишней не будет.

— Не волнуйся, отец справится. Дуэлями его не испугать, не зря же он один из лучших воинов и магов королевства. Он секту адептов темного Эара в полторы сотни человек единолично заклинаниями сдерживал! А помнишь, в прошлом году он наткнулся на отряд разбойничавших на дорогах оборотней? Ни сила, ни скорость не помогли им против выучки отца.

— А хищники?!

— Не думаю, что они страшнее оборотней, не надеющихся на помилование за свои зверства. Тем более что, в отличие от изгоев из Лернийского государства, у зверей нет логического и тактического мышления.

— Все равно я боюсь за Нимейна! — воскликнула Фиана, и по ее щеке скользнула одинокая слезинка, блеснувшая в свете ярко пылающего в камине огня. Магические лампы под потолком в комнате не горели, так как девушка предпочитала горевать в сумраке — так хуже видно выражение ее лица.

— Лучше побеспокойся о себе, — посоветовал Никоэль. — Именно ты — слабое место отца. Ну и я, естественно. Только я уже решил, что в Таримане мне делать нечего. Пользы не принесу, зато могу нарваться на неприятности, если тариманские аристократы, так же как белавские, не приемлют физических недостатков.

— Да-да, в записке что-то было про желательность хорошей физической формы и отсутствие недостатков во внешности, — часто закивала Фиана. — Но... как же я? Может, мне тоже стоит остаться в поместье? Нимейн ведь не на всю жизнь переезжает, а только на полгода с обязательным условием, что за этот срок должен быть подписан документ о разграничении земель государств. С одной стороны, не хочется оставлять твоего отца без моральной поддержки и дружеского плеча рядом, а с другой... как бы мое присутствие не вышло ему боком.

— Думаю, отец не обидится, если ты дождешься его тут, — подходя ближе, обнял Ник мачеху, стараясь поддержать ее. — А что он сам говорит?

— Отказывается меня брать, — тяжело вздохнула Фиана. — Я просила, но... Нимейн пообещал, что мы это еще обсудим, однако вряд ли поменяет решение. Если я и отправлюсь в Тааримаад, то вопреки его воле. Больше споров у нас было насчет тебя.

— Кажется, я догадываюсь. Отец хотел пригласить меня с собой, чтобы научить изворачиваться, когда имеешь дело с представителями

власти, да? Он вечно ворчит, что мне не хватает общения и компании сверстников, что в моем возрасте в поместье должно быть скучно, — протянул Ник, всем своим видом выражая несогласие с таким мнением.

— Нет, — огорошила девушка. — Наоборот — он настаивал, чтобы ты пожил тут. Нимейн тебя любит, а потому не хочет рисковать. Он же помнит, как переживал и расстраивался, когда при дворе в Вельте ты приходил с синяками, ссадинами, а то и вовсе с рассеченной шпагой кожей на конечностях. Шрамов не осталось только чудом. Благодаря эмоциям отцу удавалось лечить у тебя без всякой алхимии такие раны, какие на других он и стянуть-то до грубого рубца не сумел бы! Нимейн называет те события самым большим кошмаром своей жизни. Он же ничего не сможет сделать, если теперь, во взрослом возрасте, тебя вызовут на поединок чести, разве что отомстит как следует. Но это, сам понимаешь, не лучшее утешение.

— Пусть сначала сумеют вызвать, — усмехнулся Никоэль.

— Давай не будем шутить с опасностями, — попросила Фиана, умоляюще глядя в глаза парню. — Вы с отцом единственные в мире близкие мне люди, если не считать тех, кто близок только по общей крови.

— Не волнуйся, я и не рвусь рисковать. Если мне в ближайшее время что-то и грозит, то только дополнительная работа по исполнению заказов. У меня такое ощущение, что наш сосед, герцог Эсский, часть зелий переправляет в столицу и там перепродает. А иначе зачем бы ему столько астерлиса?

— Ты против?

— Нет, — покачал головой Ник. — Я в накладе не остаюсь, платят более чем щедро. Только не люблю я всех этих хитростей. Если астерлис нужен для кого-то из вельтских офицеров или придворных хлыщей, так бы и говорили. А то — знакомому надо... Нескольким дюжинам знакомых!

— Да-а, из тебя явно дипломата не получится, — забывшись, рассмеялась девушка. Но спустя миг на ее лицо опять легла тень беспокойства.

— Лучшая дипломатия — это честность. Если уж получаешь по шее, точно знаешь, за что, — хмыкнул Никоэль.

— Ох, надеюсь, ни у кого не найдется повода, чтобы рассердиться на Нимейна.

— Ты опять? Спокойнее, постарайся отвлечься и уснуть. Если хочешь, я могу дать тебе пару капель абсолютно безвредного снотворного, в столовой на буфете целая склянка.

— Спасибо, обойдусь. Не хочу мешать Нимейну общаться с гонцом.

— Да я и сам не горю желанием лишний раз видеть лицо этого

заносчивого типа, — признался Ник. — Кажется, он напился. Хотя так отцу даже легче будет выпытывать у него последние новости и сведения в поисках подводных камней. Но ты хотя бы теплого молока на кухне на ночь выпей.

— Непременно. А сейчас попробую отвлечься вышивкой. Посидишь еще со мной или работать пойдешь?

— Извини, надо измельчить некоторые минералы.

— И как тебе терпения хватает часами что-то толочь?

— Сила воли и самоорганизация, — пожал плечами парень. — Зато потом есть повод для гордости. Если заказчики продолжают хвалить теми же темпами, скоро совсем важным гусаком стану, — сыронизировал он над собой.

— Ты? Ни за что не поверю! Ник, постарайся побольше отдыхать. В твоем возрасте ненормально столько работать.

— Закончу еще одну партию и целую неделю буду только ездить верхом, слоняться по поместью и мешать всем в гостиной. Обещаю, — приложил правую руку к сердцу парень. — Хотя я и без того не забываю почти каждое утро бегать по папиной полосе препятствий после долгого вечернего сидения в башне. Раз договорились, приходится напрягаться, — вздохнул он.

Глава 2

ЗАМЕНА

— Мастер Никоэль, мастер Никоэль! — раздалось где-то над головой. Парня ощутимо тряхнули, схватив за руку. Не проснуться было попросту невозможно, хотя он лег далеко за полночь. А если еще точнее, за пару часов до рассвета.

— Что случилось, Вернан? — хриплым со сна голосом поинтересовался молодой человек, с трудом открыв глаза. Он аккуратно высвободил руку и сел. — Пожар?

— Уж лучше бы пожар! — в сердцах воскликнул кастелян. — Гонец уехал полчаса назад, на рассвете, а мы теперь не можем разбудить вашего батюшку.

— Где он? — встревожился Ник и выпрыгнул из кровати, не обращая внимания на то, что из одежды на нем только нижнее белье. — Пульс есть? Он дышит? Ну же!

— На зеркале оседает влага от дыхания, сердце вроде бьется, но очень-очень медленно.

— Может, он просто немного перебрал с вином или коньяком? — с сомнением проговорил парень, быстро натягивая брюки, чтобы не пугать служанок и не смущать Фиану, если и ее разбудили. — Хотя на отца это совсем не похоже. Он практически не хмелеет, как и все сильные маги. Пойдем.

Никоэль первым ринулся к двери, не став терять времени на надевание рубашки, эту деталь туалета он просто захватил с собой, перекинув через плечо. Он почти бежал, хотя шаги при этом были мягкими, пружинистыми и не создавали лишнего шума. Драконы побрали бы эти длинные коридоры! На одном из поворотов Никоэль едва не сбил лакея, начищающего рамы картин, а по лестнице слетел вниз, перепрыгивая через две ступеньки. Что могло произойти в столовой? Ну не мог на отца подействовать яд! Разве что какой-нибудь магический и совсем редкий. Но Риардон же не идиот, чтобы пойти на убийство!

В дверях он столкнулся с Фианой и вынужден был приостановиться, вежливо пропуская ее. На девушке было наспех надетое домашнее платье с пуговицами впереди, застегнутыми через одну. За ней бежала камеристка, держа в руках ленту и щетку для волос. Пришлось и ее пропустить.

— Нимейн! — послышался взволнованный голос Фианы, а потом раздались звуки легких пощечин. Иногда эта белокурая фея могла действовать решительно, хотя обычно была мягкой и покладистой.

Но удары по щекам не подействовали, судя по тому, что отец оставался неподвижен. Приблизившись, Ник не заметил улучшений. Граф сидел в своем кресле во главе стола, сильно запрокинувшись назад. Он почти сполз с сиденья, руки безвольно свешивались с подлокотников, глаза были закрыты. На столе перед ним стоял бокал из-под вина и рюмка из-под коньяка, на дне которой все еще оставалось немного темной жидкости. Хрустальные сосуды не смахнули и не разбили только чудом. Потому что вокруг суетились, заламывая руки, плача и причитая, не меньше трех горничных, двух кухонных служанок и двух лакеев. Последние, хоть и не рыдали, в отличие от женского состава, но тоже вносили свою лепту в общую сумятицу. Они держали зеркало и графин с водой, открытую склянку с нюхательной солью, от запаха которой резало глаза и першило в горле, обычный стакан с мутной жидкостью, весьма напоминающей рассол, и при этом наперебой предлагали камердинеру графа то одно средство, то другое. Камердинер же, похоже, был главным во всем этом бедламе до прибытия Фианы и Никоэля.

— Тихо! — первым делом рявкнул парень, после чего без слов мягко отстранил Фиану, занял ее место возле кресла и попытался нащупать пульс на шее отца. Кончики пальцев зафиксировали равномерное биение, так что он облегченно вздохнул и приступил к более детальному осмотру. Врачом он не был, но в связи с занятиями алхимией кое-какое специализированное образование получил.

Никоэль оттянул веко, изучил зрачок, после чего с задумчивым видом разжал графу рот и обследовал язык. Затем обернулся к столу, взял рюмку, поболтал остатки жидкости в ней, понюхал, посмотрел на свет... Но и этим не удовлетворился. Он обмакнул кончик пальца в остатки коньяка, легонько провел им по собственным губам и облизал их, пробуя на вкус.

— Плохо дело, — хмуря брови, вынес он вердикт.

— Яд?! — охнула Фиана, оседая без сил в ближайшее кресло.

— В какой-то степени хуже, — вздохнул Ник, ощущая свою вину. — После большинства ядов я бы быстро поставил отца на ноги, да его магия и сама не позволила бы вредному веществу распространиться по организму. Зато снотворное оказалось воспринято как должное, тем более что отец накануне устал и переволновался из-за письма.

— Значит, ничего страшного? — оживилась Фиана. — Нимейн выпится, отдохнет и проснется к вечеру бодрым и без последствий?

— Угу, проснется, — угрюмо ответил Ник. — Недели через четыре.

— Через сколько? — подумала, что ослышалась, девушка. — Так не бывает! Это невозможно!

— Возможно. Смотря что выпить.

— Граф не мог сам... — нерешительно подал реплику Вернан.

— Да и я сомневаюсь, что он сам захотел выпить несколько миллилитров моего снотворного, про которое знал, что достаточно одной капли. Я тебе его вчера предлагал, — обернулся Ник к Фиане. — Оно безвредно для организма, но валит наповал, надо хорошо отмерить дозу. Повезло еще, что магия вполне способна заменить отцу питание, пока жизнедеятельность приглушена.

— Но... но как же... — в волнении пробормотала пассия графа, растерянно заглядывая в лица окружающим. — Никоэль! Это катастрофа! — воскликнула она от внезапно пришедшей в голову мысли.

— Ты только успокойся. Пожалуйста, — попросил парень. — Ситуация, конечно, неприятная, но ничего непоправимого не произошло. Хотя мерзавцу Риардону следовало бы набить физиономию за такое. Это же наверняка он подлил отцу в рюмку снотворное. Скорее всего, обнаружил склянку с подписью на буфете и с пьяных глаз сделал то, на что не решился бы в трезвом виде. Не зря он, проспавшись, сбежал с утра пораньше.

— Да, даже за безобидное малодейственное снотворное, заставившее пару минут бороться с постоянной зевотой, Нимейн без колебаний вызвал бы этого молокососа на поединок, и если не убил бы, то хорошо проучил, чтобы впредь неповадно было, — подтвердил Вернан версию того, что преступление вряд ли планировалось заранее. После чего пошел проверять склянку на буфете, на месте ли она и как много до верха не хватает.

— Дело за малым — подождать, пока отец очнется, — подытожил Ник. — Думаю, месть он захочет осуществить лично.

— Вы не понимаете, — спрятала лицо в ладонях Фиана, пытаясь незаметно стереть слезы. — У нас нет времени ждать! Завтра из столицы должна прибыть карета с заместителем верховного мага и верительными грамотами. И если Нимейн утром не сядет в экипаж и не примет обязательства, его попросту казнят за государственную измену! Вы же знаете, что Абернану нужен только повод, он вряд ли станет слушать объяснения.

— Тысячадохлых драконов! — выругался Ник. — Так, стоп! А если отца загрузить в карету в бессознательном состоянии, вынести в Тааримааде и устроить в помещениях посольства до пробуждения? В

бумагах же явно никто не уточнял, что в столицу посол должен прибыть бодрствующим.

— Печатка, — всхлипнула Фиана горестно.

— Что за печатка? — терпеливо спросил парень, с жалостью глядя на обычно жизнерадостную, активную и общительную девушку.

— Человек в карете должен доставить кольцо для заверения деловых бумаг и договоров. И завтра в восемь утра, перед отправлением, Нимейну предписано произнести магическую клятву, открыть футляр и надеть королевский символ на палец. Верховный маг будет ждать активации вербального заклинания в тронном зале, ведь печатка — это не та вещь, которую можно оставить надолго без контроля. Их всего пять. Кольца привязаны к карте-артефакту в тронном зале, я сама видела сияющие точки на ее поверхности. Одно — у Абернана, другое — у его наследника, третье — у верховного мага, а два оставшихся передаются по мере надобности. Это подтверждает, что в способности Нимейна верили, — с затаенной гордостью произнесла Фиана. Но тут же сама испортила впечатление следующими словами: — Хотя кольца, как я слышала при дворе, после гибели предыдущего владельца, к которому магически привязаны, тут же возвращаются обратно к карте. Абернан ничем не рискует, если уверен в преданности своего представителя интересам Белавии.

— Н-да... Не лучшие обстоятельства, чтобы узнать, что отца считают патриотом, не способным на государственную измену, — криво усмехнулся Ник.

— Его обвинят, его обязательно обвинят! — нервно теребила кружево юбки пассия графа.

— Согласен, что последствия будут катастрофическими, необходимость привязки кольца к новому владельцу сводит на нет шанс решить все без скандала. Мне надо увидеть письмо, доставленное гонцом! Где оно?

— Осталось в кабинете в верхнем ящике стола. Но мне как-то неудобно трогать бумаги Нимейна... — замялась Фиана.

— Я сам достану. Выбора нет: или мы срочно ищем выход из этой ситуации, или начинаем готовиться к похоронам. Но второй вариант меня категорически не устраивает.

— Может, попытаемся объяснить случившееся с помощью королевского секретаря? Вместе с письмом гонец доставил шкатулку для магической передачи почты Триану. Я могу написать записку...

— Нет, — перебил Никоэль. — Боюсь, что секретарь — это не та фигура, к которой прислушаются в данном случае, даже если ты сумеешь

убедить его, что отец — пострадавшая сторона. У нас нет никаких доказательств.

— Но ведь все присутствующие в комнате могут подтвердить, что виноват гонец. Это он подлил снотворное.

— Да? А кто видел, как он брал в руки склянку? Никто! Свидетелей у нас нет, только догадки, — вздохнул парень. — В ответ нам просто заявят, что отец сам добавил в рюмку снотворного, но не рассчитал дозу. С их стороны тоже будут только слова, не подкрепленные доказательствами. Однако они представляют власть и закон. Нет, писать секретарю, королю и вообще всем знакомым будем только в самом крайнем случае.

— Мастер Никоэль, а нельзя ли просто смешать нейтрализатор снотворного? — вмешался Вернан.

— Можно, но не за один день. Извините, готовой формулы у меня нет, ее надо составить, провести опыты... Хорошо, если за неделю что-то получится. Я не рискну дать отцу непроверенный состав, который может еще увеличить срок сна вместо того, чтобы привести его в чувство. И как только Риардону пришло в голову совершить такую подлость? Что он вообще забыл возле буфета вдали от стола? Я ведь уверен, он не знал, что даже склянка, выпитая разом, не является смертельной дозой. У меня там на этикетке написано: «Применять не более трех капель».

— Ты думаешь, он пытался... убить? — охнула Фиана.

— Уверен в этом, — ответил парень, после чего обратился к кастеляну: — Вернан, проследи, пожалуйста, чтобы отца перенесли наверх, в его комнату, и устроили со всеми возможными удобствами. А я пока наведаюсь в кабинет.

— Я с тобой, — подскочила с кресла Фиана.

— Пойдем. Может, вдвоем мы хоть что-то придумаем и найдем предлог для отсрочки.

Письмо, состоящее из двух листов, оказалось на месте — в верхнем ящике стола, даже не закрытом на замок. Граф Иберникский знал, что никто из домочадцев или слуг не станет рыться в его вещах. Если, конечно, как сейчас, не возникнет безвыходной ситуации. Рядом с письмом обнаружилась и почтовая шкатулка — довольно редкая и ценная вещица. Во всей Белавии их от силы было полсотни штук, из которых большая часть принадлежала короне и высшим чиновникам, осласчастливленным такими казенными средствами быстрой связи, выданными во временное пользование. Граф Иберникский, несмотря на отсутствие финансовых проблем, и то не мог позволить себе подобную роскошь для личных нужд.

Ник развернул хрустящую белоснежную бумагу с вензелями по краям

и вчитался в текст верхнего листа. Это оказалась весьма вольно составленная записка за подписью королевского секретаря Триана. В ней после краткого и уважительного приветствия сообщались инструкции, которые уже озвучивала Фиана: отправиться послом в Тааримаад, добиться подписания разграничительного договора, быть осторожнее из-за провокативности поведения местных жителей, всячески демонстрировать хорошую физическую форму и магическую мощь, оставить сына дома, свести общение с тариманцами к необходимому минимуму, не забыть активировать печать, блюсти интересы Белавии, докладывать о состоянии дел в конце каждой недели как минимум, если не возникнут не терпящие отлагательства новости... В общем, секретарь был многословен, велеречив и иногда не слишком корректен в своих советах. Это компенсировалось заботой об успехе миссии, что читалась между строк. А еще, если не обращать внимания на вольности стиля, чувствовалась завуалированная забота и о личности самого назначенного посла. Триан ближе к концу даже извинялся из-за невозможности предоставления переводчика.

«Уважаемый представитель короны в Таримане, почаще оглядывайтесь и не бойтесь прибегать к превентивным защитным заклинаниям. Хотя его величество не одобрит, если пострадает кто-то из чужих подданных. Особенно безвинно. Так что не надо брать на себя лишние хлопоты и сообщать властям о случайно обнаруженных в темных переулках „жертвах грабежей“. Щадите свой душевный покой и предоставляйте местным властям самим разбираться во всем, — писал Триан в заключение. — Удачи, господин посол».

— Н-да, — хмыкнул Ник. — Чувствуется, что секретаря эти тариманцы достали, он был бы не против, если бы хоть парочку продырявили шпагой. Отца назначили явно не на самую завидную должность. Не удивлюсь, если все придворные блюдолизы разбегаются по поместьям, как только узнают, что вакансия посла вновь освободилась. Но зато из записки вовсе не следует, что отец должен подчиняться, это вовсе не приказ.

— Приказ ниже, — подсказала Фиана, стоящая рядом. — Если слова секретаря можно проигнорировать, то второй документ — нет, там есть подпись Абернана.

— Сейчас посмотрим, — пробормотал парень, расправляя поверх первого второй лист, также украшенный вензелями. Ему в глаза сразу же бросилось яркое пятно оттиска печати внизу и размашистая подпись короля. Да, это уже точно официальный документ. Жаль.

«Сей бумагой уведомляю, что Н. Иберникский назначен мною послом

в Тариман с обязательством прибыть на место службы в двухнедельный срок», — гласил короткий текст, накарябанный той же рукой, что оставила подпись. Следом шла позавчерашняя дата.

Все четко и недвусмысленно, трактовать приказ иначе было просто невозможно. Однако Никоэль, закончив чтение, прямо-таки просиял.

— Замечательно, — впервые за утро улыбнулся он.

— Что тут замечательного? Это катастрофа! Времени на дорогу в обреш, — прикинула Фиана. — Меньше чем через две недели Нимейн должен представиться тариманцам. А проснется он только через четыре! Невыполнение приказа налицо. И это даже без учета того, что в сознании он должен быть уже завтра, чтобы активировать печатку и не вызвать недовольствия верховного мага. Долго ждать скандала и обвинений не придется.

— Какого скандала? Они хотели получить в послы Н. Иберникского — они его получают, — хмыкнул Никоэль. — Не Нимейна, конечно, но сами виноваты. Следующий раз имя будут писать полностью. — Парень не стал прямо обвинять Абернана, поленившегося целиком написать имя на важном указе и не предусмотревшего, что Н. Иберникских в наличии имеется целых два.

— Но заместитель мага не согласится, — нерешительно протянула девушка, хотя в ее глазах появилась надежда на успешное разрешение ситуации.

— С какой стати? Я Н. Иберникский, мне уже исполнилось восемнадцать по документам, все формальности соблюдаются.

— Маг может потребовать твоего отца.

— Пусть требует. Отец расстроился из-за того, что я уезжаю, и принял снотворное. Имел право.

— Нико, это будет очень дерзко с твоей стороны!

— А что делать? Придется рискнуть. Ты думаешь, я горю желанием куда-то ехать и крутиться при дворе? Ты меня в роли дипломата представляешь?

— Нет, — покачала головой Фиана. — Нимейн хоть знает, когда можно настоять на своем, а когда промолчать, его мнение подкреплено силой и авторитетом. А твое...

— Начхать! Чиновники будут вынуждены хотя бы выслушать меня. А с остальными я связываться не намерен, пусть думают и болтают, что хотят.

— Ох, Нико... Тебя же могут убить! Все факты и слова секретаря указывают на то, что в Таримане смертельно опасно. Нимейн не простит себе, что проспал!

— А я не прощу, если его казнят. Фиана, давай решать проблемы по мере поступления. Мое будущее еще туманно, а вот отцу точно не поздоровится. Я еду — решено!

— Секретаря жаль. Неплохой, похоже, человек, но к ответу за неточность в приказе в первую очередь, конечно, постараются притянуть именно его. Не поправил вовремя короля.

— Что поделать, выбора у нас нет. Секретаря максимум пожурят и уволят, если он ничем другим не успел насолить Абернану. Это, по крайней мере, не смертельно.

— Тебе надо собрать вещи поприличнее и наточить оружие на всякий случай.

— Как же я не люблю официоз и придворные расшаркивания, — простонал Ник. — Но придется потерпеть. Хорошо бы, если заместитель придворного мага, обнаружив замену, отказался отдавать печатку и уладил все это дело. Вот только в подобную удачу я не верю.

Весь остаток дня в поместье Иберникских царила напряженная атмосфера. Никоэль пытался морально настроиться на испытания, к коим относил в том числе и общение с множеством незнакомых людей. Наверное, отец в чем-то был прав: отвык он от общества и от бесед, не касающихся деловой сферы.

Сначала парень решил лично проконтролировать, что там собирают ему слуги в дорожный сундук, однако вскоре плюнул и скрылся подальше от них. Ему надоело доказывать распоряжающемуся процессом Вернану, что в Таримане вряд ли пригодятся послу-затворнику три неудобных камзола. И кинжал в ножнах, крепящихся на щиколотку, ни к чему. И две шпаги... А кольчуга зачем? Он же ни разу в жизни подобную вещь даже не примерял. Что? Сейчас померить? Не-ет, у него и так найдется занятие. Какое? Да вот хотя бы... Хотя бы изготовить и упаковать побольше эликсиров для придания глазам коричневого цвета!

В свою лабораторию Ник неся бегом, будто за ним гналась сотня оборотней. Пусть слуги складывают, что считают нужным, он лучше потом по прибытии половину выбросит. Или просто не будет доставать из сундука. Главное, чтобы его вес не оказался избыточным для бедных лошадей. Он так и не определился, что ему больше напоминали сборы: проводы невесты со всем нажитым скарбом заботливыми няньками и кормилицей или подготовку покойника в путь иной и комфортную загробную жизнь. Но, судя по печальным лицам и тяжелым вздохам, второй вариант оказался ближе к истине.

Н-да... Драконы побери этого Абернана и тариманцев! У них

политические игры, а страдать и бегать пешкой должен он, Никоэль. Или фигурой покрупнее? Да нет, отец с его магией и искусством фехтования мог бы стать такой фигурой, а он — вряд ли. Он, конечно, постарается и сделает все от него зависящее, чтобы получить быстрее договор о разграничении земель, однако сомнительно, что тариманцы ни в чем его не проведут. Ну не дипломат он, не дипломат! А-а, начхать! Вряд ли тариманцы кинутся жаловаться на его поведение и слова, сами хороши — уже полдюжины послов и иных лиц из Белавии угробили!

Из башни парень спустился только к ужину, причем с белесыми глазами, так как не хотел напрасно расходовать эликсир, который может пригодиться в Таримане. Волнение ничуть не помешало ему с филигранной точностью отмерять ингредиенты для полезных в дороге алхимических составов. Он привык концентрироваться и оставлять за порогом все проблемы, иначе в алхимии просто нельзя.

— Мастер, — поймал его перед дверями в столовую Вернан. — Ваш сундук собран и стоит возле парадного входа.

— Замечательно. Спасибо. Ларец с зельями после ужина я отнесу туда же.

— Может, вы хотели бы что-то добавить? Любимую рубашку или запонки подороже из сейфа?

— Ты еще любимую подушку упомяни, — фыркнул Ник. — Я вообще-то неприхотлив и достаточно обеспечен, чтобы докупить все, что понадобится.

— Хорошо, а как насчет подгонки ножен и пояса к ним? Вы немного вытянулись и поменяли комплектацию с тех пор, как носили их последний раз.

— Не собираюсь я таскать на поясе такую неудобную тяжесть. С собой возьму — и только, — отмахнулся парень. — Зачем облегчать жизнь любителям дуэлей?

— Но на дорогах тоже опасно! Тогда давайте попросим нескольких человек из отряда графа проводить вас до места? — предложил кастелян. — Они охотно сделают вам одолжение.

Представив рядом парочку воинов, которые коршунами будут следить за каждым его жестом, сыпать предупреждениями и советами, и из желания услужить графу и успокоить домочадцев провожать даже в ближайшие кусты, юноша содрогнулся. Нет уж! Добровольно он с собой нянек не возьмет. Поскольку Ник рос на глазах у всех этих людей, они до сих пор, похоже, считают его беспомощным ребенком. Словно и не пировали два месяца назад вместе, отмечая его совершеннолетие. Пожалуй, битва с

домочадцами, желающими тебе только добра, — это одно из самых нелегких сражений. Решимости обидеть и настоять на своем не хватает, так и тянет уступить, несмотря на то, что он точно знает: потом будет жалеть.

Никоэль отрицательно покачал головой, давая ответ кастеляну, стиснул зубы и с независимым видом вошел в столовую. Лишь бы еще и Фиана не начала кудахтать, проявляя заботу! Не привык он, что ему уделяют столько внимания. Обычно отец предоставлял ему возможность самому все решать, не давал никому давить и наседать. Как же его не хватает!

— Молчи! — заранее предупредил парень Фиану, подходя к своему месту за столом. — Все знаю, все собрал, буду осторожен. Дайте хоть спокойно поест в мой последний вечер пребывания дома.

— Удачи. Держись там! Отец наверняка присоединится к тебе, как только придет в себя. Главное — дождись и не смей рисковать. Не смей принимать вызовы на дуэли!

После этого обмена фразами ужин проходил в молчании. Все было уже сказано, все решено, дальнейшее зависело от заместителя придворного мага и от судьбы.

Утро началось для Никоэля не слишком рано. Хоть за это стоило бы поблагодарить организаторов поездки, которые просто не представляли, что аристократ может подняться еще до рассвета, когда солнце не взошло. Несколько лишних часов сна оказались очень кстати. Он опять просидел в лаборатории полночи, но на сей раз не по своей надобности, а доделывая заказы и составляя эликсиры, за которыми в его отсутствие могли прислать постоянные клиенты. Распространения слухов о неожиданном отъезде лучше бы избежать, ведь найдутся умники, которые быстро свяжут факты и сделают верный вывод. Не стоит допускать, чтобы догадки или, того хуже, точная информация о замене личности посла дошла до придворных и ушей Абернана. Желательно, чтобы и король и секретарь считали, что все идет согласно их плану.

Никоэль быстро умылся, гладко зачесал непослушные волосы и с неохотой облачился в новенький, ни разу не надеванный за год дорожный костюм. Темно-зеленый. Хоть в вопросе цвета удалось настоять на своем, потому что вызванный из столицы портной настойчиво уверял: в моде у молодых людей белый, красный и желтый. И короткие, выше колен, панталончики с чулками. Панталоны! Ник не представлял себе, как можно надеть подобную вещь, а тем более — показаться в ней на людях. Нет, хватит с него и того, что белесые глаза привлекали лишнее внимание. Пристегивать к поясу шпагу или нет — вот в чем вопрос. Наверное, надо

постараться произвести на мага, прибывающего в карете, хорошее впечатление. Пусть он моложе, чем тот ожидает, но хоть с оружием будет!

Напоследок глянув в зеркало на словно чужое отражение, посол-самозванец заторопился вниз, к выходу. Лучше подождать во дворе, чтобы не заставлять важного чиновника ждать и сердиться. Заранее ведь не известно, не сноб ли он. А по пути Никозель все обдумывал: не взять ли несколько человек охраны? Он отнюдь не страдал недооценкой опасности и не был столь легкомысленным, как демонстрировал в эти дни окружающим. Просто он не чувствовал готовности взять на себя ответственность за чужие жизни и в случае беды оплакать чужие смерти. Не зря же и секретарь и молва — все утверждали в один голос, что Тариман опасен для приезжих. Вряд ли удастся удержать людей отца от дуэлей, если возникнет серьезный повод, он только насчет себя уверен.

Темная запыленная карета въехала в ворота поместья за полчаса до назначенного для активации печатки срока. Немолодой кучер, едва колеса перестали крутиться, тут же соскочил со скамьи и помчался отвязывать от задника экипажа двух верховых лошадей, снабженных седлами. Заместитель придворного мага самостоятельно сошел на землю, ему это труда не составило. Он оказался довольно молод — лет сорока на вид — и был одет во вполне обычный для знатного вельможи дорожный костюм: белоснежную рубашку, синий камзол без рукавов, панталоны и плотные голубые чулки с подвязками над коленями. На ногах у него красовались непрактичные легкие туфли, а в руках, помимо бережно прижимаемого к себе ларца, был зажат хлыст. Маг явно готовился после выполнения обязательств отбыть из поместья верхом. Да ему и не оставалось ничего другого, раз карета предназначалась для доставки посла к месту службы.

Никозель, стоящий впереди небольшой группы встречающих из челяди, кастиеляна и нескольких наемников отцовского отряда, сделал шаг навстречу прибывшему и поспешил представиться:

— Доброе утро! Я Н. Иберникский. К вашим услугам.

— Вы? — удивленно переспросил мужчина, на миг на его лице отразилось неприкрытое недоумение. — Я думал, что посол гораздо старше!

— Сколько есть, — развел руками Ник. — Очень лестно, что при дворе вспомнили о моем существовании. Отец решил, что его величество дальновидно распорядился готовить кадры смолоду и проверять в деле. А вы не согласны с такой политикой... Абернана?

— Нет, конечно, — поторопился произнести маг. Потом сообразил, что ляпнул что-то не то, ответ прозвучал двусмысленно и тянул на обвинение в

государственной измене, и быстро поправился: — То есть я хотел сказать, что не имею ничего против распоряжений короля, ему виднее. Раз назначили вас, значит, так надо. Хотя я не могу отдать вам печатку, не проверив документы. Извините.

— Ничего, ничего. Вот, — протянул Никозль специальную грамоту, выдаваемую знатым людям в день совершеннолетия. На плотном листе бумаги с особыми вензелями были указаны имя, титул, привилегии, тщательно описывалась внешность, а под текстом расплывалась, словно свежая, кровавая клякса, по которой любой маг мог провести идентификацию. Последним, похоже, и занялся приезжий, судя по сосредоточенному виду.

— Все в порядке, — буквально через полминуты сообщил маг, возвращая грамоту. — Никозль Иберникский, прошу ознакомиться со словами клятвы, чтобы не запнуться в процессе произнесения. — И он, сунув мешающий хлыст за пояс, открыл ларец и извлек нужный лист бумаги. Следом на свет появилась маленькая коробочка, хрупкая на вид, но наверняка прочнее и защищеннее большинства сейфов — все-таки над ее созданием и усовершенствованием потрудились не одно поколение придворных магов.

Никозль взял предложенную бумагу и пробежался по ней взглядом, после чего протянул обратно.

Приезжий вельможа возвел глаза к небу, тяжело вздохнул и с нажимом произнес: — Держите ее в руках. Иначе как вы собираетесь произносить клятву?

— Я запомнил.

— Всю?! — Для проверки маг сам осмотрел лист — вдруг он что-то напутал и подал не то.

— Да. А что такого? Многие алхимические рецепты гораздо сложнее, и отвлекаться в процессе, чтобы свериться, нет никакой возможности.

— Теперь мне понятно, почему в столь юном возрасте вам доверили такую должность, — сказал заместитель придворного мага, привыкший, что без бумажки окружающие чиновники даже одно предложение произнести не в состоянии. — Будем надеяться, что вам удастся договориться с дикарями или как-то их провести. На дне ларца, который я вам оставляю, собраны все документы, описывающие успехи ваших предшественников. Весьма скромные, надо признать. Содержимое ларца обязательно внимательно изучить и принять к сведению.

— Я постараюсь оправдать доверие, — любезно раскланялся Ник, прилагая все силы, чтобы не выдать своего истинного настроения. Ну не

любил он подобные экивоки! Только бы не показать этого магу, а то он еще откажется отдавать печатку... На мнение тариманцев при предстоящей встрече с его персоной парню было плевать, но на прибывшего мужчину он просто обязан произвести хорошее впечатление.

— Будем ждать новостей. А сейчас — пора! — Маг временно вручил ларец подобравшемуся ближе остальных кастеляну с массивной связкой ключей на поясе, выдающих его должность, открыл коробочку, извлек из нее печатку и протянул молодому человеку. — Надевайте и сразу же начинайте говорить, если помедлите несколько секунд — умрете.

На его памяти последнее предупреждение заставляло почти всех в нерешительности остановить руку в воздухе, подумать, вспомнить слова... Но парень без колебаний схватил кольцо, надел на указательный палец левой руки и заговорил:

— Я, Никоэль Иберникский, клянусь хранить верность своему королю и с честью служить во благо Белавии, блюсти ее интересы, никому не выдавать государственные тайны, буде таковые станут мне известны. Клянусь не использовать доверенную мне печатку во вред и для личных нужд. И да настигнет меня кара, если я нарушу условия. Да будет так с этого момента и до самой смерти или до личной просьбы короля вернуть ему печатку. Призываю магию в свидетели клятвы!

В следующий миг, казалось, сам воздух вспыхнул вокруг Никоэля. Его слова были услышаны мирозданием. И тут уж не приходилось сомневаться в том, что для собственного же блага лучше тщательнее обдумывать все слова и поступки. Впрочем, парень и не планировал никакой подлости. Вот маленькую хитрость — да. Придется и дальше убеждать всех, что и он и отец однозначно расшифровали «Н» в приказе не совсем так, как планировал Абернан и считали его придворные прихлебатели.

— Поздравляю. Теперь вы обладаете огромной властью, — бесстрастно сказал маг, едва сияние погасло. — Однако я бы на вашем месте не очень обольщался, вряд ли король оставит вам печатку дольше необходимого. После подписания договора о границах наверняка попросит вернуть.

— Да я и не рвусь пожизненно брать на себя обязательства. Это только глупцы могут считать, что власть — сплошное удовольствие, — ухмыльнулся парень. У него было время подумать, понаблюдать и прийти к такому выводу хоть бы на примере жизни отца. — По-моему, мне проще было бы ехать в Тариман и вовсе без полномочий.

— Это правильно. И поскольку вы так молоды, позвольте дать совет. Ни в коем случае не ввязывайтесь в магические поединки с тариманцами, у

них резерв благодаря мурчианам намного больше, лучше сводите все потасовки к дуэлям на шпагах. Здоровее будете.

— Здоровее я буду, если вовсе ни с кем драться не стану.

— Вряд ли вам это удастся. Не уважают там слабаков, у тамошнего населения очень предвзятое и пренебрежительное отношение к нам. И вы не имеете права своим поведением еще больше портить репутацию нашего народа. Эх, мне казалось, что в Тариман лучше бы отправить Нимейна Иберникского...

«Правильно казалось, — тоскливо подумал Ник. — Не понимаю я вооруженных разборок из-за того, что кто-то на кого-то косо посмотрел».

Но выхода у парня не было, поэтому вслух он сказал:

— Спасибо за совет, постараюсь не подвести.

— Вам пора в дорогу. Слуги, я смотрю, уже погрузили вещи в карету. Запомните этих торопыг. Им явно не терпится от вас избавиться, раз они действуют без прямого приказа.

— Они просто хорошо выполняют свои обязанности, — холодно отрезал Никоэль. Он не понимал, как можно быть настолько неблагодарным и мнительным. Маг окончательно перестал ему нравиться: такой же аристократишка, как большинство придворных. Чтобы не провоцировать спор, он обратился к кастеляну: — Вернан, отнеси, пожалуйста, ларец с документами в экипаж. Пристрой на сиденье, я хочу по дороге почитать и вникнуть.

— Хорошо, мастер. Хочу предупредить, что ваши зелья будут в коробе под сиденьем, так их легче достать. И... берегите себя! Нам будет вас не хватать. — Кастелян первым крепко обнял парня, выросшего на его глазах, не обращая внимания на пришедшего в замешательство гостя. Тот явно не одобрял фамильярных отношений со слугами.

Следом, стоило только Вернану отойти, к новоназначенному послу на грудь кинулась Фиана.

— Не рискуй понапрасну. Только продержись полтора месяца до того, как отец к тебе присоединится, — шепнула она, поцеловав на прощанье в щеку.

— Все будет хорошо, — пообещал Ник громко и, развернувшись, направился к просторной для одного карете. Он не хотел затягивать проводы и без того чувствовал себя весьма неудобно. Поэтому, ставя точку, даже хлопнул дверкой громче, чем рассчитывал.

— Трогай! — крикнул маг кучеру, не дожидаясь, когда это сделает посол. Ему тоже не терпелось вернуться ко двору. И только когда карета скрылась вдаль в клубах пыли, он сообразил, что кое-что упустил. —

Стойте! — возопил маг. — Иберникский забыл камердинера! Это же натуральный саботаж со стороны слуг! Как же посол будет сам переодеваться?

— Тише, — положила руку магу на плечо Фиана. — У нашего мальчика отродясь не было личного камердинера.

— Но... но как же... Так ведь не положено! Что же я начальству скажу?

— Скажите, что все прошло нормально. Ник очень ответственный, самостоятельный, да и упорства в решении проблем ему не занимать.

— Высшие силы! Судьба Белавии в руках у юнца. У дилетанта! О чем только думает коро... — осекся маг, поняв, что начал откровенничать не в той компании.

В ответ Фиана только звонко рассмеялась. Несмотря ни на что, она почему-то верила в Никоэля.

А карета тем временем увозила парня все дальше и дальше от поместья, в незнакомые края. Однако ни страха, ни волнения этот факт у новоназначенного посла не вызывал. Какие у него проблемы? А никаких! Попутешествует, мир посмотрит... Это у тариманцев с ним проблемы, да. Потому что он понятия не имеет, как должен действовать настоящий посол, какие вопросы решать; он собирается просто вести себя естественно. И у Абернана тоже проблемы. Если ему что-то в происходящем не понравится, то собрание дворянства неохотно, но подтвердит, что нечего в важных приказах делать сокращения. Смотреть надо, что подписываешь! Дальше поместья их с отцом все равно не сошлют. Да и неужто он не сумеет подписать один какой-то несчастный договор с тариманцами, и это при том, что еженедельно заключал по несколько контрактов на эликсиры? Не звери же эти иностранцы. Терпения и настойчивости ему не занимать, а в спокойной обстановке можно рано или поздно договориться о чем угодно. Хотя ознакомиться с официальными инструкциями тоже не помешает, так безопаснее. Где они там?

Никоэль открыл стоящий на противоположном сиденье ларец и буквально сверху обнаружил искомое. «Краткая инструкция», — гласила крупная надпись на листке, расчерченном горизонтальными линиями на отдельные пронумерованные абзацы. Скорее всего, в столице понимали, что отправляют военного, а не дипломата и пытались хоть как-то наладить ситуацию.

«Посол должен одеваться согласно своему статусу и по моде, дабы не посрамить государство, выставив его нищим, — предупреждали первые же строчки. — Просьба не забывать о регалиях и оружии».

— Ну нет, панталоны с чулками вы на меня так или иначе не натянете, — хмыкнул Ник себе под нос. — Буду считать, что этот пункт необязателен, тем более что отец со мной бы согласился. Пусть тариманцы качество ткани оценивают, а не сомнительную красоту. Регалий, кроме печати, у меня все равно нет. Тут отец смотрелся бы торжественнее со своим графским медальоном. А оружие... Перебьются! Если тариманцы такие же забияки, как белавцы, то лучше я буду белым, пушистым и безоружным. Что там у нас дальше? Ага...

«Дипломатическую миссию разместили в правом крыле флигеля через площадь от дворца, — прочитал он второй пункт. — Там вы найдете остальных членов делегации, поступающих в ваше полное распоряжение. Поскольку левое крыло отвели мартнаильцам, а у нас с ними сложные и натянутые отношения, ни в коем случае не вступайте с соседями в разговоры, отворачивайтесь и проходите мимо, чтобы не сделать хуже. Помните, что вы в каждый момент времени, без перерывов, отражаете официальную позицию Белавии, а указаний по переговорам с вампирами у вас нет, за взаимодействие с ними отвечает другой человек».

— Куда уж хуже-то сделать, — вслух иронически прокомментировал Ник. — Ничего себе дипломатия! Хотя мне же проще. Да и не собирался я пить на брудершафт с мартнаильскими вампирами! Вряд ли они пьют вино. А если пьют, то его почти не употребляю я. Чем меня еще хотят порадовать?

«На следующий день после вашего прибытия в полдень традиционно состоится церемония представления чери Транту — правителю государства и иным важным сановникам. Чтобы не упасть в грязь лицом, не забудьте подготовить небольшую, страниц на десять, приветственную речь. На всякий случай готовый образец прилагается к документам».

— Небольшую?! — возмущенно взвыл Ник, но скрип колес заглушил звук. — Бумагомаратели драконы! Нет, вот об этом мы не договаривались, я на такое не подписывался. Да я же охрипну и сквозь землю провалюсь, если мне придется полчаса стоять на перекрестье взглядов и декламировать какую-то дребедень! Та-ак, посмотрим, что тут у нас полагается говорить...

Он склонился над ларцом и легко обнаружил «образец», а заодно художественным свистом оценил его объем. Запомнить все ему не сложно, но забивать этим голову и надолго приковывать к себе всеобщее внимание... Взгляд Ника упал на заполненную чернилами механическую ручку в специальном углублении ларца. Сейчас он немного сократит текст. Вот зачем, спрашивается, правителю целая страница с приветствиями и

восхвалениями на разные лады? Он вроде про себя и так должен знать нужное, а не страдать недооценкой внешности и заслуг. Парень решительно вычеркнул самые цветистые обороты, которые не смог бы выговорить с надлежащим льстивым выражением лица. Перечитав получившееся, понял, что речь вышла несвязной, и поморщился; к сожалению, ручка подтекала, оставляла кляксы на изгибах и без того не слишком аккуратных от тряски линий, а потому восстановить большинство фраз не представлялось возможным. Ну и пусть! Ник вознамерился действовать радикально. С помощью еще нескольких движений кисти он удалил все, кроме двух предложений. Пожалуй, хватит. Это лучше, чем упражняться в сочинительстве без должной сноровки. Правда, придется тогда и остальное немного сократить...

Приняв решение и взявшись за дело, Ник быстро превратил две страницы с уверениями в дружбе в три предложения. А что? Коротко, четко и понятно, да и смысл уловить гораздо проще. Рассказ о силе и могуществе Белавии на следующих пяти страницах вообще вызвал у парня гомерический хохот. Ну не сможет он спокойно, с серьезным лицом произнести все эти хвастливые речи! И тем более — убедить и себя и окружающих, что это правда. Нет, так точно дело не пойдет! Никозль начал безжалостно перечеркивать крест-накрест те выражения, с которыми был не согласен. Зачем тариманцам сообщать точную численность воинских подразделений? Нет, если бы цифры были правдивы, то чери Трант наверняка выслушал бы с интересом, еще и записал бы. Но его разведка, скорее всего, уже давно промерила площадь казарм, поэтому знает: перечисляемых каждым прибывшим послом солдат можно затолкать туда, только если поставить друг другу на плечи или уложить штабелями. Ник понимал, что приукрасить — это милое дело. Но не до комичности же! Так что четырех предложений вполне хватит.

Последние два листа с чаяниями на плодотворное сотрудничество, дружеские отношения, процветание стран, более тесные связи во всех сферах и другие мечты королевского секретариата пришлось тоже изрядно ужать. Ник поймал себя на мысли, что очень сочувствует тем, кто прослушал эти строки от начала и до конца уже целых шесть раз. В седьмой раз он бы точно прервал докладчика и настойчиво отправил отдыхать. Как минимум неделю отдыхать, не показываясь никому на глаза, чтобы успеть успокоиться. Хотя не ему судить о возможных действиях правителя. Он допускал, что сильным мира сего хочется оценить актерский талант нового человека, рассмотреть одежду, отдохнуть таким образом от иных обязанностей... С тяжелым вздохом Никозль все-таки обвел рамочкой

еще дополнительные три предложения. Пусть будут. А много это или мало, судить не ему, но жаловаться Абернану явно никто не побежит.

Убрав готовый документ в ларец, он вернулся к изучению инструкции.

«На следующий день после приема не забудьте осведомиться у министра иностранных дел о ходе решения территориального вопроса, напомните о себе. Лучше всего — вызовите кого-то из его окружения на дуэль до первой крови, так он вас точно запомнит», — гласил четвертый пункт.

Ник фыркнул. Еще бы министру не запомнить того идиота, который полезет в драку при весьма посредственном владении оружием! Нет, лучше он подарит чиновнику одну из склянок с астерлисом, толку больше будет. Наверное.

«Старайтесь держаться подальше от мурчиан, опасайтесь их. Скажите окружающим, что у вас аллергия на шерсть», — советовали в пятом разделе.

Аллергия так аллергия, там видно будет. Хотя парень вроде никогда не замечал за собой особой неприязни к кошкам. Однако, может, они действительно отличаются не только размером, но и злобным характером? Спорить не будет, он вообще покладистый!

Глава 3

ВСТРЕЧА

Фин Астор пребывал в печали, ему только что сообщили, что дня через два следует ждать прибытия очередного посла. Опять встречать, стоять, как истукан, с соответствующим выражением лица целых полтора часа, пока тот распинается о добрососедских отношениях и еще какой-то дребедени. Сколько потерянного времени! О человеке должны говорить его дела. А эти белавцы вечно приедут, выльют море слов, за которые не собираются отвечать, и отбывают в мир иной, где с них не спросишь. Вот как они умудряются найти неприятности в их спокойном и благополучном Таримане? Зачем вечно лезут в поединки, не обговорив условия? Зачем ритуальные подколки раздувают до грубой ссоры, в результате которой из боя может выйти живым только один участник — правый? Богиня не потерпит ни трусости, ни отступления, когда дело касается чести. Не предложить ли вообще ввести запрет на разговоры с гостями государства? А то из-за любопытства некоторых несознательных тариманцев и их стремления помериться силой с чужаками этот дурацкий вопрос с разграничением земель никогда не решится! Уже в который раз придется переписывать все три варианта договора на имя нового посла. И ладно бы только экземпляры на своем языке, но на белавском ученики вечно делают кучу ошибок. Им приходится переписывать целые листы заново. Жаль, забрать у них эту обязанность нельзя — не по правилам, установленным Богиней, да и родители обидятся, что детей без серьезного обоснования лишили доверия. Ученик должен учиться решать поставленную перед ним задачу до тех пор, пока не достигнет приемлемого результата и не завершит дело. Отступление недопустимо. Эти три оболтуса уже сами не рады, что перед приездом первого посла имели несчастье нашкодить, попасться под горячую руку и отхватить нескончаемое задание.

Тяжело вздохнув, Астор приблизился к окну кабинета и с высоты второго этажа посмотрел на просторное тренировочное паладио дворца. Хоть полюбоваться. Сейчас бы размяться, помахать оружием с достойным противником, пройти короткую, но интенсивную полосу препятствий, погонять вверенных ему учеников, позаниматься с ними тренировкой силы духа для подготовки к Обретению... Но отвлекать нельзя, а идти одному как-то даже неудобно. Ученики уже несколько месяцев корпели над

столешницами, видя паладио в основном в мечтах, скоро мхом покроются. Тоже неплохая тренировка терпения и усидчивости, не хуже, чем «гимнастика поз», когда много часов надо простоять, не меняя положения тела. Однако не то это! Драконов очередной надушенный белавский индюк! Посол то есть...

— Линк, — позвал Астор парнишку лет тринадцати-четырнадцати на вид, старательно выводящего буквы на бумаге.

— Что, наставник? — охотно откликнулся тот. Он явно был рад вынужденному перерыву. Переписывать доставшийся ему толстенный вариант договора на белавском, согласно которому у Таримана отчуждался западный кусок спорных земель, было откровенно лень. Некоторые обороты он уже заучил наизусть. Мальчик был согласен даже на усложненную полосу препятствий на полдня — срок, который наставник назначал только при самом скверном расположении духа. Н-да... Глупо, наверное, мечтать о синяках и боли в мышцах. Полгода назад он и сам так считал. Посоветовавшись с товарищами по несчастью, Линк уже пробовал предложить наставнику просто пропускать на всех листах договора обороты типа «...будет заверено послом Орэтом, бароном Дэйским, как полномочным представителем Абернана II» и «...гарантом выступает посол Орэт Дэйский». Жаль, нельзя по каким-то там дипломатическим канонам.

— Линк, к завтрашнему полудню мне нужна ответная торжественная речь, — сообщил Астор.

— Опять? — ужаснулся пацан. — А нельзя предыдущую прочитать?

— Чтобы нас обвинили в неуважении? Оставшиеся тут сотрудники посольства уже слышали ее. Эти белавцы слишком большое значение придают словам. Что там у нас в архиве осталось из стенографий приема иных посольств?

— Речь мартнаильцев пойдет? Там строчек пять будет.

— Мало, — досадливо скривился Астор. — Надо хотя бы страничку, чтобы посол увидел — мы готовились.

— Прошлый раз было достаточно, — насупился Линк.

— С прошлого раза чери Трант успел прочесть мне целую лекцию о том, как лучше принять чужака, организовать его досуг, задобрить и отправить восвояси. Правитель очень просил подстроиться под белавскую манеру ведения дел, всучить любой из наделов и покончить наконец с проблемой. Он не переживает, если посол еще потянет время, чтобы решить, на какой вариант деления согласиться и какой кусок выбрать. Честно говоря, я и сам этого не переживу.

— Запереть бы посла в здании, чтобы он дожид до того, как мы подготовим договоры.

— Нельзя. Скандал будет.

— Больше, чем при гибели очередного белавца? — фыркнул Линк. — Никто и не пикнул!

— Почему мы не можем сами поехать с документами в Белавию и там все решить? — подала голос девочка лет одиннадцати с двумя толстыми светлыми косичками, свисающими по сторонам ее круглого личика.

— Дипломатия, Нея, — вздохнул Астор. — Кому нужно решить вопрос, кто больше заинтересован, тот и едет в качестве просителя. Другие страны перестанут нас уважать, если мы сами явимся вручать белавцам земли.

— Но мы ведь заинтересованы, — не поняла девочка. — Не зря же чери Трант просит соглашаться на любые условия и даже не торговаться, как с первыми послами.

Астор оказался в затруднении. Вот как объяснить бесхитростному ребенку, что свой интерес показывать нельзя, дабы не насторожить и так нервных и подозрительных белавцев? Что, рьяно оказывая одолжение, надо делать вид, словно оказываешь его нехотя? При первых посольствах все было так просто и понятно... Но это было до того, как белавцы из-за четырехсот гектаров земли им все нервы вымотали!

— Нея, а давай твой папа как министр торговли сам объяснит тебе принципы заключения сделок, — вывернулся Астор. Не мог он учить ребенка плохому, особенно до Обретения. Так пусть теперь еще у кого-то из взрослых поболит голова из-за проблем, доставляемых посольствами! Он не злой, нет, он просто с некоторых пор выступает за принцип равного распределения неприятностей между министрами.

— А прописанные в договоре четыреста гектаров — это очень много? — спросил мальчик лет десяти — третий личный ученик. Он старательнее всех выводил буквы. По малости лет выписывание слов чужого языка, которого совсем не знал и не понимал до недавнего времени, давалось ему нелегко. Они с Неей поделили пополам для переписывания листы с вариантом договора, в котором Белавии отдавался южный участок.

— Я бы не сказал, что много, — протянул Астор, глядя на своих юных помощников, отданных ему на воспитание как заслужившему доверие грамотному и опытному в своем деле представителю благословленной Богиней фиолетовой династии.

Общих школ, как в большинстве иных стран, в Таримане не было. Каждый гражданин, признанный достойным вне зависимости от возраста,

должен был постепенно передать свои знания небольшой группе детей, численность и состав которой назначались патриархами династии данного города. По достижении восьми лет, как только родители заканчивали обучать своих отпрысков грамоте и начальному счету, те прикреплялись к разным наставникам. Эта система должна была обеспечить преемственность знаний и опыта лучших представителей народа, а не какого-то одного учителя, и заодно ненавязчиво дать молодому поколению пример для подражания, кумира, на которого можно равняться. А уж в том, что наставник найдет общий язык с подопечными, можно было не сомневаться — все представители династии были близки друг другу по духу и характеру, не зря же Богиня вела распределение, не глядя на кровное родство. По крайней мере, никто еще не слышал о случаях серьезных ссор, а не детских обид на заслуженное наказание или трудное задание, требующее усидчивости, физического или умственного напряжения.

По идее благодаря общей связи между членами династии Астор должен был почувствовать, если в радиусе километра с учениками что-то случится, а дальше этого расстояния он и сам их не отпустил бы, разве что с родителями. Впрочем, и чужим воспитанникам никто никогда в помощи не отказывал. Но как же хорошо, что ему всучили всего троих, а не пару десятков, как отцу! Он и с тремя намаялся. Хотя нет, пожалуй, возня с белавскими послами похуже будет...

— Земли больше площади этого дворца? — продолжал допытываться самый юный ученик, разминая уставшую руку.

— Пожалуй.

— На много?

Астор понял, что расплывчатым ответом не отделается.

— Четыреста гектаров — это примерно квадрат два на два километра, который любой из вас легко пересечет бегом от края до края за десять минут.

— Если у нас суставы не заржавеют от сидения в кабинете, — проворчал под нос Линк.

Пришлось делать вид, что ничего не слышал. Не потому, что не знал, как лучше отчитать ученика, а потому... что полностью согласен. Он бы тоже поворчал по поводу надоевшей кабинетной работы, было бы кому. Но над ним стоит только чери Трант. Конечно, правитель не зверь и жалобу с сочувствием выслушает. Только после этого и сам пожалуется. А у него проблемы глобальнее и в масштабах целой страны. После этого, как правило, и рот-то совестно второй раз по такому поводу открыть, проверено на примере всех министров.

— Мы отдаем не так уж много за мирный договор, право беспопытной торговли в течение ста лет и возможность за бесценок провозить товары на их кораблях по реке. Жаль, что у нас самих нет выхода к воде, если не считать многочисленных ручьев, — рассудительно заметила Нея, как истинная дочь министра торговли. А после небольшой паузы добавила: — Если, конечно, на тех землях не растет ничего полезного.

Астор улыбнулся. Хорошо, когда ученики начинают думать и оценивать. Возможно, в будущем из них еще получатся послы и дипломаты, особенно если ритуал Обретения пройдет успешно.

— Плодородные земли остались в распоряжении коры Эдара, потомка белавского аристократа, и жителей Предгорной, а делим мы в основном каменистые пустыри да холмы. Немного деревьев есть где-то на восточном участке, заросли кустарников — на западном и всего понемногу, если нам оставят северный участок, а себе возьмут южный вдоль границы, — постарался подробно разъяснить Астор. — Обследование начали проводить при первом после и бросили при третьем, когда чери Транту все надоело. Но это хороший предлог, чтобы потянуть время и объяснить, почему не предоставляем для изучения договоры с картами в первый же день. Вам как, еще много?

— Треть, — уныло протянул десятилетний Корн, взглядом оценив ненавистную стопку листов. — Если не будем отвлекаться, за неделю закончим. Наши экземпляры на тариманском раза в четыре тоньше, чем те, что на белавском. По-моему, они нам какой-то бракованный образец договора для примера предоставили, ведь не может же быть, чтобы смысл был один, а количество слов настолько отличалось.

— Да, белавцы любят пустословить. Главное, чтобы к моменту окончания работы ни седьмой посол не скончался, ни кто-то из его подчиненных. А то опять скандал, разборки, новый договор, — скривилась Нея. — До подписания бумаг дело может не дойти.

— Давайте к послу телохранителей из наших приставим, — серьезно предложил Линк. — Я могу попросить старшего брата.

— Пробовали, — поморщился Астор. — Вы просто не в курсе, так как тогда еще не интересовались. Да и история вышла нехорошая, не для всяких ушей.

— Но нам-то расскажете? — с любопытством посмотрел на наставника Корн.

— Мы никому не будем больше сообщать, — пообещала Нея.

— Все просто. Приставленные к четвертому послу гвардейцы Абернана умудрились поспорить с телохранителями из наших,

состоялась череда дуэлей, и в какой-то момент во все это ввязался и сам посол... Поединки чести священны, — пожал плечами Астор. — В общем, пять трупов чужаков, двое наказанных из династии син и провал переговоров. Мы, конечно, выразили соболезнования, но... Эх, — вздохнул мужчина, — в пору было самим принимать соболезнования!

— А по какой причине наши сцепились с белавцами? — поинтересовался Линк. — Можно устранить разногласия и попробовать еще раз.

— Гвардейцам чем-то не понравились синие тени под бровями телохранителей, они скинулись и купили розовый порошок. А когда наши парни отказались им воспользоваться, сами подгадали момент и пальцем мазнули кому-то по коже между глазом и виском.

— Идиоты, — буркнул Линк.

— Согласен, — кивнул Астор. — Хотя лучше бы сыны не кипятились, а взяли себя в руки и объяснили белавцам, почему этого делать не стоило. Ничего непоправимого ведь не произошло, а Богиня и сама в состоянии наказать виновных.

— А вы бы на их месте не оскорбились? — задал провокационный вопрос Линк.

— Оскорбился бы, — с тяжелым вздохом вынужден был признать министр иностранных дел. Он прекрасно понимал чувства парней, столкнувшихся с белавской глупостью. — Практически любой на их месте бросил бы вызов на поединок. Или, по крайней мере, наговорил бы такого, что чужаки сами бы настояли на дуэли.

Астор устало потер лоб, предчувствуя нудное заучивание приветственной речи или долгие уговоры правителя, чтобы этого можно было не делать.

— С девушками они не стали бы ссориться, — подала голос Нея. — Папа всегда говорит, что красивым девушкам можно простить многое. Если к послу приставить мою старшую сестру...

— То она уже через день скрутит белавца в бараний рог за приставания, — продолжил наставник. — В их стране принято знакомить гостей с женщинами не слишком строгого поведения. Одну из них я вечером еле вытолкал из своей спальни во дворце во время единственного кратковременного визита.

— А чего она от вас хотела? — не поняла Нея.

Линк хмыкнул, а Астор сообразил, что слишком расслабился. Думать надо, с кем разговаривает. Нет, к тому, чтобы просвещать учеников в этом вопросе, он явно не готов. Его отец в такой ситуации не отступился бы и

спокойно все объяснил. Но он сам-то еще не стал отцом и не готов.

— Это конфиденциальная информация! — немного резче, чем хотелось бы, рявкнул министр.

Нея обиженно фыркнула и развернулась к столу с ненавистными документами, а Линк заливисто рассмеялся. Н-да... Хотя одного явно просвещать не надо. Но хорошо ли это или плохо? Как бы у него вскоре не начались проблемы другого порядка в воспитании этого шалопая. Объяснял же он патриархам, что еще не готов к личному наставничеству. Тридцать лет — какой это возраст для тариманского воина и мага? Первый белавский посол пятидесяти лет его и воспринимать-то серьезно не хотел, все время скатывался к какой-то покровительственно-снисходительной манере общения. Будет ли новый посол лучше?..

В заявленный Белавией день прибытия посла погода испортилась. Еще накануне было солнечно, а на небе — ни облачка, однако ночью зарядил мелкий дождик, который перешел к утру в настоящий ливень. К полудню он и не думал прекращаться, то почти сходя на нет, то снова усиливаясь, словно дразнясь и издеваясь. Дороги развезло, кое-где образовались огромные лужи, причем водно-грязевого оформления не избежали и столичные улицы.

По дворцу чери Транта шатались, выполняя свои обязанности, хмурые — под стать погоде — чиновники и слуги. Воины гвардии мрачно разглядывали творящийся за окнами казармы и караулки кошмар. Даже самый большой самодур при такой погоде не выгнал бы подчиненных месить грязь и тренироваться. Нет, можно было, конечно, проверить людей на крепость. Но зачем? Зачем измываться, если острой необходимости в этом нет? Хотя и не все мающиеся от безделья деятельные тариманцы были с этим абсолютно согласны. Начальник гвардии син Яр уже несколько раз порывался выйти на тренировочное паладио, но по дороге к двери был перехвачен и сбит с ног собственной темно-серой мурчианой, которая не жаждала мокнуть вместе с хозяином, но и отпускать одного не хотела. Вот и бегал злой мужчина по дворцу, проверяя посты и рыкая на каждого встречного. И только фин Астор, несколько раз попадавшийся ему навстречу, этим утром поражал и даже раздражал немного своей счастливой белозубой улыбкой. Вряд ли изнеженный белавский посол в такую погоду высунет нос из гостиницы. Пытка откладывается!

Бедному Астору было невдомек, что Ник и рад бы отложить свое торжественное прибытие, он не дурак, чтобы путешествовать в такую отвратительную погоду. Однако назначенный Абернаном срок поджимал и

гнал вперед. Ради отца, да и ради себя самого, раз уж он взялся подменять и играть чужую роль, в Тааримаад следовало въехать именно в этот день. Кто-то из чиновников, выслуживаясь, распланировал все буквально по датам, рассчитал время без учета непредвиденных обстоятельств. В конце-то концов, у кучера, состоящего на королевской службе, даже было право «одолжить» экипаж в любом поместье по пути, если карета сломается. Только инструкций на случай ливня не имелось. Не мог же Никозль с помощью шкатулки отправить послание и осведомиться: а точно ли так надо добраться именно сегодня или можно на денек задержаться? Не поймут. Да и не видят они этот ливень. Подумают еще, что он мелкого дождинка испугался. Н-да... Выслуживающиеся теоретики — страшные люди. Если они же будут давать советы по дипломатии при возникновении вопросов, лучше воздержаться от пользования их услугами.

— Милорд, вы как? — приоткрыв дверцу, сипло выкрикнул кучер. — Замерзли?

— Порядок! — максимально громко постарался ответить Никозль, после чего стегнул лошадей. В порядке он не был: намок, замерз, устал, злился на короля, его секретаря и чиновников. Но вслух признаваться не собирался, так как ему было жаль кучера, на лице которого уже второй день алел болезненный румянец. Лекарство мужчина не взял — извинившись, буркнул, что не доверяет аристократу без специального образования, простуда сама пройдет. А чем еще парень мог помочь? Только сесть на козлы вместо него, насильно затолкав больного внутрь и убедив, что хочет подышать воздухом и насладиться непогодой, перед тем как приступит к кабинетной работе. Ничего, он не сахарный, не растает.

Из-за водной завесы видимость была плохой, Ник едва различал границы дороги. С небольших полей надвинутой на лоб шляпы ручьями стекала за шиворот вода. Брызги грязи из-под колес и копыт летели в разные стороны, доставая даже до одежды новоявленного кучера. Однако Никозль, стиснув зубы, терпел и правил лошадьми, ожидая, когда покажется город. Но сколько бы он ни всматривался, ворота все равно возникли неожиданно. И то он не сразу сообразил, что за темный провал зияет в окружении белой рамки и двух высоких колонн-башен по бокам. Слишком напряжен и сосредоточен был, в таком состоянии не до живости мысли.

Тверже перехватив вожжи одной рукой, парень быстро залез во внутренний карман дорожного плаща, достал заветную бутылочку с алхимическим зельем для придания глазам цвета, неловко скрутил крышечку и быстро осушил. С ходу пугать тариманцев своей странностью

не хотелось. Путешествовал он с белесыми глазами, наплевав на чужое мнение, так как запас склянок был не бесконечен. Вряд ли в гостях ему предоставят лабораторию, ингредиенты и время, надо экономить.

Карета беспрепятственно миновала ворота и чуть приостановилась — Ник давал время солдатам, забившимся под навес караулки, рассмотреть герб Белавии. И надо отдать им должное, они сразу сообразили, кто прибыл; несколько человек без колебаний выбежали под потоки ливня и кинулись к гостям.

— Добро пожаловать в Тааримаад! — громко крикнул один из солдат с ужасным акцентом. — Прошу следовать во дворец, там вас встретят и разместят.

— Куда ехать? В какую сторону? — спросил Ник, так как по-прежнему не было видно ни зги, ориентироваться по шпилям дворца, если таковые, конечно, имелись, не представлялось возможным.

— Все время прямо, никуда не сворачивая, до фонтана. Министра зовут фин Астор.

— Спасибо.

Никоэль так понял, что фраза была составлена и заучена заранее, исходя из опыта встречи предыдущих послов, и включала даже ту информацию, которой он еще не интересовался. Но он был не в обиде, хотелось быстрее добраться до места. Стегнув лошадей, он направил их по широкой улице с одноэтажными и двухэтажными домами. В другое время его заинтересовал бы облик крупного иностранного города, но сейчас было не до того, тем более что взгляд выхватывал только силуэты и массивные объекты без деталей. Колеса громыхали по брусчатке, его подкидывало на скамье, однако править оказалось проще, чем по размытым дорогам вне стен столицы.

— Прибыл! — донеслось до парня через некоторое время.

Докладывали, естественно, на тариманском. Однако Ник понял и тут же задумался, прикидывая, в каком объеме знает чужой язык. Специально он его не учил, но некоторые ингредиенты приходилось заказывать и в Таримане в том числе, для чего необходимо было грамотно составлять заявки. Да и сопроводительные письма к доставленному товару с рекомендациями по хранению прикладывались отнюдь не на белавском. До сего момента парень не считал свое корпение над бумагами со словарями таким уж полезным для посольской деятельности, а тут, гляди... Разговаривать, конечно, он вряд ли сможет — практики нет, произношение многих слов даже по транскрипции наверняка оставляет желать лучшего, его попросту не поймут. Зато он сам, если будет помалкивать и слушать,

как пить дать поймет кое-что, не предназначенное для его ушей.

В задумчивости Ник машинально остановил лошадей посреди большой площади возле фонтана. К карете тут же подбежали лакеи с зонтиками, более степенно и неторопливо подошел еще один тип в черном камзоле, нарядный вид которого немного портили высокие черные сапоги военного образца. Зато лужи встречающему явно были не страшны, но он почему-то кривился, как от зубной боли. Тип махнул лакеям, указывая на дверцу кареты, и они тут же бросились открывать. Слуги ловко выдвинули подножку, а недовольный тариманец, двумя широкими шагами преодолев расстояние до экипажа, протянул гостю руку. И тут же встретился взглядом с испуганным пожилым человеком.

Сцена была неловкая, поэтому Ник поторопился слезть с козел. Правда, получилось это у него не очень проворно, так как тело затекло от напряжения. Он зацепился плащом и замешкался, и это дало возможность тариманцу громко провозгласить на белавском:

— Добро пожаловать, господин посол! Прошу вас...

— Я не посол, — испуганно помотав головой, проблеял кучер.

— Это я! — похлопав мужчину в нарядном камзоле по плечу, сказал Никоэль. — Будем знакомы! Мне тут искупаться под дождевиком захотелось. Но вроде уже и искупался, и наплавался, так что, может, продолжим церемонии где-нибудь внутри, где посуше?

Лицо встречающего растерянно вытянулось. Он оглянулся на сухие недра кареты, бросил взгляд на козлы, внимательно рассмотрел одежду Никоэля сверху донизу. Ему явно достало ума понять, что слуги так не одеваются, пожилой человек выглядит беднее. Но как же все перевернулось с ног на голову!

По едва уловимому жесту тариманца над головой парня сомкнулись купола сразу четырех зонтов. Не сдержавшись, Ник хмыкнул. Как-то поздновато уже защищать его от потоков воды.

— Так положено, — сообщил Астор, усмехнувшись в ответ. — С меня потом спросят, если не все церемонии окажутся соблюдены.

— Да я же не возражаю, надо так надо. Кучера, пожалуйста, тоже поберегите от воды, он приболел.

— А вы, значит, здоровы?

— Надеюсь. Хотя погода тут у вас...

— Почему именно у нас? — возмутился министр. — Мы ее не заказывали к вашему прибытию. — И мысленно продолжил: «Хотя очень рассчитывали, что ливень вас задержит».

— Я ее тоже не с собой в сундуке привез, — пожал плечами посол.

— Будем считать, что это происки недоброжелателей, — дипломатично предложил Астор, вспомнив, что должен избегать даже намеков на конфликт.

Он собственноручно открыл дверь здания, по привычке, очевидно, сунулся вперед, замер в проеме, сделал шаг назад, скривился и пригласительно махнул рукой:

— Прошу.

Астор был готов услышать лицемерное «только после вас» и настроился на долгий бессмысленный спор и потерю времени, однако странный белавец снова его удивил. Он молча быстро скользнул внутрь и, не дожидаясь помощи, скинул с себя мокрый плащ. Следом сдернул с головы шляпу. Без нее посол выглядел даже моложе, чем показалось сначала. Натуральный мальчишка! Поэтому немудрено, что министр засомневался.

— Вы точно посол? — осведомился он, рискуя вызвать недовольство.

— Точно, — широко улыбнулся Ник, понимая, чем вызван вопрос. — Никозль Иберникский. Бумаги остались в карете, но если хотите, могу найти верительную грамоту. Хотя, может, вам будет достаточно вот этого? — И парень продемонстрировал печатку. — А вы...

— Фин Астор, министр иностранных дел, — торопливо представился тариманец. И тут же подвергся беззастенчивому осмотру.

Впрочем, разглядывание было взаимным.

Никозль отметил, что министр на полголовы выше него, гораздо крепче, массивнее и совсем не похож на личность, занимающуюся только бумажной работой. Скорее на воина, которому навязали ответственность; у него, в отличие от парня, и шпага на боку болталась, причем отнюдь не парадная, а с потертой рукоятью. Мужественный облик не портили даже две широкие фиолетовые полосы под бровями. Вопреки слухам и ожиданиям, проведенные тенью линии выглядели не украшением, а своеобразной боевой раскраской. Пожалуй, Ник ни за что на свете не хотел бы сойтись с Астором в серьезном поединке, он очень сомневался в благоприятном для себя исходе. Плавные выверенные движения, как у приемного отца, не оставляли сомнений в том, что основным оружием министра является вовсе не писчее перо.

В свою очередь Астор отметил, что новоявленный посол придает одежде не слишком большое значение. Из драгоценностей, помимо печатки, на нем и вовсе не обнаружилось ничего иного. Парень крепкий, но, как и остальные до него, на воина не похож. Впрочем, на придворного аристократа тоже. Чей-то избалованный сынок? Нет, спеси маловато.

Третий посол наглядно продемонстрировал, как ведет себя богатая белавская молодежь. Тогда кто он? Совсем мальчишка ведь! На опытного чиновника не похож. Неужели его просто отправили на убой, разуверившись в том, что договор может быть подписан? Министр никак не мог понять, чем руководствовался Абернан II, назначая на ответственную должность столь молодого парня. Хотя если он тихий, забитый и готов соглашаться с любыми чужими словами...

— Надеюсь, мы поладим. Когда вы можете показать мне земельные участки? Не хотелось бы тянуть с договором, — бодро высказался Ник. — Давайте попробуем решить вопрос быстрее и к взаимному удовлетворению.

Первые же слова о деле заставили Астора оставить надежды и понять, что о возможности влиять на посла, скорее всего, лучше забыть. Не тянул этот странный белавец на того, кем легко вертеть, кого нужно постоянно подталкивать и направлять. Сомнительно уже, что это кучер убедил его поменяться местами. Нет, инициатива наверняка исходила от парня. И чего еще теперь стоит от него ожидать? Министр еле удержался от того, чтобы открыто не схватиться за голову. Ему только четвертого недоросля, за которым нужен глаз да глаз, не хватало!

— Завтра в полдень вас официально представят чери Транту, вечером состоится прием в вашу честь. Зато послезавтра я могу предоставить необходимые карты. Выбор будет за вами, нам совершенно все равно, какой из кусков земли отписывать Белавии, — постарался бесстрастно произнести министр.

— Ясно, — тяжело вздохнул Ник, предвидя, что следующий день — и в особенности — вечер ему совсем не понравится. И следом различил зеркальный вздох собеседника, на лице которого застыло задумчивое выражение.

— Знаете, — нерешительно начал Астор, а после паузы с нарастающей уверенностью убедительно продолжил: — Я все-таки хочу лично от себя дать вам несколько советов, хотя чери Трант этого не одобрит. Держитесь, пожалуйста, подальше от наших мурчиан, старайтесь не обращать на них внимания и ни в коем случае не обижать. Не соглашайтесь на дуэли, однако, если выхода не будет, договаривайтесь драться до первой крови. Порезе выходите из здания посольства. Если вам захочется прогуляться, предупредите меня, я составлю вам компанию. Не стоит также после полуночи вваливаться с бутылкой в крыло мартнаильцев и при отказе выпить бренди резать вены, чтобы угостить соседей кровью. Не надо заходить на наши тренировочные паладио, заявлять, что можете лучше,

забираться на шестиметровую стену полосы препятствий и демонстрировать прыжок с нее с перекатом. Избегайте...

— Понял, — перебил Ник, брови которого по мере перечисления запретов поднимались все выше и выше в удивлении. — Лучше у вас в стране стоять, не двигаться и изображать памятник, — хохотнул он. — Неужели все это проделывали до меня?

— Простите, накипело, — повинулся Астор. — Но мне действительно будет легче, если вы станете поменьше двигаться и общаться с окружающими, — развел он руками. Министр решил перестраховаться и попробовать договориться по-хорошему. Бесконечная смена представителей посольства, торжественные приемы и речи изрядно его утомили. Пусть он сейчас действует грубовато и непрофессионально, лишь бы толк был. Даже его любопытная мурчиана наотрез отказалась присутствовать на встрече последних трех послов и вместо этого спала где-то в комнате, пока он слушал очередного пустобреха.

— Я буду осторожен, — в который раз пообещал Ник, он и так не собирался лезть на рожон. Его начали изрядно раздражать и забота, и чужие советы, доведенные до абсурда. Он же еще и сделать-то ничего не успел! А уже чувствует себя нашкодившим ребенком, хотя вот уже года четыре никто не смог бы обвинить его в сумасбродстве и несамостоятельности. Нет, надо прощаться, пока он не вспылит. Если остальных послов встречали такими же нравоучениями, неудивительно, что они пускались во все тяжкие. Вроде он вспыльчивостью никогда не отличался, но сегодня уж очень хочется хотя бы рыкнуть на министра.

Тихо вздохнув, парень поинтересовался:

— Могу я, наконец, удалиться в свою комнату и переодеться? — И он выразительно посмотрел на набежавшую с одежды на пол лужу.

— Да, конечно. Парадный вестибюль у вас с мартнаильцами общий. Справа на первом этаже ваша столовая и напротив расположен зал совещаний, на втором — несколько кабинетов для работы и личные комнаты. Две из них сейчас заняты вашими людьми, вы можете заселиться в любую свободную. Налево без приглашения на втором этаже лучше не ходите.

— Надеюсь, вы имели в виду всего лишь сторону? — не удержался от подколки Ник.

— При другом значении слова лучше и с приглашением не ходить, — серьезно предупредил Астор. — А в здании в дальнейшем можете пользоваться лестницей в конце коридора в своем крыле, так поступали все послы до вас. При определенных обстоятельствах мартнаильцы довольно

вспыльчивы.

Новоявленный посол устало покивал головой в такт словам министра. Не пойдет он налево, не пойдет. Только отцепитесь уже все! Одежда, прилипшая к телу, неприятно холодила кожу, вода умудрилась затечь даже в удобную обувь. Сейчас Ник больше всего желал переодеться и устроиться где-нибудь у горящего камина. На крайний случай хотя бы просто глотнуть полстакана вина, чтобы согреться и не простыть. Но упаси его высшие силы пригласить министра составить компанию! Первым явно иссохнет терпение.

Астор пытливо посмотрел в лицо посла, ставшее крайне отрешенным, и сообразил, что пора откланиваться. Давно пора. Он и так уже наговорил... на выговор от чери Транта наговорил! Однако министр понял, что просто боится оставлять белавца одного и уже не верит в благоразумие чужеземцев.

— Я найду за вами завтра в половине двенадцатого, — решил перестраховаться Астор. Нечего послу самостоятельно болтаться по двору и по дворцу. — О карете и лошадях позаботятся мои люди, кучера устроим, где и обычно, ваши вещи принесут сюда, в холл. Или вы нам не доверяете? У вас есть что-то секретное?

Спрашивал он без всякой задней мысли. Знал, что в реальности у этих пустобрехов-послов никогда ничего значимого не бывает, хотя сами они, конечно, считают по-другому. У них даже торжественная речь до произнесения — государственная тайна, а уж любимые подштанники... вообще бесценны. Но камердинера и слуг при парне не оказалось, надо же ловить момент, помогать, а заодно втираться в доверие и налаживать отношения.

— Несите, — удивил министра ответом Никоэль. А что? Печатка у него на пальце, деловой переписки с секретарем еще нет, в ларец с лекарствами без разрешения не залезут — отец когда-то наложил такое запирающее заклинание, что крышка только на определенную ауру реагирует, до поездки там яды хранились. Если мартнаильцам интересно, пусть тоже с чиновничьей инструкцией ознакомятся и посмеются. Хотя... Парень покосился на встречающего. С чувством юмора у местных, похоже, проблемы.

— Значит, с сундуком вам помогут. До встречи, — попрощался Астор и поспешил удалиться, пока не заговорил посла до ссоры. Он же сам совсем недавно ругался на лезущих к белавцам сограждан, а теперь лично читает нотации и провоцирует. Лучше остаток дня провести в кабинете и поработать над речью, раз уж чери Трант дал такое поручение.

Ник подождал, пока за министром закроется дверь, и беззастенчиво стянул с себя рубаху, расстегнув парочку верхних пуговиц. Н-да... Хотя выжимай! А почему бы, собственно, и нет? Взгляд парня упал на огромную кадку с каким-то экзотическим растением. Он ухмыльнулся, сделал пару шагов и выжал сорочку, избавляя от воды.

— Это да, давненько никто дерево не поливал, — неожиданно услышал он голос с едва уловимым акцентом откуда-то сверху, с галереи второго этажа.

Стремительно обернувшись, посол встретился взглядом с худощавым мужчиной лет сорока на вид. Незнакомец был одет в бордовый бархатный халат, небрежно перетянутый поясом с крупным узлом, съехавшим на левый бок. Яркая ткань сильно подчеркивала бледность его лица и делала скулы еще более выделяющимися. Однако впалые щеки отнюдь не придавали лицу болезненный вид, наоборот — приносили что-то хищное и опасное. Нетрудно было догадаться, кто почтил своим визитом вестибюль и чувствовал себя при этом как дома, — мартнаилец. Ну и что теперь делать? Сложно в такой нелепой ситуации, когда тебя застали чуть ли не на месте преступления, отвернуться и изобразить слепоту и невниманье. Никозль оказался в затруднении, ведь в инструкции о подобной ситуации не говорилось.

— Извините, я тут немного намок, — сделав невозмутимое лицо, произнес парень.

— Да уж вижу, что не насухо высох. Секретарь нового посла?

— Нет.

— Камердинер? — нахмурился мартнаилец.

— Тоже нет.

— Сын посла? — продолжал гадать мужчина, пока Ник прикидывал, как закруглить разговор.

— Не сын, не внук, и вообще, совершеннолетняя самостоятельная личность. Посол я!

— Э-э-э... А взрослое население у вас уже закончилось? Все на дуэлях погибли? Или ваш король рассчитывает, что ребенка никто не посмеет обидеть? Вынужден огорчить, но тут боевая подготовка начинается чуть ли не с младенчества, скидок на возраст при ответственной должности не будет.

Выслушав предупреждение, Ник скривился. Дался им всем его возраст! Та-ак, он спокоен, он полностью спокоен. Довели! Жаль, что ссориться с мартнаильцем нельзя. И вовсе не потому, что он опасен, — просто это недипломатично. Наверное... Ведь этому типу почему-то можно

называть его ребенком.

— Мне уже восемнадцать, — уточнил парень, постаравшись ничем не выдать раздражение.

— А мне сто два, и то повелитель долго сомневался и сетовал на мою молодость, подписывая приказ о назначении.

— Не надо сравнивать наши народы, вы взрослеете медленнее и живете чуть дольше.

— Ну хоть это ты знаешь, — усмехнулся вампир, продемонстрировав небольшие, чуть заостренные клыки. — Предыдущий посол только шарахался от меня, бормотал что-то типа «изыди», и на любой вопрос пожимал плечами, если, конечно, не успевал отвернуться и сделать вид, что меня не замечает.

— Да мне бы тоже полагалось так поступать, — решил быть честным Никоэль. Все-таки ему претило обижать кого-либо только из-за расовой принадлежности, даже во имя службы. — Инструкция у нас.

— Наслышан. Даже разок заглянуть в нее довелось, — развеселился вампир. — У тебя там тоже пункт про аллергию есть?

— Да, а что?

— Просто еще раз хочется полюбоваться на самоубийцу, который посмеет демонстративно чихать на мурчиан и бегать от них по коридорам. Они, знаешь ли, хищники, у них инстинкты.

— Спасибо, что предупредили. Буду стоять на месте как вкопанный и даже дышать через раз. А на обычное «кис-кис» они реагируют?

— Пожалуйста. Не проверял, — отвечая по порядку, пожал плечами мартнаилец. — Это еще одна неуместная крайность. Увидишь зверюгу — сам поймешь, что привлекать внимание такой кошки как-то чересчур волнительно даже для меня.

— Увижу, — вздохнул Ник, задумчиво посмотрел на кадку и продолжил как ни в чем не бывало выжимать рубашку. Во всяком случае, вампир не бешеный, на сноба не похож, да и кадка у них общая. Хочет — поливает, хочет — переставляет по вестибюлю. Где там его сундук с сухими вещами? Да и выпить какую-нибудь укрепляющую настойку на спирту не помешало бы, ведь простынет же с этой дурацкой погодой!

Только Никоэль вспомнил о багаже, как входная дверь распахнулась и двое дюжих лакеев внесли его дорожный сундук. Третий шел сзади и нес ларец с зельями и лекарствами. Никто и глазом не повел, застав гостя за неподобающим занятием, а тот прерываться не стал. Он так подумал, что людей со странностями в этих стенах повидали множество, одним чудачком больше, одним меньше... Да и реакцию тариманцев проверить жутко

хотелось: среагируют или они не такие забияки, как чиновники пытались ему внушить.

— Вы остановились на втором этаже в первой комнате слева? — осведомился лакей с зелеными полосами под бровями, что двигался впереди. Акцент, правда, был жуткий, слова еле удалось разобрать.

— А где жили другие послы? — рискнул задать вопрос парень. Он как-то затруднялся дать указания, ведь до второго этажа еще не дошел.

— Там и жили.

— Тогда туда, — кивнул Ник и ухмыльнулся.

— Что тебя так радует? — заинтересовался вампир, который изначально начал общаться на «ты» и, похоже, решил ничего не менять, выяснив статус нового знакомого.

— Да вот тут вспомнил, что министр иностранных дел Таримана не далее как десять минут назад советовал вообще не ходить налево, даже если очень надо, даже если приглашают. А с подачи его людей я в первый же день налево собираюсь.

— Так, может, еще одно правило инструкции нарушишь?

— Какое?

— Которое запрещает общаться и пить с мартнаильцами. Я угощаю. Очень хорошее вино, наше, столичное.

— Вы, однако, подозрительно точно знакомы с белавской инструкцией, на одно заглядывание такая информированность не тянет.

— Почему? Заглянул действительно разок. Зато о-очень внимательно и о-очень надолго, — усмехнулся мартнаилец, ничуть не смутившись. — Ну так как?

— А давайте! — махнул рукой Ник. — Нарушать так нарушать. Замерз!

— К вам на новоселье или рискнешь к нам?..

— У меня еще не обжито, так что если вы приглашаете, — протянул парень, которому новый знакомый нравился все больше и больше. Может, вампир и хитрил, изображая простоту, чтобы втереться в доверие, это сейчас не так важно. Главное, что собеседник он, похоже, неплохой, знающий. Информация из первых уст о здешних нравах не повредит, а то белавские советчики небось в Таримане сами ни разу не были, ориентировались на слухи, сплетни и небылицы. О мартнаильцах вон тоже много всего рассказывают. Например, что все они поголовно питаются кровью, и если при них зазеваешься и дашь слабинку, то... А на самом деле кровь нужна только раненым или тяжелобольным для быстрого восстановления, причем хватает и пары глотков. Если, конечно, вампир

хорошо себя контролирует, чтобы вовремя остановиться. Потому что кровь для них сродни наркотику, слабого духом ее запах может свести с ума. Но в дипломаты такого явно не выдвинули бы. Преступников, которые осушают жертвы только ради удовольствия, ловят сами же мартнаильцы, ведь они страдают от пристрастившихся слабаков в первую очередь. Иностранцев для утративших над собой контроль не напасешься, специально не подсунешь, зато сограждан, тоже вполне пригодных для потребления, вокруг море.

— Пошли, — махнул рукой вампир. — Только накинь что-нибудь сухое. Ничего, если я без всяких дипломатических реверансов?

— Я не в претензии. Кстати, ко мне можно обращаться просто Никоэль или Ник.

— Ах да, — хлопнул себя по лбу мартнаилец. — Я тоже забыл представиться: Роэн. Я лет пять жил с отцом в Белавии, когда он был у вас с дипломатической миссией. Правда, в местном этикете так и не разобрался, уж очень много слов надо выслушать и сказать.

— Да, толкнуть речь на полчаса у нас любят, сам никогда такого не понимал. Умение долго говорить, ничего при этом не сообщив, возведено чуть ли не в ранг искусства.

— Поэтому, извини, но на твое завтрашнее официальное представление чери Транту я не пойду.

— Я бы и сам с удовольствием не пошел, — вздохнул Ник, перекинул рубашку через плечо и принялся подниматься по величественной мраморной лестнице, ведя рукой по широким — не обхватишь — резным перилам с массивными балясинами. На верхней площадке его поджидал вампир, оказавшийся почти такого же роста. Наблюдение обрадовало — не придется чувствовать себя среди тариманцев самым низким, если все окажутся похожи на фина Астора и его лакеев. Или это и не лакеи вовсе? Закрадывались у парня подозрения, что к его прибытию переодели гвардейцев. В Белавии, например, точно так бы и поступили, еще и приказ мимоходом заглянуть в вещи гостя отдали бы.

Оставляя на полу влажные следы, Никоэль свернул в свою часть здания и отправился в комнату — переодеваться. Мартнаилец без приглашения последовал за ним и с любопытством, словно в первый раз, заглянул в апартаменты.

— Уютненько, — прокомментировал он, оценив интерьер в золотисто-коричневой гамме. — У нас в комнатах лучше зажимуриваться. Кто-то решил, что наш народ должен любить красные и бордовые цвета.

— А разве нет? — кивнул Ник на халат нового знакомого, ничуть не

раздраженный вторжением на личную территорию. Пусть смотрит, пока ему скрывать нечего.

— Это одна вещь, а в помещениях их... Хорошо хоть потолок покрасить не догадались. У нас с тариманцами всегда были ровные, хотя и не слишком близкие отношения, поэтому их декораторы не озаботились детальным изучением наших вкусов.

— А меня как-то не очень заботят интерьер и удобство. Надеюсь, я тут ненадолго, — сказал Ник и впервые полностью открыл крышку своего дорожного сундука, приставленного к стеночке слева от входа. До этого свертки со сменной одеждой он нащупывал через щель, не снимая сундук с кареты, некому было его таскать туда-сюда — в гостиницу и обратно. Вернан специально озаботился упаковать самое необходимое отдельными комплектами и разместить сверху.

— Да? — хмыкнул Роэн. — А обживаешься ты тут так, будто на десятилетия приехал. — И он за уголок приподнял белоснежную подушку, аккуратно приткнутую в торце сундука.

— Что за?.. — удивился Никоэль и недоверчиво пощупал найденный предмет. — Ну, Вернан! Он бы еще перину додумался затолкать!

— Неужели нет? Странно, странно... — ухмыльнулся Роэн. — Так, может, хотя бы любимого плюшевого медвежонка стоит поискать?

— Не смешно. Страшно подумать, какие находки меня ожидают в будущем, — сказал новоиспеченный посол и поспешно захлопнул крышку, пока мартнаилец не углядел еще чего-нибудь компрометирующего, за что пришлось бы краснеть и оправдываться.

Со свертком под мышкой он удалился за деревянную резную ширму и поспешно переоделся, наблюдая поверх за спокойно ожидающим вампиром. Затем вышел, с невозмутимым лицом перенес в укрытие свой ларец со снадобьями, вдали от чужих глаз нашел антипохмельное средство и спрятал его в карман. Ну-с, теперь можно и пообщаться.

Тем временем во дворце Тааримаада...

— Ксантар, что удалось обнаружить в вещах молодого посла? — уединившись в кабинете с начальником тайной канцелярии, поинтересовался Астор. Не то чтобы его действительно волновали шмотки белавского аристократа. Просто, раз уж выпала возможность беглого обыска, следовало хотя бы узнать, на всякий случай. Положено. — Есть что-то примечательное?

— Проще перечислить, что там непримечательного, — хмыкнул наполовину седой мужчина средних лет с высокой мощной фигурой, но не

запоминающимся лицом, в котором не было ни единой особой черты. — Обычно послы сплошь тряпки да цацки везут, а этот...

— Что этот? Конкретнее, пожалуйста, — нетерпеливо поторопил министр иностранных дел, не скрывая проснувшегося любопытства.

— Набор то ли для войны, то ли для тайного шпионажа, то ли для мести нам «за все хорошее», то ли просто для обороны на все случаи жизни. Мои люди нашли кольчугу, несколько ножей и кинжалов, шпагу лернийской ковки. Магическими методами определили наличие набора снадобий различного назначения — там и снотворное, и слабительное, и яды, и лекарства; совсем немного одежды и личных вещей, бумаги, как обычно, и подушка.

— Та-ак, а последняя зачем?

— Откуда я знаю? Может, ему на ней спится лучше, или она предназначена для подкладывания врагам и пропитана каким-нибудь редким ядом. Сам понимаешь, времени на проведение анализа не было.

— Про яд — это ты преувеличиваешь. Я, скорее, поверю в то, что подушку попросили передать в дар мурчиане чери Транта, — заметил фин Астор. — Белавцы явно не хотят с нами ссориться.

— Даже у них может кончиться терпение, — пожал плечами кори Ксантар.

— Эх, принесло на мою голову очередного посла, — вздохнул министр иностранных дел. — Мне бы его живым сохранить. Ты ему охрану надежную подобрал? Парни не вспыльчивые, не подведут?

— Лучшие, каких нашел. Флегматики. Они сохраняют спокойствие и не вспыхнут, даже если посол при них пьяный, с оружием, распевая непристойные песни, завалится в Храм.

— А где он в данный момент? Из здания точно не вышел? — для проверки осведомился Астор, который пока не смог изучить и разгадать характер гостя, времени не было.

— Сейчас уточню, — неохотно сказал кори Ксантар и, подцепив пальцами цепочку под воротом, потянул ее наверх. Он понимал чувства коллеги, сам уже несколько раз получал выговор от чери Транта. Хотя именно сейчас считал, что дергаться еще рано.

Поверх серой ткани рубашки, словно созданной, чтобы подчеркнуть неприязнительность собственного обладателя, лег маленький непрозрачный белый камешек. Начальник тайной канцелярии обхватил его двумя пальцами, посылая легкий магический импульс вглубь, и тихо произнес:

— Зел Данкр, что с объектом? Посол у себя?

— Не совсем, — послышался скупающий голос.

— Как?! — вскочил на ноги Астор, опрокинув стул и толкнув стол на собеседника, едва успевшего выставить вперед руку, чтобы не заработать синяк на ребрах.

— Данкр, я же просил сообщать, когда посол соберется покинуть здание! — раздраженно прошипел Ксантар.

— А он и не покидал. Просто в гости зашел в соседнее крыло.

— О нет! — схватился за голову министр. — А как на это отреагировали вампиры?

— Пьют.

— Одного на всех?!

— Кажется, уже три на троих, — неуверенно доложил соглядатай.

— И обоих белавских ассистентов... того, — ужаснулся Астор величине катастрофы. — Три человека!

— Три бутылки на одного человека и двух вампиров, — скрупулезно перечислил флегматичный шпион. — Сначала вино, теперь что-то покрепче, нам через окно плохо видно.

— Тьфу, — сплюнул министр, по крайней мере сделал вид. — Про бутылки надо было сразу уточнять. Посла сильно напоили? Не обижают?

— Его обидишь... Мартнаильцы в стельку, на ногах не стоят. А мальчишка трезв. Я бы с ним пить не стал.

— Следи и контролируй ситуацию, — приказал начальник тайной канцелярии. — Отбой.

— Надо идти спасать, — констатировал Астор.

— Кого именно? — с иронией осведомился Ксантар. — Сядь и не нервничай, ты не нянька для иностранцев, сами разберутся. Займись лучше подготовкой ответной речи. Пачка бумаг с инструкцией была солидной, значит, нам опять тренировать терпение не меньше получаса. Трант не одобрит, если ты хотя бы половину времени не отработаешь.

Глава 4

ДОЛГАЯ ДИПЛОМАТИЯ И БЫСТРАЯ ДРАКА

— Милорд Никозель, вам пора! — раздался громкий голос за дверью комнаты за полчаса до полудня, и следом послышались глухие удары по дереву. Это один из белавцев, числящийся ассистентом посла, а вернее — младшим секретарем, решил поторопить начальника. Второй соотечественник оказался камердинером первого, а заодно и слугой для различных поручений в одном лице. Оба пережили аж двух послов, с обоими Ник познакомился накануне вечером, когда вышел в столовую к ужину. Вампирам накрывали трапезу на час позже, да они и не в состоянии были спуститься раньше времени после церемонии знакомства. Душевно посидели. Розн даже «по секрету» сообщил, что им поручено проследить за сделкой между Белавией и Тариманом. Все страны напряженно ждут, что получится: новая война или договор о передаче земель и мир. В первом случае, по донесениям мартнаильской разведки, кое-кто даже планирует немного увеличить свою территорию... Никозелю не по себе стало от свалившейся ответственности.

— Я иду! — крикнул парень, чтобы успокоить секретаря, и быстро опустошил склянку с зельем для придания глазам привычного для окружающих цвета. К завтраку из-за своего недостатка и необходимости экономно расходовать алхимический состав он сегодня не спускался — довольствовался бутербродами, специально прихваченными со стола вечером. Бросив взгляд в зеркало на стене, убедился, что все в порядке — и с глазами и с одеждой. Ему пришлось облачиться в белую плотную рубашку с широкими рукавами, собирающимися складками к узким манжетам, и один из нарядных колетов. Конечно, длинный камзол был бы уместнее, но то в Белавии, а в Таримане, по мнению парня, лучше делать выбор в сторону удобства. Вон министр вчера ничуть не смущался своих отнюдь не парадных сапог.

Напоследок захватив с тумбочки заранее приготовленные верительные грамоты, Ник открыл дверь комнаты и в упор уставился на нервно кусающего губы секретаря. Это был парень чуть за двадцать, хрупкого и изящного телосложения, со светлыми выющимися волосами и тонкими чертами лица. Новоявленный посол полагал, что такая внешность и стала

одной из причин, позволившей секретарю так долго выживать в Таримане — местные просто считали зазорным связываться, задевать и искать поединка. Много ли чести в победе над заведомо слабым противником, особенно если этот противник — трус. А в последнем Ник успел убедиться по тому, как Ларион, баронет Гаальтиарский, шарахнулся в столовой от крепкого лакея с черными полосами под бровями. Хотя сам такую же технику перенимай! Однако пока парень не заметил особой враждебности, любопытство — да.

Слугу Лариона тоже не трогали. Но тот был абсолютно седым морщинистым стариком, которого Никоэль, честно говоря, и о небольшой услуге постеснялся бы попросить, не то что помыкать и командовать каждый день. Однако у Лариона в этом плане никаких предрассудков не было, он считал вправе распоряжаться и гонять несчастного в качестве посредника между собой и тариманцами или мартнаильцами по любому поводу.

— За вами пришел министр иностранных дел, — доложил младший секретарь и нервно покосился в сторону лестницы. — Может, мне не стоит мешать вам общаться? Я останусь в здании следить за нашими комнатами, чтобы никто не проник и не украл документы. Вы уж там как-нибудь сами речь поцветистее произнесите, чтобы тариманцы почувствовали наше расположение. И узнайте, пожалуйста, когда они передадут нам для ознакомления договор, я еще не имел возможности даже взглянуть на него.

— Почему же вы сами не спросили?

— Что вы, что вы, — замахал руками Ларион. — Языком не владею, да и нужных фраз не знаю. Мое дело бумажки переписывать, а все вопросы должен решать посол, в крайнем случае — старший секретарь.

— Но старшего-то и нет.

— Сожалею, но что я могу сделать? Просите людей в канцелярии Абернана, — развел руками хитрец.

А Ник отчетливо понял, почему Лариона не убили, как остальных, — просто не смогли даже приблизиться. Секретарь самоустранялся от всего, инициативы не проявлял, лично ни с кем не разговаривал, аристократический гонор предусмотрительно никому, кроме слуги, не демонстрировал. Н-да... Помощник из него никакой. Хотя, может, и к лучшему, если младший секретарь не будет лезть в его дела? Не хватало еще, чтобы тот настрочил донос, обнаружив, что торжественная речь подверглась некоторому сокращению... раз в десять.

— Ладно, во дворец я пойду один, — решил Никоэль.

— Вот и прекрасно, — облегченно выдохнул Ларион и, не успев посол

моргнуть, скрылся в своей комнате.

Парню не оставалось ничего другого, кроме как мысленно настроиться на новую встречу с фином Астором и двинуться к парадной лестнице. Он вышел на площадку, посмотрел вниз и... обомлел. В холле, как и было оговорено, ждал министр иностранных дел. Но в каком виде! Белая шелковая рубашка, черные брюки, фиолетовый камзол, богато расшитый тесьмой, на шее — массивный круглый медальон, инкрустированный драгоценными камнями впечатляющей величины. И все бы ничего, но чувствовал себя мужчина в таком виде явно не слишком уютно: постоянно поправлял то воротник, то медальон, водил плечами, проверяя швы узкой одежды на прочность, пробовал, ничего ли не мешает дотянуться до рукояти шпаги. Последняя единственная выбивалась из общей картины, так как являлась не парадным украшением, а боевым оружием.

Ник даже засомневался: а точно ли его колет будет уместен на торжественном приеме? Однако что-либо менять было уже поздно. Да и главное, что ему самому удобно, ничего не мешает, не отвлекает. Хватит и того, что впервые в жизни к нему будет приковано внимание множества влиятельных лиц.

— Добрый день! — на белавском громко поздоровался Никоэль. — Вы сегодня выглядите... — Он хотел, как положено по этикету, отвесить комплимент, но замялся, подбирая слова. Элегантно? Не хотелось бы врать. Красиво? Ну, это смотря на чей вкус, сам же министр явно так не считает. Глупо? Ближе к истине, фин Астор точно согласится, но это не дипломатично. — Очень ярко, — наконец нашел компромисс Никоэль.

— Спасибо, — с хмурым видом кивнул тариманец. Уж лучше бы посол промолчал! Интересно, он искренне оценил его вид или издевается? Астор подозревал, что второй вариант ближе к истине — из-за заминки и из-за того, что парень уже не первым за сегодняшний день успел высказаться. Министру пришлось идти по дворцу, а там и начальник гвардии син Яр, и подопечные, и знакомые тоже не молчали. Он бросил три вызова на ритуальный поединок! Три! Да и послу с удовольствием бы доказал, что от внешнего вида его умение владеть оружием не изменилось. Но нельзя, ему-то точно нельзя собственноручно гробить дело. Страшно представить, во что чери Трант повелит облачиться ради восьмого посла! Нет, он с седьмого сейчас пылинки сдувать должен. А вот после подписания документов, где-нибудь на границе их государств, когда насмешник откланяется, тогда можно и силами помериться.

— Мы еще не опаздываем? — поинтересовался Никоэль. Он же не знал, насколько длинен путь до тронного зала или иной комнаты,

заменяющей его.

— Прибудем вовремя, — отозвался Астор, первым выходя из здания, чтобы показывать дорогу. Да и зевакам на площади лучше сразу дать понять, что у гостя есть компания — меньше риск.

Быстрым шагом, что у предыдущих послов вечно вызывало недовольство, мужчины добрались до входа во дворец — ничем не примечательного здания с множеством узких арочных окон, перемежающихся простыми выступающими пилястрами. На обоих глазели, хотя и не пытались чем-то задеть. Астор надеялся, что последний раз чери Трант основательно сделал внушение всем подданным. А обещание приставить очередного провинившегося, сразившего хоть кого-то из белавцев, к восьмому послу должно окончательно остужать горячие головы.

Одни коридоры быстро сменялись другими, Ник даже не успевал ничего рассмотреть, хотя дорогу старательно запоминал. Да и особо нечего было рассматривать. Темные стены, пейзажи в скромных рамках, короткие и простые портьеры, чуть поскрипывающий однотонный паркет, кое-где испещренный царапинами. Единственная особенность — огромное количество мягких кресел и диванчиков вдоль стен со следами шерсти. Явно для мурчиан поставлены, хотя самих огромных кошек в обозримом пространстве не оказалось ни одной. Радоваться ли этому обстоятельству или огорчаться, что удовлетворить любопытство не получится, Никоэль не знал. Но он все четче сознавал, что к его визиту основательно готовились. И даже задумался: действительно ли белавцев убивали случайно или это злой умысел недоброжелателей? Сложно сказать, ведь тариманцы честно дали понять, что собираются опекать его, как никого иного.

— Мы подходим к приемному залу, — предупредил Астор, приостанавливаясь, чтобы дать гвардейцам время распахнуть дверь. — Предупреждаю, что наш правитель довольно бегло владеет вашим языком, так что следите за словами. Прошу.

Переступив порог, Ник постарался незаметно осмотреться и сориентироваться. К счастью, зал оказался не очень большим и довольно скромно обставленным. Из мебели — уже привычные кресла и диванчики по периметру, пустующие, и массивный стол ближе к противоположной стене. Из людей — буквально десяток ярко одетых министров и чиновников по обе стороны. И буквально все напоминали Астора. Нет, не внешностью, а жестами и неосознанными движениями. Постоянно то один, то другой, то третий хватались за воротник, за обшлага рукавов, за пуговицы... Их портной — явно один на всех — не поскупился на кружево

и декоративные украшения, хорошо хоть до кюлотов с чулками не додумался. В таком окружении мужчина средних лет, сидящий за столом в элегантном черном колете, выделялся не только позой. Как ни странно, но черные полосы под бровями лишь больше подчеркивали строгость и серьезность правителя.

Подневольный посол остановился в двух шагах от стола, поклонился и положил на поверхность верительную грамоту, чтобы ее при необходимости можно было прочитать. Он был немного удивлен отсутствием в зале охраны.

— Никоэль Иберникский, представитель Белавии, уполномоченный подписать с вами договор о границах, — отрекомендовался парень и проследил, как фин Астор обходит стол и занимает место слева от чери Транта. Он не знал, что и в каком порядке следует делать, мог лишь догадываться. А потому, не дожидаясь ответа, решил сразу произнести всю подготовленную речь. Что тут же и осуществил бодрым голосом, не делая пауз и акцентов.

— ...Надеюсь на плодотворное сотрудничество, — закончил Ник неожиданно быстро даже для себя.

Воцарилась тишина. Посол смотрел на чери Транта. Чери Трант в свою очередь сосредоточенно косился куда-то вправо, где на поверхности стола белела стопка документов, глаза бегали по строчкам. Стоящий слева от него фин Астор, щурясь, старательно пялился туда же. Чиновники, застыв в одной позе, молчали. И если бы Ник не знал, что стойка на одной ноге с заведенной за щиколотку второй является медитативным долговременным упражнением на равновесие и терпение, мог бы и вовсе испугаться, что произошла катастрофа и неизвестные враги превратили всех в статуи.

Прошло минуты две, но ничего не поменялось. И до Ника дошло: его никто и не слушал! Все ушли в свои мысли, отвлеклись, готовясь, как обычно, пропустить мимо ушей «белавские сказки» о собственном величии. Впору было обидеться, что на его месте сделало бы большинство аристократов и нормальных дипломатов, убежденных в недопустимости проявлений пренебрежения по отношению к Белавии. Однако парню стало смешно — губы растянулись в улыбке.

— Кхм-кхм, — вознамерился все-таки привлечь к себе внимание посол.

— Да-да, мы вас внимательно слушаем, — рассеянно кивнул чери Трант и, словно невзначай, сдвинул верхний лист с правой стопки с документами.

— Вообще-то я уже пять минут как молчу, — заметил Ник.

— Вот как? — встрепенулся правитель и, ничуть не смущаясь, засадил локтем в бок Астору. — Министр, что же вы тянете с ответной речью? — постепенно повышая голос, поинтересовался он.

Цели чери Трант достиг — взгляд Астора стал осмысленным, а окружающие чиновники задвигались, шелестя одеждой и торопясь принять более естественные и подходящие позы. Только один паренек лет четырнадцати за чужими спинами даже не пошевелился. В отличие от остальных присутствующих, Линк знал: расслабляться рано, все только начинается.

— Чери, может, не надо? — на тариманском шепотом, но довольно различимо для Никоэля, спросил министр иностранных дел.

— Надо, — мстительно сверкнул глазами правитель и собственноручно передал подчиненному внушительную стопку мелко исписанной бумаги, ожидавшую своего часа на столешнице слева, почти напротив Астора.

И тогда посол понял, что теперь лучше бы и ему срочно научиться медитировать.

Эту же мысль подтвердили сникнувшие чиновники, в чьих глазах надежда и оживление сменились философским спокойствием. Придется стоять, раз решил правитель.

А Астор откашлялся и заунывным голосом, без выражения забормотал:

— Дорогой посол сильного и процветающего под покровительством Абернана II государства Белавия...

На третьем предложении с витиеватым восхвалением Ник перестал вникать и принялся тоскливо рассматривать стены и застывшие лица чиновников. Чери Трант, наоборот, разулыбался, словно «радушный» хозяин, только что обрадовавший неурочных гостей, что ночевать им придется вдесятером в одной крошечной комнате — кладовке, на одной кровати с поломанной ножкой. Потесниться самому желания нет, но гости ведь не в обиде?

Присмотревшись, Ник заметил на одном из диванов клочок белой шерсти и задумался. Интересно, это оставила мурчиана правителя или в приемном зале разрешено находиться не только ей? Как в действительности тариманцы пользуются внешним источником для создания заклинаний? Способны ли они применять магию, если мурчиану удалить на километр или два?

— Кхм-кхм, — привело его в чувство громкое покашливание. —

Отвлеклись? — ехидно поинтересовался правитель. — Посол, что-то вы сегодня невнимательны.

— Впечатлился и пребываю в безмолвном благоговении, — быстро нашелся с ответом Никоэль.

— Надеюсь, на вечернем приеме вы будете более разговорчивы, — сказал Трант.

На этом аудиенция закончилась, и все потянулись на выход. Посол тоже с облегчением покинул зал, сопровождаемый по пятам фином Астором. Стоило бы на него обидеться за продемонстрированную пародию на белавскую традицию, однако Нику было жаль министра. Парень четко осознал, насколько того достала вся эта дипломатическая чехарда и попытки подобрать подход к быстро сменяющимся людям. Поэтому он и не стал отказываться, когда услышал приглашение составить компанию.

— Если вы желаете осмотреть город, я могу прогуляться с вами в качестве проводника, — предложил Астор, который понимал, что не в состоянии держать гостя взаперти. А если нельзя избежать опасного процесса, то его надо возглавить и проконтролировать.

— Хорошо, — согласился Никоэль, — буду рад. Ничего, что я без шпаги? Или правила требуют постоянного ношения оружия вне стен дворца?

— Так даже лучше, — заявил министр. — Хотя конечно же наши с пустыми руками из дома не выходят, вы будете выделяться.

Ник не стал менять решение и разводить дискуссию. Он спокойно предложил направлять его и пошел, куда глаза глядят, внимательно осматриваясь по сторонам и прислушиваясь. Улицы сменялись переулками, площади — скверами, а вокруг сновало множество высоких крепких мужчин, не намного отличающихся от них по силе и подтянутости женщин и куча мурчиан разных размеров и цветов. Последние особо заинтересовали Ника. Не то чтобы он очень любил кошек — у него никогда не возникало желания завести домашнего питомца, — но уж слишком разумным был вид у грациозных хищников. Наверное, стоило бы испытывать страх, но парень видел, что те не обращают на него внимания.

Примечательным было то, что он довольно часто замечал, как случайно приблизившиеся друг к другу в процессе движения тариманцы обменивались буквально двумя фразами, отходили в сторонку, чтобы не мешать остальным, и схлестывались в поединке. Где-то уколы только намечались и фиксировались, не протыкая одежду, где-то было много крови. Даже до преобразования облика и трансформации мышц доходило. Но никого это не волновало и не шокировало.

У Никоэля все было хорошо, пока какая-то личность не заступила фину Астору дорогу.

— Богиня свидетельница, я вызываю тебя на поединок доблести! — разобрал парень фразу, обращенную к спутнику. Ему оставалось только тоже замереть в ожидании дальнейшего развития событий. Он ничем не выдал, что понял тариманский язык.

— Как ты не вовремя, — протянул министр иностранных дел. — Я работаю, поэтому согласен только на поединок мастерства.

— Подходит, — согласился незнакомец и чуть отступил в ближайший переулок.

— Посол, стойте, пожалуйста, здесь, — развернулся Астор к Нику. — Не волнуйтесь, не двигайтесь, если к вам кто-то обратится — просите подождать. — И он несколько раз четко проговорил несколько слов на тариманском, явно рассчитывая, что гость их запомнит. — Только ни в коем случае даже на своем языке не упоминайте слово «честь»! Оно у нас почти созвучно.

Противники быстро заняли позицию друг против друга, отсалютовали шпагами и ринулись в бой. Не было ни пробных выпадов, ни прощупывания защиты, просто на месте вдруг закрутился вихрь, глаза едва успевали фиксировать отдельные движения. Однако Нику такое зрелище было не в новинку. Нет, он, конечно, следил... Но отец на тренировках двигался не хуже, а иногда — с коллегами-магами — еще и заклинаниями успевал обмениваться. Так что парня больше интересовала реакция окружающих. Например, двоих приближающихся щуплых мужчин с синими тенями, размазанными до углов глаз и по вискам. Необычно. Один быстрым шагом пролетел мимо, второй, поравнявшись с ним, остановился и тихо прошипел на белавском с акцентом:

— Дикарь! Что застыл посреди дороги? На конюшне, где ты родился, не учили хорошим манерам?

Ник оторопел. Ненадолго, правда. Краем глаза он уловил какое-то движение, подозрительный блеск и еле успел перехватить руку, направляющую нож. Не понял, это он-то дикарь? Ему ведь даже начало казаться, что тут так подло, без повода, на людей не нападают.

Подобравшегося сзади парень ударил головой в лицо, а разговорчивого двинул ногой, целясь в коленную чашечку. На брусчатку закапала кровь из носа первого противника, который удачно оказался не слишком высок. С Астором или даже тем же Роэном такой номер не прошел бы. Чужая кисть, сжимающая нож, дрогнула и дала слабину, мужику было уже не до драки. Ник воспользовался этим, чтобы вооружиться самому. Так что, когда

нагрубивший провокатор справился с болью в ноге и выхватил шпагу, он тоже оказался не с пустыми руками. С трудом отклонив выпад клинка коротким лезвием, Никоэль просто и без затей подскочил еще ближе и впечатал кулак в висок. Грубиян рухнул, выпавшая шпага звонко брякнула о брусчатку — слишком громко, не то что предыдущая возня.

— Стоять! — раздался крик Астора.

Следом зазвучал топот убегающего бандита с разбитым носом, чей нож он отобрал. Но Ник и не подумал догонять, не разобравшись в ситуации. Что это было?

— Какого оборотня тут происходит?! — воскликнул министр иностранных дел. — Посол! Я же просил!

— А я все выполнил! Стоял, не двигался с места... почти и даже слова не произнес!

— Но что-то же вы сделали?

— Да. Не дал всадить в себя нож.

— Этот? — уточнил Астор, указав на зажатое в руке Ника оружие.

— Угу. А еще тут вот шпага... Не моя, как вы понимаете.

Недавний противник министра по дуэли подошел поближе, бросил взгляд на нож, потом наклонился, рассматривая гарду более длинного клинка. Свой он давно спрятал в ножны. Однако парень все равно посторонился, так как успел оценить скорость и мастерство тариманца. Если тот вздумает напасть, с пустыми руками не продержаться и десяти секунд, несмотря на натренированную за годы детства увертливость; но запас времени себе лучше обеспечить, ведь может и повезти.

— Нож мартнаильскойковки, шпага лернийская, — констатировал опасный незнакомец.

Астор, у которого не оказалось ни царапины, ни прорехи на одежде, тоже приблизился и подтвердил:

— Точно.

А потом перешел на белавский, задав вопрос:

— Посол, что вам сказали перед нападением? Вас вызвали на поединок сильнейшего?

— Стандартный вызов начинается с оскорбления и называет местом рождения конюшни?

— Нет, что вы. А откуда вы узнали смысл речи?

— Этот бессознательный тип на белавском говорил, хотя и с акцентом.

— Значит, знал, к кому обращается, — тут же сделал вывод Астор. — Плохо, очень плохо и непонятно, — тяжело вздохнул он, предвидя неприятности. Министр был удивлен, ранее ни на одного члена белавской

дипломатической миссии не нападали специально. В гибели практически двух дюжин человек преднамеренности и злого умысла не выявлено. Так почему сейчас почти на его глазах посла попытались убить? В договоре вроде ничего не изменилось, поссориться Никоэль Иберникский ни с кем не успел, иначе кори Ксантар обязательно бы сообщил. Куда вообще смотрела приставленная охрана?

Вспомнив про соглядатаев, Астор воспрянул духом: у него появился шанс узнать факты из достоверного источника. Посол в принципе тоже не успел себя как-то скомпрометировать и выставить болтуном, которому веры нет, но, памятуя его предшественников, министр не торопился всецело доверять рассказу. В конце-то концов, Никоэль из-за незнания традиций и законов мог не так все понять. Эти белавцы вообще немного чокнутые, по любому поводу вопят, что их оскорбили, задета их честь, и требуют защищаться. А то и вовсе называют бесчестным негодяем любого, кто просто прошел в двери вперед них. У Астора никак в голове не укладывалось: где связь между поступком и эпитетом? Зачем хвататься за эфес шпаги и оскорблять, доводя дело до смертельного боя? И так все знают, что если ты считаешь себя сильнее дерзнувшего проскочить вперед, надо спокойно бросить вызов на поединок мастерства или поединок доблести и расставить точки. Неужели в случае второго варианта ран и пролитой крови недостаточно? В конце-то концов, поединки силы или чести по такому мелкому поводу устраивать просто глупо!

— Зел Эдельлайн, покарауйте, пожалуйста, этого обморочного. — Министр ткнул носком ботинка в бок напавшему. — Я на секундочку.

— Охотно окажу тебе услугу. Особенно если ты согласишься все же как-нибудь закончить наш поединок. Жаль, что нас прервали.

— В любое время, если не буду занят, выполняя поручение чери Транта, — хоть и с оговоркой, согласился Астор.

Он оглянулся на Ника, убедился, что тот стоит смирно и не собирается делать глупостей, и отошел на несколько шагов в сторону — все в тот же переулочек, из которого недавно выбрался. Там он достал из-за пазухи цепочку с подвешенным к ней фиолетовым аметистом в серебряной рамке и сжал камень двумя пальцами. Вспомнил свою мурчиану, даже мысленно представил ее, потянулся к резерву и послал легкий магический импульс в амулет, активируя связь.

— Кори Ксантар, — позвал он почти шепотом, чтобы не услышал посол. Астор, конечно, понимал, что вряд ли тот разберет хоть слово, в противном случае парень с самого начала наверняка похвастался бы знанием тариманского. Однако природная осторожность не позволяла ему

говорить громко. В конце концов, неподалеку еще и зел Эдельлайн присутствовал — один из тех, кто убил на дуэли гвардейцев Абернана II, оскорбившись из-за теней. Вроде неплохой человек, честный, но...

— Астор, — раздался отклик начальника тайной канцелярии через несколько секунд. — Что случилось?

— На посла напали. Что видели твои шпики? Почему не вмешались? Пришли кого-нибудь забрать подозреваемого, пока тот не очнулся.

— Та-ак, — медленно протянул Ксантар. — Подозреваемого заберет зел Эдельлайн, я дам приказ, — сообщил он, проявляя невиданную осведомленность. И замолк.

— Ну? — поторопил министр иностранных дел.

— Секунду, я параллельно слушаю донесение.

Воспользовавшись паузой, Астор кинул взгляд на посла и недавнего соперника, который, как выяснилось, являлся сотрудником Ксантара, и убедился, что все в порядке. Белавец все так же стоял и спокойно ждал развития событий, внимательно следя за каждым движением зела Эдельлайна. А тот в свою очередь деловито обыскивал бессознательное тело. И судя по тому, как он хитро нажал на жилку на шее мужчины, быть телу бессознательным предстояло еще очень долго — сколько понадобится. И правильно, нечего привлекать внимание и давать возможность оказать сопротивление. Вот разберутся в произошедшем...

Словно услышав мысли министра, подал голос Ксантар:

— Агенты немного отвлеклись на твой поединок. Говорят, впечатляющее было зрелище. Они не сочли опасными двух щуплых типов с размазанными по-женски тенями, которые и ростом-то не выше посла. Скользнули взглядами — и отвернулись. Так что начало конфликта не видели, только саму драку.

Сделав резкий выдох, чтобы не вспылить, Астор повторил вопрос:

— Почему не спасали посла?

— Все заняло буквально секунды. А, между нами говоря, тот же зел Данкр скоростью реакции не отличается. Ты же просил флегматиков.

— Я?! Я просил нормальных уравновешенных телохранителей, которые не выходят из себя по малейшему поводу и думают, что делают!

— Вот агенты и думали. Стояли и думали, пока все не кончилось, — хмыкнул начальник тайной канцелярии.

— Смешно? Ксантар, выговор опять будем получать вместе! Ты понимаешь, что чуть не случилось?

— Спокойно. Все я понимаю, — вздохнул начальник тайной канцелярии. — Но что я могу сделать? Лично охранять?

— Выясни причину нападения, и как можно скорее.

— Договорились. Проводи посла обратно, скоро прием. А я проконтролирую допрос первого арестованного и розыск второго.

Уточнив обязательства, Астор опустил амулет обратно под рубашку неудобного наряда, камзол которого, кажется, только чудом не разошелся на нем во время поединка, и перебрался поближе к Никоэлю. Зато Эдельлайн, наоборот, отодвинулся, на ходу нащупывая свой камень. Видимо, Ксантар решил выполнить договоренность и отдать подчиненному приказ, не откладывая ни на минуту.

— Нам пора, — обратился министр к послу, ненавязчиво подтолкнув того в нужную сторону — в сторону дворца. — Тут разберутся и без нас.

Ник пытливо посмотрел в лицо Астору, после чего неохотно подчинился. И дело было даже не в том, что он не любил многолюдные собрания и официальные приемы. Просто теперь парень пребывал в сомнениях: то ли министр специально завел его подальше и постарался отвлечь, чтобы у сообщников было больше шансов, то ли он ни при чем и является такой же жертвой чужих преступных планов. Но кто тогда злоумышленник? Его недавний противник по дуэли — зел Эдельлайн? Надо ли докладывать о происшествии секретарю Абернана или ни к чему зря нервировать? В принципе Ник склонялся к тому, чтобы не сообщать о возникших проблемах. Если их удастся решить — замечательно, а если «решат» его... не все ли равно будет белавским чиновникам? Они и так в курсе, что послы в Таримане долго не живут, официально переданные соболезнования красноречивее любой записки, написанной лично им. Хотя парень предпочитал быть оптимистом, поэтому главное — учесть на будущее, что стоит ожидать не только честного поединка, не только случайности, но и подлости и вероломства. Кто предупрежден — тот вооружен.

— Я хочу знать результаты допроса, — бескомпромиссно заявил посол министру.

— Я тоже, — кивнул Астор.

— Так вы мне сообщите? — решил настаивать на однозначном ответе Никоэль.

— Хорошо, сообщу. Думаю, завтра утром будет результат.

— И договор?

— Нет, договор — позже, а вот обещанные карты принесу, да и поездку на спорные земли могу устроить. Посмотрите все лично, оцените, как раз и бумаги подоспеют.

Идея нового путешествия Ника не вдохновила. Это неделю в одну

сторону добираться, день там, неделю — в другую сторону. Брр... А он ведь и так только сюда прибыл! Да и что он может оценить? Посчитать, где кустиков лекарственных трав больше? Или взять лопату и лично проверить качество чернозема и наличие полезных минералов? Описание специалистов было бы гораздо уместнее. Да и приходила Нику в голову мысль, что Абернана уже любой участок устроит, лишь бы наконец все разрешилось и закончилась эта жуткая чехарда с послами. Он, в конце концов, лично тоже не поедет проверять приобретение государства и тем более — сравнивать. А от чужих наговоров можно как-нибудь отбрехаться. Или нет? Посол был в сомнениях.

— Карт мне будет достаточно, — сказал Никоэль, торопливо шагая рядом с Астором. Как-то незаметно, занятый мыслями и переживаниями, он даже на мурчиан внимание перестал обращать. Ну, идут себе рядом с хозяевами, никого не трогают, цапнуть не пытаются. Даже посмотреть приятно, мягкие движения завораживают. Сами тариманцы не менее опасны, да и белавцы... Никто из них не безобиден.

Завернув в здание посольства, Ник быстро переоделся в нарядный темно-синий камзол, пригладил растрепавшиеся волосы и завис над ларцом со своими снадобьями, размышляя, что можно взять с собой. Яд явно не нужен, снотворные зелья — тоже, это не самые удобные средства обороны, скорее опасные и вызывающие множество вопросов, если кто-то обнаружит хоть одно в его карманах. А вот маленький пузырек с летучим соединением, быстро отключающим сознание, можно и припрятать понадежнее в одежде. Это лучше, чем пытаться спрятать громоздкий кинжал или надевать под рубашку ни разу не ношенную кольчугу, зачем-то уложенную Вернаном. Больше всего Ник раздумывал, брать ли валериану для нейтрализации мурчиан, или будет только хуже? Однако запасливость и желание предусмотреть все возможные проблемы победили. Риордан за ужином вроде упоминал, что предыдущего посла задрали хищники. А какие хищники могут быть в Тааримааде? То-то же.

Посол закончил торопливые сборы, вышел в коридор и постучался в примеченную ранее дверь. Где там этот младший секретарь? Вдвоем на приеме будет проще, еще один собеседник, помимо фина Астора, явно не помешает. Сомнительно, что многие тариманцы знают белавский, а навязываться чери Транту — слишком уж бесцеремонно.

— Кто там? — раздался тихий отклик с подозрительным постаныванием.

— Посол. Нам на прием пора.

Дверь Ларион так и не открыл, вместо этого он сказал:

— Милорд Никоэль, мне жаль, но я, кажется, заболел. Идите без меня. Не могу же я чихать на высокопоставленных особ? А я немного отлежусь до завтра, чаю выпью и утром буду в порядке... Если, конечно, обострения не случится, — дальновидно добавил он после небольшой паузы.

Н-да... Если у секретаря и случится обострение, по мнению Ника, это будет обострение хитрости. Похоже, что Ларион просто-напросто не хотел рисковать даже в малом и давать кому-то шанс вызвать себя на поединок или навредить иным способом. Можно поспорить, приказать, заставить... Но надо ли Нику портить отношения с соотечественником? Помощи от него все равно никакой не будет, из-под палки оказывать поддержку никто не захочет.

— Выздоровливай, — буркнул посол и удалился. Эх, хоть бы мартнаильцы явились... Но к ним он не пошел, так как и без того опаздывал к началу приема, времени хватало только до дворца напротив пробежать.

Астор уже ждал внизу, одетый все в тот же камзол и, к удивлению парня, даже не нервничал и не суетился. Наоборот, с удобством развалился на диванчике в вестибюле и любовался растениями.

— Я готов! Поспешим! — громко сообщил Никоэль, сбегая с лестницы. Он не собирался строить из себя солидного степенного вельможу. Пусть принимают его таким, каков он есть: молодой, подвижный, выносящий решения с присущей возрасту порывистостью. Это не мешает ему обдумывать поступки и серьезно подходить к важным делам.

— Сейчас пойдем. Где там ваш соотечественник? — поинтересовался министр, даже не приподнявшись.

— Болееет.

— А вы все необходимое с собой взяли? Носовой платок там... э-э-э... еще что-то, — явно спасовала фантазия Астора.

— Ложку и личный бокал?

— Да, — быстро кивнул министр, даже не вникнув в слова.

— И еще сервиз на двадцать персон.

— Стоп. Зачем?

— А ложку зачем? Что вы время тянете, мы ведь опоздаем! Будет очень неудобно и недипломатично.

— Сейчас неудобно только мне, — вздохнул Астор. — Я вынужден объяснить, что ваши коллеги собирались несколько дольше. Поэтому в действительности прием начнется на полчаса позже, — развел он руками.

— Спасибо за честность, — кивнул Ник и плюхнулся на диванчик

рядом. — Даже странно, ведь любой белавец на вашем месте заговорил бы о здоровье, о погоде, осведомился бы, как мне понравилось здание, комната, соседи... Не утомился ли я, пришелся ли по вкусу обед, устраивает ли меня повар, — принялся перечислять парень, следя, как округляются глаза министра по мере новых тем беседы.

— Как у вас все сложно, — ужаснулся Астор. — Нет, я не способен полчаса заговаривать собеседника, не слушая ответов и не обращая внимания на его беспокойство. Гораздо проще объяснить откровенно.

— Большинство белавцев сказал бы, что это недипломатично, — усмехнулся Никоэль.

— И вы? — пылливо поинтересовался министр, гадая, не обидел ли посла. Портить отношения было совсем некстати, ведь он не собирался надолго выпускать парня из виду.

— Я отношусь к меньшинству, которому лень усложнять себе жизнь, — развел руками Никоэль. — Так что и вы не обижайтесь, пожалуйста, если я периодами тоже буду вести себя не совсем... дипломатично, — не нашел он другого термина, чтобы охарактеризовать желание говорить правду в глаза и перебивать наводящими вопросами, чтобы быстрее добраться до сути.

— Договорились, — улыбнулся Астор. — Меня устраивает, а то обычно... Впрочем, не важно.

— Вы хотели сказать, что обычно с нашими аристократами общаться сложновато? Знаю. Но и вы тоже опасные люди — быстро учитесь составлять ответные речи, — поддел Ник, вспомнив полуденное испытание на выносливость.

— Мы готовились, — похвастался министр. — Весь вечер лично писал и дополнял.

— Весь день корпел и вычеркивал лишнее.

— Портной работал без отдыха к вашему прибытию.

— Н-да, тут вы выделились. Над моей одеждой разве что залетная моль минутку погоревала.

— Обработка?

— Отсутствие шелков и меха.

— Да. Кольчугу не больно-то и погрызешь.

— А вы откуда знаете, что в моих вещах есть кольчуга? — поймал Ник Астора на слове.

— Предположил, — выкрутился министр. — Полезная же вещь в путешествии.

— Вы тоже с собой возите?

— Я маг, мне не нужно, щитов хватает.

Никоэль сделал вид, что поверил, хотя оговорку особо отметил и принял к сведению. Вот так, в непринужденной беседе, когда визави расслабится, и выплывает правда. Досматривали все-таки вещички, воспользовались возможностью.

— Где же ваша мурчиана? — спросил парень. — Вам ее, наверное, сильно не хватает рядом.

— Во дворце. У нее... э-э-э... аллергия на послов, — не стал юлить Астор. — Особенно — на частую их смену.

— А у вас?

— И у меня, — вздохнул министр. — Только я не могу свернуться клубочком, спрятать лицо и сделать вид, что чери Трант дает приказ не мне. Так что вы, пожалуйста, доживите хотя бы до подписания договора. Иначе прием с клубочком я все-таки попробую, хотя в его действенности в своем исполнении не уверен.

— Объявят сумасшедшим, — понятиливо кивнул Никоэль.

— Нет, попросят не прикидываться и не отлынивать, после чего пообещают назначить личной мурчианой для очередного посла. Наш правитель тоже с юмором... когда не надо, — взгрустнулось министру.

Зато парень из его речи уяснил для себя, что Астор вряд ли был в сговоре с преступниками. Даже не стал дальше спрашивать про мурчиан и отношение к представителям Белавии. Вместо этого он задал вопрос, который с каждой минутой становился для него все более актуальным:

— А не подскажите, как долго мне следует оставаться на сегодняшнем вечернем приеме? Часа хватит?

— На любых массовых мероприятиях первый час отводится для души — для знакомства, общения, музыки. Второй час — для тела, когда по регламенту можно принимать пищу или танцевать. Третий час — для Богини, обсуждения или совершенствования дарованных ею сил. Ничего необычного, просто полагается провести немного времени в обществе мурчиан — погладить, вычесать, пообщаться с ними или просто поделиться друг с другом новыми заклинаниями, потолковать по поводу распределения династий, выслушать патриархов и их мнение насчет назначения учеников. Не волнуйтесь, последнее — это наше внутреннее закрытое мероприятие, посторонние редко остаются. Чаще всего гости в этот час просто отдыхают с вином и фруктами в покоях дворца, обсуждают свои впечатления. Вам главное продержаться первые два этапа, потом же, если успеете, можете удалиться к себе или по примеру остальных продолжить банкет в покоях.

— А могу не успеть удалиться? — поразился Никоэль. Он даже поднялся с дивана, чтобы лучше видеть выражение лица собеседника.

— Ну-у... Мурчианы могут случайно преградить путь к дверям. Могут чересчур быстро устроиться рядом и положить на вас лапу. Скидывать или отталкивать в Час Богини нельзя, даже если вы не маг и не чтите нашу покровительницу. Это к несчастью — верная примета.

— Случайно не после такого грубоватого побега происходят нападения хищников? — поддел посол.

— Что вы, после такого вероятнее просто мраморный барельеф фасада на голову упадет, — не поддался на провокацию и серьезно объяснил министр. — Решать вам, но я предупредил.

Что-то было в его словах такое, что Ник сразу поверил и расхотел проверять. Хотя ему сложно было представить, каким образом работает эта невероятная зависимость. При чем тут какая-то Богиня? Население Белавии сплошь являлось атеистами. А в тонкости религии тариманцев при совершении торговых операций парень не вникал, ни к чему было.

— Ладно. Нам еще не пора? — поинтересовался он.

И Астор с готовностью встал на ноги — действительно пора.

Глава 5

ЗНАКОМСТВО С ЛЮДЬМИ И ПУШИСТЫМИ НЕЛЮДЬМИ

Зал, куда провели посла, оказался на удивление небольшим, тем более что часть площади скрадывалась расставленными то тут, то там диванами и креслами. Да и людей было столько, что поневоле закрадывалась мысль: а как в такой тесноте вообще можно устраивать танцы? Или в программе мероприятий этим вечером только ужин для тела и никаких физических упражнений? Неужели боятся, что посол запутается в собственных ногах, упадет и свернет шею? Да тут даже яблоку упасть негде! Тариманцы сидели на диванчиках, стояли рядом, подпирали стены, кучковались группками по центру... Хорошо еще, что мурчиан в зал сразу не пустили. Нет, Никоэль не имел ничего против этих грациозных животных, просто он сам даже вполтину не так грациозен. В такой толпе немудрено наступить кому-то на лапу или хвост, а последствия проверять не тянет. Он не трус, но элементарная осторожность никому не вредила. Его предшественник, вон, похоже, недооценил опасность.

— Н-да... — протянул Ник. — А если я локтем кого-то задену?

— Не вы, а я, — меланхолично поправил Астор, который тоже не любил многолюдных сборищ, а в последнее время так вообще питал к ним ненависть. — Согласно личной просьбе чери Транта я сегодня и локтями толкаюсь, и ноги оттапываю, и напитки проливаю. А син Яр на входе вместе со своими подчиненными помогает людям с галлюцинациями, которым кажется совсем иное, отдохнуть до конца вечера на воздухе и восстановить зрение.

— Сурово, — заметил парень. — Но я постараюсь вести себя ничуть не хуже предшественников.

— Вот так точно не надо, — поморщился министр. — Пять поединков мастерства и один поединок доблести — это много даже для меня, хотя я считаюсь одним из лучших фехтовальщиков фиолетовой династии.

— Извините, — счел необходимым сказать Ник. — Наверное, это был просто неудачный для посла день.

— Неудачным он стал для меня, а для Орэта был очень даже веселый, особенно после восьмого бокала.

— Я не пью.

— Ага-ага, — покивал Астор со скептическим видом. С мартнаильцами посол тоже не пил, только дегустировал. Он не пьянеет — это вернее. Но не скажешь же такого вслух? Придется тогда объяснять, откуда ему известно о пьянке с вампирами. Министр тяжело вздохнул, не зная, чего ожидать от сегодняшнего вечера. Как назло, чери Трант решил собрать как можно больше народа, чтобы все увидели лицо посла, запомнили и постарались обходить за километр. Традиции традициями, но ситуация с Белавией требовала непопулярных и диктаторских мер, надо было искать компромисс между интересами государства и правами народа. Хотят поединок — получают, пусть и не с интересующей их персоной. Проблема в том, что всем и каждому не разъяснишь различия и тонкости менталитета. Как белавские послы приезжают в заблуждении, что в тариманском обществе можно вести себя привычным образом, так и местные обыватели подходят к ним со своими понятиями. А крайним всегда остается министр иностранных дел. Что-то он в последнее время и шпионом, и экскурсоводом, и переводчиком, и компаньоном, и бретером подрабатывает. Впору просить прибавку к жалованью.

— Фин Астор, а кто вообще из присутствующих знает белавский? — поинтересовался Никоэль.

— Чери Лаврет, например, наш министр финансов. Вон он, в кресле возле окна сидит, — указал несчастный тариманец.

— Я могу идти знакомиться? Раньше начну — раньше закончу.

— Лучше сначала остальных обойдите, они для вас не так важны. Все равно имена забудете.

— Не забуду, — уверенно заявил парень, знающий возможности своей памяти.

— Поверил бы, если бы вы были тариманцем, с детства готовящимся к Обретению, но... — не договорил министр, поняв, что сильно расслабился. Этак он сам до дуэли договорится. Чуть опосредованно посла склеротиком не назвал! С ним, конечно, общаться комфортнее, чем с предшественником, но сие же не означает, что за языком можно не следить.

Несмотря на опасения спутника, Ник не обиделся. Гораздо больше его заинтересовал странный термин, которого он раньше не слышал.

— А что за Обретение? — спросил он. — Нечто важное?

— Не для вас. Это ритуал, когда свободные мурчианы оценивают подростка в качестве потенциального друга и хозяина, делают выбор и устанавливают связь. Или не устанавливают. К сожалению, процентов тридцать оказываются по каким-то причинам недостойными.

— Или им просто не хватает свободных котят?

— Если бы. Каждый год после Обретения остаются три-четыре малыша, обреченных погибнуть через несколько месяцев, так и не связав ни с кем свою судьбу. А в начале этой весны вообще пятеро остались доживать свой век во дворце.

— А если им предложить выбор из отвергнутых в другие годы людей? — проникся проблемой Ник, которому стало жаль обреченных зверей.

— Бесполезно. Сразу после исполнения восемнадцати лет происходят необратимые изменения в магической структуре организма. Оптимальный возраст для Обретения — с семнадцати до восемнадцати, не позже. Причем и тело и мозг должны быть готовы к этому, хилый или глупый погибнет, не сумев воспринять ни энергию, ни поток информации. К тому же в процессе самого ритуала очень трудно шесть часов провести абсолютно неподвижно, в одной позе, пока мурчиана подсоединяется к каналам. При срыве ритуала, конечно, можно повторить, но в итоге чаще всего оказывается, что нескольким подросткам в год не удастся перетерпеть до конца, котенок отворачивается от неудачника и обращает взгляд в сторону более достойного и терпеливого, лишь бы характер был похож.

— Астор, что это ты разоткровенничался? — послышался откуда-то сбоку вопрос, заданный вкрадчивым тоном на тариманском.

— Это разве секретная информация? — разобрал парень ответ.

— Нет, если и этот посол скоропостижно скончается. Ты не забыл, что мирный договор пока под угрозой?

— Ксантар, не будь пессимистом.

— Я им и не был... еще три посла назад. А теперь лучше просто поводи молодого человека за ручку по залу и напичкай его голову именами, которые он все равно не запомнит.

— Так и сделаю. И начну, пожалуй, с тебя.

— Меня представлять необязательно. Тайная канцелярия должна быть тайной, хотя бы для иностранцев, — усмехнулся Ксантар.

— Поздно. Парень тебя уже разглядел, так что имя назвать придется. А если о должности спросит... О! Будешь начальником тюрьмы.

— У нас нет тюрьмы.

— В Белавии есть. Какая разница? Будешь перебирать, станешь любимым подавальщиком тапочек чери Транта.

— У чери Транта нет...

— Ксантар!

— Ладно, Астор, драконы с тобой, пусть будет начальник тюрьмы.

— Вот так бы сразу.

— Представляй, пока я не передумал. А то стоим, разговариваем по-своему... Как бы посол на тебя не обиделся.

— Кхм... Никоэль Иберникский, позвольте познакомить вас с моим другом кори Ксантаром, — на белавском напыщенно произнес министр иностранных дел, пытаясь сгладить ситуацию.

— Угу, — промычал парень, вынужденный закусить щеку изнутри в стремлении сохранить серьезное выражение лица во время подслушанной беседы. Выдавать себя он и до этого был не намерен, а теперь тем более. Молчание — золото. — Очень приятно, — выдавил он на белавском и проигнорировал ожидание в устремленных на себя взглядах. А вот не будет он спрашивать про должность! Он же не железный! Объясняй потом, что такого смешного нашел в ответе.

Так больше ничего и не услышав, Ксантар кивнул то ли в ответ, то ли на прощанье, развернулся и скрылся в толпе. А для Ника начался кошмар из мелькающих чередой лиц, звучащих имен с династиями, скупых улыбок, изучающих взглядов, кивков... Астор не пропускал никого. Раньше Никоэль думал, что час — это очень много для отведенной процедуры, но теперь на деле убедился: даже еще мало. Времени поговорить с чери Лавретом хотя бы о погоде попросту не осталось. Но он был не в претензии, комментарии Астора на тариманском для друзей, знакомых и коллег оказались всяко интереснее дежурной беседы.

Раздавшийся звук гонга застал Ника врасплох, зал очень быстро начал пустеть. Вскоре в нем остались только они с министром и еще пара человек с недовольными лицами. Еще бы! Мало кто любит быть последним, а тем более когда остальные спешат к столу с закусками. Так что процедура знакомства с вынужденными задержаться гостями вышла быстрой и скомканной, по пути к дверям.

— Выносить еду в соседний зал и там садиться не положено, — шепотом предупредил Астор, едва они оказались у накрытого стола. А то мало ли... Лучше сказать и показаться навязчивым, чем перехватывать потом посла с тарелкой в одной руке и стаканом — в другой. С предыдущим дипломатом именно из-за этого крупный конфликт уже почти на пороге случился — барону Орэту непременно хотелось есть.

Ник молча кивнул. Кажется, он уже привыкает к манере министра то ли поучать, то ли предупреждать.

Так как возможности беседовать с другими гостями у Ника не было — его мало кто понимал, он медленно дегустировал закуски, небольшими глотками пил соки и делал вид, что весьма занят и не обращает ни на кого внимания. С Астором успеет еще наговориться в более спокойной и

конфиденциальной обстановке, не место и не время вспоминать о делах. Он с нетерпением ждал второй гонг, потому что чужие любопытные взгляды тяготили, да и соседи по застолью без зазрения совести обсуждали между собой его внешность, возраст, делали предположения об уровне владения оружием (не в его пользу) и спорили, удастся ли на этот раз подписать договор. Возможно, это была с их стороны прямая провокация и приглашение показать себя со шпагой, а возможно, они и не думали злить посла, так как были наслышаны от министра, что у Абернана II не осталось людей, знающих тариманский язык. В любом случае Никоэль привычно пропускал нелицеприятные слова мимо ушей и заодно закреплял мнение, что не понимает окружающих. Так безопаснее и выгоднее.

К концу часа в зале появился чери Трант. Ник заметил его за головами и плечами гостей совершенно случайно, ведь почести ему не воздавали, даже место уступать не очень торопились. Правитель без суеты перемещался между присутствующими, здоровался, разговаривал, не отгораживаясь никакими телохранителями. Но к послу подходить не стал, только прикоснулся к углу глаза, поймав взгляд министра иностранных дел. Наверное, напомнил смотреть в оба.

А едва затих звук долгожданного гонга, Астор тронул Ника за плечо и сказал:

— Пойдемте. Я провожу вас в гостевую комнату, где вы сможете прилечь и поспать или просто отдохнуть, пока минет положенный час, не будем рисковать, как с бароном Орэтом. Потом настанет черед в числе остальных попрощаться с чери Трантом, и тогда вечер будет считаться законченным.

Парень охотно последовал за министром, пока выдалась возможность. Тот довел его до двери небольшой спальни неподалеку, основную площадь которой занимала широкая двуспальная кровать, и оставил в одиночестве. Окно в комнате было распахнуто настежь, что сначала показалось неуместным из-за чувствительно выстуженного вечерней прохладой воздуха. Но вскоре он понял причину этого. Похоже, проветривали перед его приходом, чтобы убрать запах лака или мастики, коими приводили в порядок старенький паркет. Зато мебель была новенькая, словно специально сделанная для очередного посла. Тариманцы решили учесть все мелочи. Но, как на взгляд Никоэля, лучше бы они оказались менее старательны. Испарения химических веществ даже в незначительных количествах могли испортить действие зелья, поддерживающего нормальный цвет глаз, ему и так осталось до крайнего срока четыре часа. Однако не по коридору же без разрешения час бродить, еще в шпионаже

или чем-то ином заподозрят. Пришлось парню лечь на кровать и закрыть глаза, хотя спать он не хотел. Главное — так меньше вреда от испарений. Окно, естественно, тоже пришлось оставить открытым. Ник расслабленно вытянул руки вдоль тела и приготовился терпеливо ждать, когда за ним придут. А пока мысленно перебирал лица и должности представленных гостей. Чьи-то черты показались ему смутно знакомыми... но чьи? Эх, не вовремя отвлек его фин Астор. Хотя, может, это была ошибка? Где бы он мог сталкиваться с тариманцем? Необычный макияж, принятый у местных, забыть невозможно.

Никоэль старательно вспоминал, но был сбит с мысли, когда ему на грудь внезапно прыгнуло нечто — не очень тяжелое, но явно наглое и бесшумно подкравшееся по покрывалу. Он резко распахнул глаза и почти в упор вперился взглядом в черную усатую морду. Мурчиана была не слишком велика и совсем не походила на взрослую особь. И что теперь с ней (или с ним) делать, парень не знал. Спихнуть? Вроде не положено, по объяснениям Астора. А то вдруг потом действительно стоит ждать череды несчастных случаев, один из которых может стать летальным? Еще больше в том, что не следует рыпаться, убеждала замеченная в ногах на покрывале пара взрослых животных. Они сидели, как кошки-копилки, по обеим сторонам и явно настороженно следили, чтобы никто не обидел малыша. Обложили! Ник не дернулся только благодаря многолетней выучке, приобретенной во время работы с опасными химическими веществами.

Наглая черная зверушка, словно поняв, что он понял безысходность положения и смирил себя, выпустила когти и принялась топтаться, перебирая лапками, как самый обычный кот. Хорошо хоть когти были еще не слишком крепки и велики и не протыкали полностью два слоя ткани на груди.

— Э-э-э... Котя, а может, ты на покрывало пойдешь топтаться? — попытался уговорить Ник, даже не зная, как правильно обратиться.

Взгляд мурчианы, казалось, стал насмешливым. Нет, парень не страдал чересчур развитым воображением и мнительностью и не любил присочинить. Но он готов был поклясться, что зверь забавляется. Демонстративно зевнув, котенок спокойненько свернулся клубочком, причем спиной к лицу Ника. И что делать? Сверкающие глаза двух взрослых особей как-то не располагали к расслаблению.

— Котя! На мне лежать нельзя! — еще раз попытался освободиться посл.

Вместо ответа котенок внезапно увеличился в несколько раз, изрядно потяжелев и заткнув ему рот и нос своей пушистой тушей. К счастью, это

продолжалось недолго, иначе Ник рисковал задохнуться. Прежние размеры вернулись буквально через полминуты. Однако в последний миг превращения парень успел рассмотреть устрашающего размера лапу с когтями в непосредственной близости от своего бока и загрустил еще больше.

— Понял, — пытаюсь отдышаться после сдавившей легкие тяжести, сказал он. — Лежу и молчу.

Никоэль надеялся на благополучный исход дела. Или минет час, и он сам сможет переложить котенка на покрывало, если надзиратели не будут против, или придет фин Астор и освободит его. Хотя предпочтительнее был первый вариант. Эх, кто же знал, что не стоит оставлять окно открытым?! Он теперь даже комнаты в посольстве поостережется проветривать. Хотя там же и так снаружи на окне решетка, а форточка довольно мала. Да и второй этаж, не всякий рискнет гулять по узкому карнизу.

С трудом расслабив мышцы, Ник закрыл глаза и погрузился в ожидание. Соблазн держать мурчиан в поле зрения был велик, но он не позволил себе проявить малодушие. Что ж, будет изображать перину для сна для одной не в меру наглой морды. Хотя, может, стоило предложить вместо себя подушку в подарок? Стараниями кастеляна у него в багаже как раз одна лишняя оказалась, не везти же обратно.

Из-за открытого окна согревающая тяжесть на груди вскоре показалась даже приятной. Он не встревожился, когда взрослые особи пушистыми покрывалами навалились на ноги. Никоэль и сам не заметил, как все-таки задремал. Но спал он чутко в незнакомой обстановке, поэтому голоса в коридоре сразу же его разбудили.

— Астор, ты бы ускорил решение вопроса о совместной добыче руды с мартнаильцами, — прозвучало на тариманском.

— Не могу, Ксантар, я с этими белавскими договорами увяз. А что такое?

— Не нравится мне этот Роэн, всюду нос сует. То к твоему послу пристал, то сегодня, якобы случайно, на тренировочное паладио забрел, где син Яр гонял своих людей... Слишком наглый.

— Так вызови его на поединок доблести и уложи на недельку залечивать раны. Лучше ты, чем кто-то другой, менее аккуратный, увидевший в нем достойного соперника для представления Богине.

— С ума сошел? С такими дурными помыслами вампир скорее уложит меня, даже если хуже владеет шпагой.

— Разве он плох для обоснования обычного поединка?

— Нет. Но сам я светиться не хочу, надо думать, с кем из людей его

столкнуть.

— Только не перестарайся, еще одного международного скандала я не переживу.

— Не учи ученого, лучше свои обязанности выполняй. Твой посол, наверное, уже извелся от нетерпения. Извини, Астор, я тебя покину, и ты не стой, иди. Странно, что белавец сам не высунулся из комнаты на наши голоса, сильно ты его мурчианами запугал.

Услышав последнюю фразу, Ник понял, что больше не ощущает тяжести ни на груди, ни на ногах. Он открыл глаза, бегло осмотрел комнату, но зверей не обнаружил. И едва успел сесть, как дверь без стука распахнулась.

— Я за вами! — бодро заявил министр. — Все в порядке?

Парень кивнул и встал на ноги. Жаловаться почему-то не хотелось. Да и на что? Его ведь никто не укусил, не поцарапал, наоборот — обогрели и составили компанию. А что пришли без приглашения и удалились, не попрощавшись, так это, наверное, и к лучшему — меньше нервов и поводов для чужого зубоскальства.

В сопровождении министра посол вернулся в зал, поблагодарил чери Транта за вечер, откланялся и направился восвояси.

— Я завтра в полдень зайду! — бросил вслед Астор и в кои-то веки не стал навязывать свою компанию для того, чтобы пройти буквально до соседнего здания.

Однако Ник не питал иллюзий, что за ним никто не следит. Следят, и еще как! Хорошо, если все вещи в комнате за время отсутствия не перебрали. Вряд ли Ларион действительно бдит, он и не высунется, если в коридоре будут топтаться тариманцы. Но главное, что шкатулку для связи с Трианом он надежно запер в свой ларец. Там такой хитрый замок, защищенный магией отца, что открыть его никто другой не сможет, если Ник не пожелает. А он не пожелает — хватит им и возможности бегло протестировать содержимое заклинаниями во время переноски сундука, наверняка ведь не удержались.

Прогулочным шагом добравшись до посольства, Никоэль открыл дверь и замер на пороге, остоленев. Весь холл оказался заполнен мерцающими в темноте иллюзиями в натуральную величину. Там были и вампир, впивающийся жертве в горло, и палач, рубящий голову на плахе, и висельник с вываленным наружу распухшим языком, и вцепившаяся добыче в бок мурчиана, и несколько пар дуэлянтов, запечатленных на финальной стадии битвы — один протыкал второго в районе жизненно важных органов. При этом имелась у всех иллюзий общая деталь: у

умирающих персонажей сценок было лицо Ника, искаженное агонией близкой смерти. После такого единообразия мерцающие лужи крови на полу и отпечатки ладоней на стенах как-то не производили особого впечатления.

Посол аккуратно притворил за спиной дверь, благо что запнуться в темноте ему не грозило, и пошел дальше осматривать персональную выставку. В том, что она предназначена именно для его глаз, парень не сомневался. Запугивают. Понять бы еще — кто? И не слишком ли много для него чести? Он и представить боялся, каким запасом сил надо обладать, чтобы сотворить все это. Пожалуй, даже отец в одиночку не справился бы.

Никоэль в задумчивости потыкал пальцем в вампира, чем-то похожего на Роэна, и к собственному удивлению почувствовал, что в кожу будто сотни иголок впиваются. Странно. Человек без дара не должен бы ничего ощутить, лишь воздух. Наверное, маги перестарались, готовя сюрприз. К чему все это? Его хотят выпроводить из Таримана, или это чья-то злая шутка? В первом случае лучше сообщить об угрозе Триану, чтобы тот начал искать государство, заинтересованное в войне между Тариманом и Белавией. А во втором — стоит разобраться самому, не беспокоя секретаря. Для шутки, конечно, слишком масштабно, но ничего исключить нельзя. Два-три тариманца или тех же мартнаильца из посольства в соседнем крыле вполне справились бы с задачей. Неужели вампиры, если это не их рук дело, ничего не заметили? Ник решил сначала сбегать к ним, опросить, обзавестись свидетелями, а потом искать Астора или хотя бы кого-то из гвардейцев. Однако тут его взгляд случайно упал на зеркало на стене, и он понял, что никуда не побежит. От нервного напряжения глаза стали совсем белесыми и пугающими, сделав лицо лишь незначительно привлекательнее множества окружающих образов. Если кто-то увидит его среди иллюзий, то примет за одну из них, изображающую угрозу слепоты. Нет, он не готов объяснять и доказывать, что все в порядке. Полночи придется отбиваться от лекарей и иных доброхотов.

Приняв решение, Никоэль зажег магические светильники под потолком. Как он и думал, иллюзии тут же начали тускнеть, истончаться и исчезать без следа. Ничего. Незачем чужим смотреть на эти непотребства, а секретарю он и без того найдет, что отписать. По крайней мере, дневное нападение точно нельзя назвать чьей-то шуткой. Шпагу с собой все-таки носить, что ли? Более компактное оружие — нож — вряд ли поможет при серьезном столкновении. Может, кроме бандитов, никто и не решится после сегодняшнего приема и предупреждения местного правителя вызвать его на дуэль? Просто он постарается быть вежливым и не нарываться. Да и

фин Астор сделает все возможное, чтобы не допустить поединка, особенно поединка чести, из которого живым выходит только один дуэлянт, или поединка силы, где все средства хороши, лишь бы хоть магией, хоть клинком поразить противника. Или попробовать примерить кольчугу? Нет, не привык он к ней, пусть и дальше валяется в сундуке. А вот о возможности подарить подушку для задабривания черного пушистого разбойника стоит поговорить с министром уже завтра.

Зевнув, парень спокойно направился наверх. Утро вечера мудренее. Хотя дверь комнаты он запрет понадежнее, еще и подопрет чем-нибудь. Эх, вот сейчас он точно не отказался бы от мурчианы в качестве охраны, даже половину кровати запросто уступил бы. Вопреки всему Ник вдруг обнаружил, что огромных кошек опасается гораздо меньше, чем незнакомцев с ножами и шпагами. Воспоминания о теплом клубочке на груди теперь вызывали лишь улыбку, а не страх. Об аллергии он явно заикаться не будет, тем более что самим мурчианам на это заявление начхать.

В комнате Никоэль первым делом проверил целостность магического замка на своем ларце, потом подпер дверь креслом, закрыл окно на щеколду, оставив лишь маленькую форточку наверху, и сел писать отчет Триану. Ну как отчет — несколько строчек крупным почерком. «Добрый день, — начал он в расчете, что вряд ли секретарь работает на ночь глядя. — Добрался. Представление чери Транту и вечерний прием прошли нормально. Днем подвергся нападению двух личностей с оружием, которые явно знали, кто я. Министр иностранных дел пообещал поделиться подробностями расследования, кои приведу в следующем письме. С уважением, Н. Иберникский».

Свернув бумагу вдвое, он отправил ее по назначению и полез в сундук искать оружие — пусть будет под рукой. Парень как-то вовсе не ожидал, что буквально через пять минут мелодичный звон сообщит о пришедшем ответе.

«В нападении ищите следы тариманцев и, даже если это не они, настаивайте на их виновности. Нам нужны факты для выдвижения официальных претензий. Постарайтесь попасть на тренировки воинов и оценить их потенциал и приемы. Завтра вечером ждем отчет по обоим пунктам».

Э-э, минуточку... Когда это он успел пообещать, что готов нарываться на недовольство тренирующихся тариманцев? Ник в растерянности потряс письмо, хотя это же действие хотелось применить к секретарю. Неужели Триан там не сообщает, что невозможно без дела поболтаться возле

воинов, как в театре, а потом спокойно удалиться, не нарвавшись на вызов, не спровоцировав драку или поединок? Отца захотели подставить и сравнить его силы с силами местных дуэлянтов? Ох, но он-то не отец. В этом многозначительном «ждем» чуялось участие Абернана. Только личная ли это прихоть правителя, или интересы государства требуют, а слава Нимейна Иберникского позволяет надеяться на результат? Непонятно.

Ник лег на кровать и постарался обдумать ситуацию. С видом праздного зрителя по тренировочному паладио ему точно лучше не шататься. Он, в отличие от Роэна, не может себе позволить принять чей-то вызов. Нет, он, конечно, знает, с какой стороны держаться за шпагу — отец тренировал, и не успел все забыть и растерять навыки, но... Если в противники попадется кто-то типа Астора, мнение о белавских аристократах он испортит окончательно. А чем еще можно заняться на паладио? Явно не травку собирать. Разве что бег изобразить. Главное, чтобы при этом ему не подложили свинью в виде препятствий. Ка-а-ак предложат присоединиться к группе местных — и на забаву мартнаильцам корячиться придется вместе со всеми. Хотя выход есть: принять позу пафоснее и неудобнее и замереть так, пока не изучит ситуацию. Уж с чем с чем, а с равновесием, выдержкой и отточенностью движений после напряженных трудов в лаборатории проблем у него нет, хоть весь день простоит. Будет ли у него на это время?

Так и не обдумав график, Ник незаметно для себя уснул, ведь день выдался напряженный и ответственный.

А следующее утро началось для него как минимум необычно. Проснулся парень оттого, что ему стало чересчур жарко, еще и солнце принялось светить прямо в лицо через неплотно прикрытое шторами окно. Он попытался поднять руку, чтобы заслонить глаза, и обнаружил, что не может этого сделать. Однако причину понял сразу, не осматриваясь вокруг и не напрягая извилины. А как не понять, если одна из наглых причин тихонько замурчала? Тысяча драконов! Когда он и на работу подстилкой для котов успел подписаться?

Распахнув глаза, Никозль увидел знакомую картину: черный котенок на груди, рыжий — на животе, а по бокам, прижимая своим немаленьким весом руки к кровати, двое взрослых огромных мурчиан с тонкими кожаными ошейниками.

Может, наглецов было намного больше, но поле его зрения оказалось сильно ограничено. Синий и зеленый звери, отлеживающие руки, умудрились примостить головы прямо на подушку — справа и слева. А главное, как они все попали в его комнату? Ник точно помнил, что не

открывал окно, а двери тщательно подпер. Форточка слишком мала и находится высоко от карниза. Неужели стоит поискать потайной ход? Но не похожи тариманцы на предусмотрительных интриганов и подлецов. Хотя зачем тогда запустили к нему группу хищников? Это попытка запугивания или попытка убийства? Вопросов было больше, чем ответов.

Наверное, проснувшись в необычной компании, следовало бы испугаться, но Никоэль чувствовал лишь опаску, любопытство, азарт и почти невыносимое желание сменить позу. Он попытался аккуратно выдернуть правую руку, которую уже почти не ощущал, из-под вытянувшейся туши, но не преуспел. Синяя мурчиана глухо зарычала и недвусмысленно положила лапу ему на горло. Хорошо, что обошлось без когтей. Черный котенок перестал мурчать, поднял голову и, казалось, укоризненно посмотрел Нику в глаза. Или ему померещилось из-за слепящего солнечного света? Наверное, показалось. Потому что склянку с галлюциногенами он вчера не разбивал, а в то, что сходит с ума, верить не хотелось.

Замерев, парень лежал минут пять, в течение которых постарался обдумать ситуацию и найти выход. Ждать, пока его обнаружат и освободят — явно не вариант, слишком долго и унижительно, да и обязательное зелье он не выпил. Судя по всему, завтрак только через час-полтора, а встреча с Астором и того позже. Поняв, что белавские аристократы рано вставать не любят, расписание явно подстроили под их режим.

— Котейки, а давайте я встану и освобожу вам всю кровать? — вспомнив, что он нынче дипломат, попытался договориться Никоэль.

Предложение было принято в штыки — то есть в когти, не опасно, но чувствительно воткнувшиеся в грудь и живот. Тариманская сторона, очевидно, не захотела пойти на компромисс и потерять уже нагретый матрас. Мнение живого матраса их не интересовало, только свое удобство.

— А как насчет завтрака? Еда! Вы белавский понимаете?

Когти вонзились только в живот, и посол, тесное окружение которого нынче сильно способствовало гибкости мышления, расшифровал: «Много жрать вредно. Особенно для матраса, который не хочет, чтобы его попытались перекроить когтями».

— Понял. Мы на диете, — уныло вздохнул Никоэль. И с удивлением ощутил, как лапа с жесткими шершавыми подушечками отодвинулась от его шеи. Да, так лучше, спокойнее. И появился простор еще для пары вопросов к строгим тюремщикам. Он не терял надежды договориться.

— Вас хозяева еще не ищут? — воспользовавшись возможностью, поинтересовался посол.

Раздавшееся следом рычание разной тональности сразу из четырех источников яснее ясного наметнуло, что слова надо выбирать тщательнее. Глупость сморозил. Не хозяева, а... А кто? Ник напряг память, соображая, как тариманцы называют своих коллег по отношению то ли просто к подопечным, то ли к наглým пушистым манипуляторам, которым и возразить-то невозможно. Вроде употребляют только имена.

Н-да... У отца на его месте были бы шансы отодвинуть мурчиан и без вреда для себя встать, а ему остается только терпеть, ведь магией он не владеет. Ник попытался рассмотреть бляшки на ошейниках, чтобы знать, кому обязан сегодняшним безобразием, но не преуспел — не разобрать. Если это окажется Астор... Впрочем, ничего он не сделает и в этом случае, не в его интересах ссориться, тем более что коты сами принимают решения, никого не слушаясь. Это дома он питал иллюзии, а тут уже понял, что нет хозяев и подчиненных, есть полноправные партнеры. Но как же у него все затекло... И это вдобавок к тому, что он уснул в одежде!

Нет, все-таки парень был даже рад, что подменил отца. У него сложилось впечатление, что Нимейну пришлось бы каждый день принимать несколько вызовов. Это его в силу возраста опекают и не воспринимают чересчур серьезно. Странное ощущение. Давно к нему так не относились — как к несмышленищу. Зато мартнаильцы вроде такой недооценкой не страдают, уж очень тщательно они пытались допросить на разные темы под видом пьяной беседы.

— Котейки, — вздохнул Ник через некоторое время, — завтрак через десять минут начинается, а я тут все еще лежу.

Синяя и зеленая мурчианы приподняли головы, переглянулись и встали. Одна цапнула зубами за загривок рыжего котенка, вторая — черного, после чего они синхронно поднырнули под портьеры, вытянулись в струнку, сгрузили на подоконник ношу и, уменьшившись в размерах, кажется, запрыгнули сами, чтобы потом протиснуться в форточку. Вот и способ, которым они попали в комнату. Оказывается, стены для них не преграда, если осталась хоть мелкая и труднодоступная щель. Для всех ли? Все ли такие шустрые и предприимчивые — приходится только гадать. Однако послу было не до догадок. От резкого прилива крови к отлежанным конечностям хотелось шипеть и ругаться.

Ник кое-как поднялся, размялся, умылся, сменил рубашку и внимательно осмотрел комнату. Вроде, кроме мурчиан, ночью больше гостей не было. Он выпил зелье для придания радужке глаз коричневого цвета и направился в столовую. В коридоре стояла тишина и не было ни души. Хотя парень так и думал, что Ларион проспит завтрак, а потом

пошлет слугу купить что-нибудь. Наверняка постарается подольше изображать больного, чтобы его ни к чему не привлекли. Правила вежливости требовали, чтобы Ник сходил и осведомился о здоровье младшего секретаря, но он не желал поддерживать спектакль, делая вид, будто ничего не понимает. В гордом одиночестве посол добрался до главной лестницы, спустился на пару ступенек и тут заметил несколько капель крови на мраморе поручней, так как чуть не размазал пятна собственной рукой. Странно. От небольшого пореза такого не бывает. В надежде, что была использована всего лишь краска, Ник обмакнул в красную субстанцию кончик пальца и даже понюхал. Нет, точно кровь, причем свежая, только начала подсыхать. Но откуда она могла взяться ночью на лестнице? Мартнаильцы что-то начудили? Кто-то из них ранен? Парень решил выяснить это после завтрака, а пока просто достал носовой платок, тщательно вытер руку и подчистил перила. Ни к чему и остальных обитателей особняка волновать. Если подозрительные пятна увидит Ларион, Ник его потом из комнаты вовек не выманит, даже если будет очень надо.

Так и не встретив по дороге ни души, парень добрался до небольшой столовой, где уже вяло сновали слуги с блюдами. А что суетиться, если наплыва народа не наблюдается? Вскоре к нему за столом присоединился пожилой молчаливый белавец, который отложил часть продуктов для младшего секретаря и накрыл поднос салфеткой. И уже под конец явились шумной толпой бодрые мартнаильцы в полном составе — вампиров двенадцать, из которых Ник был знаком лишь с частью. Ни ран, ни повязок, ни скованности в движениях ни у кого не наблюдалось. Роэн громогласно поздоровался за всех подчиненных и спросил:

— Ты ведь не против, что мы пришли пораньше, не в свое время? Наш народ, конечно, предпочитает бодрствовать до половины ночи, а утром спать, но в чужой стране поневоле как-то приспосабливаешься к местным условиям. Мы тут давно, организм перестроился. Надо было бы попросить передвинуть нам время завтрака, но все недосуг, тем более что ваши представители дипломатической миссии в столовой появляются редкими периодами — несколько человек пару раз в месяц. Уверяю, нас интересует исключительно еда, а не немытая шея твоего тощего подчиненного, который все равно опять не спустился. Кстати, как прошел вчерашний прием?

Ник усмехнулся, оценив манеру, в какой были заданы вопросы: пока отвечаешь на последний, будет уже неудобно возвращаться к первому. Интересно, вампир специально наболтал между ними кучу всего или так

вышло случайно? Ведь нормальные дипломаты просто так рот не открывают и не вываливают на собеседника столько правдивой информации, если им это зачем-то не надо. Впрочем, парень и не собирался возражать против компании.

— Все нормально. Меня показали народу и отправили восвояси, — ответил белавский посол, поднимаясь из-за стола.

— А с мурчианами как?

— Пока не понял, — неопределенно сообщил Никоэль, не желая откровенничать и выкладывать свои проблемы с хвостатой братией. Роэн все равно ничем не поможет, даже если захочет. Как вчера сболтнул фин Астор, мурчианы старались обходить вампиров по дуге и в случае столкновения быстро удалялись с гордым видом. Не любили они их почему-то, но эту нелюбовь предпочитали демонстрировать на расстоянии — не так, как белавцам. Зато и не шипели на мартнаильских гостей по примеру обычных кошек — уже хорошо, а то было бы совсем неудобно.

— Хорошо, а фехтуешь ты как? — поинтересовался Роэн.

— Что ты имеешь в виду? — удивился парень резкой смене темы.

— С тариманцем в поединке совладаешь? Я хотел пригласить тебя сегодня на тренировочное паладио гвардии.

— Гвардия-то не возражает?

— А кто ее спрашивает? — подмигнул вампир. — Мне интересно. Хочу попробовать пройти полосу препятствий наравне с местными. Ты со мной?

— Только не на полосу. Я в сторонке постою.

— Кто же тебе позволит? Праздных зрителей не любят.

Никоэль задумался. Это завуалированное покушение, Роэн смерти его хочет, или не понимает, что не все являются отменными воинами с тренированным телом? Нет, он, конечно, тоже не слабак, но с его стороны явно будет слишком самонадеянно согласиться на личное участие наряду с теми, кто занимается каждый день. В лучшем случае гвардейцы просто посмеются, а у Роэна окажется припасена для начальства забавная история, как он подставил посла соседней державы.

— Давай я позже решу, — сказал Ник. — До обеда у меня все равно дела с фином Астором.

— Заходи, если надумаешь.

Кивнув, парень направился к выходу, но в дверях столкнулся с министром иностранных дел, за спиной которого маячили четверо гвардейцев.

— Никоэль Иберникский, — официально обратился фин Астор, — мы

вынуждены задержать вас до выяснения обстоятельств. Прошу добровольно последовать за мной.

И плевать было тариманцам на дипломатическую неприкосновенность.

Глава 6

УЗНИК ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

Белавский посол с мрачным видом сидел на диванчике, уставившись в одну точку — на ручку двери своей камеры. Очень уютной и богато обставленной камеры, надо сказать, так как ее роль исполняло обычное помещение дворца в одной из башен. Ник уже убедился, что при желании отсюда можно выбраться через незарешеченное окно, если нет страха высоты. Но он не для того дал себя сюда упечь, чтобы теперь бежать, не получив объяснений. Да и не грозит ему ничего серьезного. Наверное. Максимум — вышлют из страны. Хотя и эта неприятность ничуть не лучше вынужденного побега, так как неизбежно поднимется скандал. Нет, дело надо решить тихо и мирно, чтобы слухи не дошли до белавского дворца. Неужели его обвиняют в избиении вчерашних бандитов?

Замок двери щелкнул только через час, судя по внутренним часам. Но Ник прикрыл глаза и сделал вид, что погрузился в себя и не услышал. Немного детская выходка, однако парню хотелось хоть каплю досадить тариманцам, пусть постараются привлечь его внимание, тем более что грубить при этом им не полагается, хватает и того, что его задержали.

План был хорош, но не учитывал одного обстоятельства. Внезапно сиденье сильно прогнулось слева от Ника, а потом ему на колени и живот рухнуло нечто увесистое, вдавливая в диван. Воздух резко покинул легкие, глаза произвольно распахнулись и тут же зафиксировали огромную рыжую тушу, нагло решившую, что он вполне подойдет в качестве подушечки для брюха. Ник возмущенно уставился в затылок мурчианы, но спихнуть опять не решился. Вместо этого он поднял взгляд на вошедшего в комнату министра иностранных дел и сдавленно поинтересовался:

— Это у вас так принято начинать допрос — сразу с пыток?

— Нет, конечно! А что, тяжело, да?

— Хотите сами попробовать?

— И так знаю. Рыж, фу! Слезь с гостя!

Огромный кот словно в недоумении обернулся к своему человеку. А что он такого делает? Вот, на диван лег отдохнуть. А никто его при этом не чешет, не восхищается мягкой шерсткой.

— Рыж! Посол не привык к твоим габаритам. У него пресс не настолько натренирован. Слезь!

Зверь недовольно мотнул хвостом, и Ник прочитал в этом движении ответ: «И что? Сейчас научим и натренируем, мне и так хорошо». Вроде бы удобный случай, чтобы позлорадствовать над тем, что и у коренного тариманца бывают проблемы с собственной мурчианой. Но злорадствовать не хотелось, потому что проблема оказалась общей.

— Теперь я понимаю, почему мне посоветовали изобразить аллергию, — простонал парень.

— Все равно не помогло бы, — пожал плечами Астор. — Зато радуйтесь — поведение Рыжа полностью снимает с вас все обвинения.

— Обвинения в чем?

— Сегодня ночью были выманены из дворца и жестоко убиты две не связанные Обретением мурчианы. Их тела обнаружены как раз под вашим окном, прикрытые пледом с диванчика в вестибюле посольства. Капля крови есть и в коридоре в белавской части здания. А в кармане у вас...

Ник поморщился. Кто же знал? Не думал он, что пара стертых капель его так подставят. Он считал, что кто-то просто порезался и схватился за перила, не заметил, что рука кровоточит. Просто о спокойствии Лариона заботился, воображение которого, похоже, и так рисует страшные сцены с участием мартнаильцев и тариманцев, без обоснованных фактов. Да и платок из кармана брюк он так и не вынимал, никому не показывал, даже в беседе о нем не говорил. Хотя да, на магический поиск следов он совсем не рассчитывал, а надо было бы. Неопытный из него пока дипломат, не умеет он просчитывать ситуацию хотя бы на шаг вперед. Интересно, его специально подставили?

— У вас еще и шерсть снаружи на карнизном отливе, — услышал парень сквозь завесу раздумий.

В груди у Ника что-то екнуло. Он не хотел смерти своим утренним гостям. Но, может, это не они? Коты дрыхли на нем почти до завтрака, а в это время уже светло илюдно. Однако напрямую спросить посол не мог, опасаясь схлопотать еще какое-нибудь обвинение. В нарушении неприкосновенности ничейных мурчиан или в том, что сразу не сообщил об их визите, например. Резко выдохнув, он постарался выбросить нехорошие мысли из головы. Вместо этого с преувеличенным возмущением в голосе, как плохой актер, спросил:

— И вы сразу подумали на меня?! Хотя в посольстве я не один обитаю, на окне у меня решетка.

— Вы новый человек, остальные уже давно там живут, и убийств при них не происходило, — пояснил Астор. — Мы же вам еще обвинения не выдвинули, просто задержали до выяснения обстоятельств. Извините. Чери

Трант, как узнал, отдал приказ на эмоциях. Хорошо меня тут же привлекли, чтобы объяснить вам, что происходит. У нас мало кто знает ваш язык, нужды в этом не было.

— Я никого не убивал и всю ночь спокойно спал у себя.

— Может, что-то слышали?

— Честно говоря, нет. Я окна закрыл, звуки с улицы практически не долетали, форточка очень мала.

— Плохо. Что-то непонятное у нас творится, — вздохнул Астор. — То на вас напали, то на беззащитных мурчиан... Кому могли помешать котята, которым и так жить осталось меньше года?

— Не знаю, но очень хотел бы в качестве более действенных извинений услышать результаты допроса вчерашних бандитов. Правда, после того как вы снимете с меня Рыжа.

— А давайте на время доклада считать его знаком моего весомого к вам расположения? — с надеждой предложил министр. — Вроде вы уже пообвыкли и не так задыхаетесь.

— Ладно, одного как-нибудь потерплю, — нехотя согласился Никоэль и тут же поймал себя на мысли, что он и против троих не возражает, особенно если двое последних будут мелкими — черным и рыжим. Жалко, если это именно их убили.

— В общем, выяснилось, что на вас напали валорские наемники, которым хорошо за это заплатил некто, скрывший свою внешность за магической завесой, — сразу выложил суть Астор. — Он же обеспечил оружием и сообщил, в каком районе вас можно застать. Момент атаки наемники выбрали сами, воспользовавшись удачным случаем — тем, что я отвлекся. Однако они уверяют, что не собирались убивать, их наняли ранить или немного покалечить посла. Вашу внешность описали довольно подробно. Правда, заказчик сказал, что вы слабы, беззащитны и не в состоянии дать отпор...

— Пусть бы этот заказчик и дальше так думал, — проворчал Никоэль. — Не люблю оружия, хотя мне его постоянно пытаются навязать.

— Ну да, вы и без оружия с одного удара справляетесь.

— Отчего вы так решили? Может, это была случайность, мне повезло. Валорец просто неудачно упал.

— Мне-то не рассказывайте. Я и сам так «неудачно падаю» каждый раз, когда кори Ксантар умудряется уговорить меня провести дружеский кулачный поединок. Так что не знаю, насколько вы опасны со шпагой в руках, но и без нее производите впечатление.

— Субтильного, белого и пушистого, как мой секретарь, надеюсь? — с

улыбкой уточнил Ник.

— Нет, его вам явно не переплюнуть, масть у вас не та. Вы пока серая загадка, которую многим любопытно разгадать. Осторожнее, кто-то шальной может запросто поддаться соблазну и пригласить вас на бой, — серьезно сказал Астор, не поддерживая шутливого тона.

Парень мысленно подсадовал. Какое невезение! Значит, на тренировочное паладио тариманцев без предлога и обоснованного занятия действительно лучше не соваться. Была надежда, но сплыла, министр уничтожил ее на корню. А ему уже сегодня отчет писать! Кстати...

— Фин Астор, а не мог владелец спорных земель нанять напавших на меня валорцев? — вспомнив инструкции, спросил Никоэль и попробовал погладить Рыжа по пушистому загривку. Большой кот отнесся к этому благосклонно, зато министр был категоричен:

— Нет, кори Эдару от срыва мирного договора никакой выгоды. Доходов с земли он не получал — ни в качестве поля, ни в качестве пастбища участок не использовал. Ему выплачена солидная денежная компенсация. Не мог он, не такой человек, чтобы пойти на подлость из-за пустяка.

— Значит, наверняка кто-то еще из ваших не хочет мира между нашими государствами, — продолжал настаивать парень, хотя с той же вероятностью обвинения можно было выдвинуть против любой соседней державы. Эх, на что приходится идти ради такого странного понятия, как дипломатия!

— Виновные обязательно будут наказаны.

— Надеюсь. Вы карту принесли?

— К сожалению, не прихватил, я ведь шел сюда по другому поводу.

— А мне очень хотелось бы увидеть участки и посетить ваше тренировочное паладио во дворце, — закинул удочку Никоэль, рассудив, что с представителем местной власти последнее будет сделать проще. При Асторе вряд ли кто-то осмелится бросить вызов.

— Хорошо. Давайте я вам сейчас устрою экскурсию, а заодно и подопечных выведу побегать, а после ужина, когда вы отдохнете, принесу карту в посольство.

Парень только хотел задать вопрос, от чего ему предлагают отдыхать, как министр стремительно развернулся спиной и двинулся к дверям. Рыж резво соскочил и поспешил вдогонку. С одной стороны, дышать стало легче, а с другой — сильно насторожили последние слова фина Астора. Ну да ладно, ничего страшного, если придется вместе с малолетними учениками тариманца пробежать метров двести. Вряд ли масштабы дворца

позволяют устроить полосу длиннее. Никозль встал с дивана, бегло осмотрел себя — вроде одежда удобная, и поторопился к выходу, чтобы не потерять проводника из виду.

Однако оказалось, что Астор спокойно ждет его в коридоре, прислонившись к стене. Больше в округе не было ни души, даже гвардейцев, которые по идее должны были бы караулить задержанного. То ли министр успел освободить их от обязанностей, то ли изначально не предполагал побега и не предпринимал никаких мер.

— Я отправил Рыжа к подопечным, он их пригонит. А вас лучше лично провожу, — сказал тариманец. — Не думаю, что во дворце вам что-то угрожает, но мало ли...

— Крутые лестницы?

— Вы настолько не уверены в своих силах и не доверяете ногам?

— С силами все в порядке, не было бы только магических ловушек.

— Во дворце колдовать может только очень ограниченный круг лиц, не беспокойтесь. А вечером я принесу защищающий от смертельных заклинаний амулет. Вы не возражаете против кольца?

— Есть опасность, что меня попытаются убить?

— Нет, только не тут. Это будет просто ни к чему не обязывающий подарок. Для вашего спокойствия.

— Или для вашего?

— Или для моего, — не стал спорить министр.

Никозль молча покачал головой. Он не знал, насколько можно доверять местным мастерам. А вдруг прицепят следящее заклинание, позволяющее подслушивать разговоры и контролировать перемещение? Носить чужой амулет, не выяснив всех его возможностей, просто глупо, потом и шага в сторону сделать не получится. Да и подзаряжать магическую безделушку некому. Жаль, конечно, что белавские чиновники сами не обеспечили его чем-нибудь защитным. Но они-то думали, что отправляют в качестве посла боевого мага! Ник же в свою очередь думал, что профессия дипломата не столь опасна, поэтому не догадался порыться в отцовских запасах. Боевые заклинания сложно отнести к несчастным случаям, от которых пострадала половина членов миссии. Дуэли, выкосившие вторую половину, тем более не предполагают никаких иных средств, кроме холодного оружия и кулаков. Может, Астор слишком уж перестраховывается? Угрозы и запугивания он как-нибудь и без амулетов переживет.

В компании министра посол дошел до неприметного темного коридорчика, из которого попал во внутреннюю галерею, тянущуюся вдоль

всего обширного прямоугольного дворика. Как он и предполагал, его взгляду не открылось ничего особенного — так, усыпанная гравием дорожка по периметру, прерываемая парой глубоких ям с неровными краями, парой-тройкой стен, бревнами и иными не очень серьезными препятствиями. Он и пострашнее видел. По центру блестел бассейн, не слишком глубокий на вид. Вокруг него замерли в разных позах дети и подростки, контролируемые мурчианами взрослых тариманцев, что было понятно по наличию ошейников с бирками. Судя по лицам, подрастающее поколение подходило к такой тренировке очень ответственно, никто не фланировал, не смеялся и не отвлекался. Дворик выглядел простенько и довольно обыденно, он не оправдывал ожиданий Никоэля, который по разговорам вообразил нечто грандиозное и невероятное. У отца в лесочке возле дома полоса препятствий сложнее была, да и по длине превосходила эту. Детям, наверное, сойдет, но что такого интересного мог обнаружить для себя Роэн?

Пока Никоэль внимательно с недоумением рассматривал открывшуюся картину, на галерею вслед за огромным рыжим котом буквально вылетели трое подростков — два пацана и девочка. Они быстро выстроились напротив Астора и в явном нетерпении принялись сверлить его взглядами. Мальчишку постарше посол узнал, тот присутствовал на церемонии представления чери Транту. Остальных до этого Ник точно ни разу не видел, иначе бы тоже вспомнил.

— Знакомьтесь, — произнес министр, — это мои воспитанники — Линк, Корн и Нея. — И он для наглядности, чтобы исключить путаницу, сопровождал свои слова указующими жестами руки.

— Никоэль, можно просто Ник, — самостоятельно представился посол, сознательно не став нагружать детей титулами. Они и так как-то моментально скисли, заподозрив, что их позвали только ради официальной встречи со взрослым иностранцем. — Вы белавский понимаете?

— Понимаем, — буркнул Линк.

— Плохо, — честно признался Корн, сильно исковеркав произношение.

И только Нея предпочла скромно промолчать, ее смутил чересчур молодой облик посла. Она постаралась сделать вид, что засмотрелась на тщательно вылизывающего лапу Рыжа. Кот устроился на перилах балюстрады и являл чудеса ловкости, так как и не подумал уменьшить собственные габариты.

— Посол вызвался посмотреть на наше тренировочное паладио, — сообщил Астор подопечным. — Вы как, не против немного побегать и

продемонстрировать успехи?

— За! — хором в три голоса воскликнули подростки.

— Можно часовую дорогу?! — на тариманском с энтузиазмом попросил Линк.

— А не устанете с непривычки? Несколько дней уже не тренировались, — напомнил министр на том же языке. — Да и Нея с Корном...

— Я им помогать буду, — перебил пацан.

— Нет, пожалуй, им я сокращу время на двадцать минут, — решил наставник. — Пусть у гостя останутся самые благоприятные впечатления.

— А он увидит? — вмешалась Нея. — Предыдущий-то посол магией не владел.

— Ах да, проблемка, — задумался Астор, после чего обратился к Никоэлю:

— Как у вас с магией? Хоть слабенький дар есть?

— Никакого нет, — честно ответил белавец.

— Тогда вам, наверное, лучше всего минуты три-четыре для понимания процесса тренировки пробежать вместе с моими подопечными. Справитесь? Со стороны вы не сможете ничего оценить.

Однако тут у Ника немного не к месту разыграла гордость. Значит, даже младший пацан и девчонка должны продержаться сорок минут, наставник верит в их силы, а ему, взрослому, предлагается в восемь раз меньше напрячься? Оскорбительно как-то звучит. Нет, конечно, Астор не специально, он не знал, что Ник поймет его речь. Но соглашаться с негативной оценкой своих возможностей ужас как не хотелось.

— Маловато, — протянул белавец, думая, как бы исправить ситуацию, не выдав своего знания языка хозяев. — Давайте обойдемся без поблажек, я же не успею ничего понять.

— Мне не хотелось бы рисковать, — замялся Астор.

— Рисковать? Я не вижу никакой опасности для жизни, а синяки можно и на ровном месте получить.

— Вы правы, но все же... У нас есть печальный опыт, когда один из ваших представителей выпил, проник сюда и свернул себе шею.

— Но я не пил и, в отличие от многих аристократов, подобную полосу лицезрел не раз, и не только лицезрел... Бегать я люблю.

— Ну ладно, — вздохнул министр. — Сколько минут вам предоставить для понимания процесса?

— Час?

— Не стоит, вам же сегодня после ужина еще работать, силы надо

беречь.

— Тогда на десять-двадцать минут меньше.

— Давайте ограничимся пятнадцатью минутами, — предложил Астор, оценивающе оглядывая посла. Вроде юркий и подвижный, сразу упасть без сил не должен. Вымотается, конечно, но зато потом станет покладистым и не будет сомневаться в его словах и игнорировать советы. Решение было окончательным, поэтому министр настойчиво произнес: — Для ознакомления этого вполне хватит. Вы же не собираетесь реально тренироваться у нас? Нагрузку лучше увеличивать постепенно.

— Ладно, — охотно согласился Ник. По крайней мере, он хотя бы создал видимость энтузиазма и защитил честь белавских дипломатов. Теперь не его вина, что с дорожки придется сойти столь рано.

— Как увидите на пути фиолетовое туманное облако, смело ныряйте в него, — проинструктировал министр. — Первое — ваше, второе — для Корна и Ней и последнее — для Линка, если он не уйдет на другой уровень сложности.

— Понял, — кивнул посол, хотя вопросов у него стало еще больше. Зачем какие-то облака, если можно просто сделать шаг в сторону? У-у, выдумщики! Он же не ребенок, чтобы его приманивали радугой и магическими фокусами. В принципе пусть Астор тешится, главное, чтобы все-таки дал возможность собрать материал для отчета Триану. — Где тут начало? — спросил Ник, решив приступить к практическому изучению.

— Следуйте за моими подопечными. Бежать будете замыкающим. Хоть посмотрите сначала, как преодолевать препятствия.

Спорить Никоэль не стал. Ему и надо проследить за тренировкой со стороны. Хотелось бы в неподвижном состоянии... Но нет так нет. Тут этой полосы с препятствиями — кот наплакал.

Парень покладисто спустился с галереи на три ступеньки и подошел к проведенной поперек дорожки линии. Впереди оказалась цепочка подростков, а за ним... Ник так и не понял, откуда взялись синяя и зеленая мурчианы, но их напружинившиеся позы ясно свидетельствовали о том, что послу лучше не задерживаться со стартом, иначе его собьют. Преследуют его эти двое, что ли? Хорошо хоть котят на полосу не притащили, если те живы.

— Не бойтесь, — решил подбодрить Астор с галереи, заметив, как гость тревожно оглядывается. — Мурчианы просто тоже очень любят бегать.

Однако слова министра совсем не успокоили. Никоэль понял, что бежать будет очень быстро, если не удастся подвинуться в сторону и

пропустить хищников вперед. Во что он опять влип? И не обойдется ли ему выполнение задания родного государства чересчур дорого? Утешало одно — вряд ли мурчианы нападут при застывших возле бассейна детях. Короткую пробежку по двору он как-нибудь переживет. Главное не нервничать, чтобы не изменился цвет глаз.

Астор скомандовал «пошли!», и ничего не подозревающий о коварстве тренировочных паладио тариманцев Ник отправился на «легкую пробежку». Впереди маячила спина Корна, с двух сторон, чуть позади, пристроились мурчианы, словно конвоируя. Все было довольно просто и терпимо, пока... пока взгляд не уловил нечто странное. Через пару минут после начала забега галерея, окружающая паладио по периметру, куда-то пропала. Ник глазам своим не поверил. Он мигнул раз, другой, даже ущипнул себя, но галлюцинация и не думала исчезать. Вокруг простирался перелесок с кривой, вихляющей меж деревьев и кустарников ухабистой тропкой, покрытой ямами и пнями, усыпанной не только сучьями, но и разного размера камнями. А поперек на уровне головы оказалась довольно часто натянута густая паутина с завязшей в ней мошкаррой, гусеницами и иными мелкими букашками. Если врезаться лицом, не слишком приятные ощущения гарантированы.

Никоэль так засмотрелся на измененный пейзаж, что чуть не врезался в бревно, перегородившее дорогу на высоте немногим больше пояса. Пролезть внизу возможности не было — густое переплетение ветвей не оставляло шансов. Пришлось подпрыгнуть, упереться рукой о вполне материальный ствол с шершавой корой и перекинуть тело через препятствие. И только после этого Ник понял, что летит куда-то не туда — слишком глубоко, роста два — два с половиной будет. За поваленным деревом оказалась даже не яма, а целый овраг метра два в ширину, а в длину в обе стороны — сколько видно глазу. Во дворике подобного препятствия точно не было! Приземление вышло хоть и мягким, но обидным, так как обе мурчианы легко перемахнули со ствола на край дорожки и остановились, с любопытством свесив морды вниз. Еще и пофыркивали, словно ржали.

— Господин посол, у вас есть пять минут, чтобы выбраться, а потом овраг начнет рушиться и засыпать вас, — раздался из ниоткуда голос Астора. — Поторопитесь, пожалуйста, после искусственной имитации смерти ощущения не самые приятные весь оставшийся день.

Тьфу ты, какой, гад, вежливый! Ник разозлился. Чего же он раньше предупредить не мог, что у них тут какая-то ненормальная полоса препятствий, преподносящая сюрпризы? Он бы хоть осмотрительнее был, а

не вел себя, словно на прогулке! Парень высоко подпрыгнул, с силой оттолкнулся левой ногой от передней стенки оврага, потом правой ногой — от задней и наконец выскочил на край дорожки, где быстро схватился рукой за ближайший куст. Хотелось бы, конечно, за хвост быстро улепетывающих мурчиан, но приходилось быть скромнее. Эти пушистые заразы явно рассчитывали хорошо развлечься, наблюдая за его барахтаньем на дне. И неплохо бы их догнать, что Ник и попытался сделать, побежав дальше. Стимул был неслабый: синий и зеленый хвосты мельтешили впереди, то сливаясь с растительностью, то скрываясь в густых тенях. А так хотелось наподдать обоим ногой... случайно. Подростки уже успели совсем пропасть из виду, что немного обидно. Конечно, они гораздо лучше знакомы с полосой, но он-то старше! Хотя Ник вдруг с удивлением припомнил, что троица исчезла из поля его зрения еще до бревна. Странно.

— Замечательно! — отвлек его от размышлений бодрый голос Астора. — Только с дорожки не сходите, иначе плохо будет. Берегитесь хищников!

Посол, не жалея дыхания, выругался. А тут еще и хищники водятся, помимо мурчиан?

— Если съедят или укусят, очнетесь уже у лекаря, — снова «обрадовал» министр.

После этого Нику очень захотелось быстрее добраться до выхода из магического пространства полосы и стукнуть фина Астора кулаком... случайно... раз пять. Нашел развлечение! Ведь в его обычно спокойном голосе явно слышались нотки азарта. Парню оставалось надеяться, что за его забегом следит только министр, а не полдворца прилетело посмотреть, как страдает посол за все хорошее и не очень, чего успели натерпеться тариманцы со времени начала дипломатической миссии.

Уклонившись от очередного полотнища паутины, Никоэль ускорился и с разбега перепрыгнул подозрительный участок, на котором заподозрил наличие охотничьей ямы. И хорошо, если без кольев или ядовитых гадов на дне. Но что-то ему подсказывало, что тариманцы в таком деле не стали бы мелочиться. И словно в подтверждение этих мыслей, парень услышал, как Астор постарался отвязаться от кого-то невидимого:

— Отстань! Нет, не надо пока лекаря. Стой!..

Но министр зря издал последнее восклицание, потому что посол все-таки успел увернуться от броска замаскировавшейся на нижней ветке дерева змеи. И тут же ему пришлось повторить этот маневр еще и еще. Издеваются? Где они видели подобное в природе? Змеи не растут на деревьях, словно яблоки! Хотя надо признать, что с такими

неожиданностями действительно быстро научишься не разевать рот, быть готовым ко всему и реагировать, практически не задумываясь.

Впереди Никоэль заметил, как обе мурчианы бодро вскарабкались на деревья и продолжили путь, прыгая по нижним веткам. Этот маневр его насторожил. Чем это зверям не понравился участок дороги, усыпанный крупными, с голову человека, валунами? Он присмотрелся внимательнее — и не прогадал. Между камнями обнаружились муравейники. Только вот муравьи что-то были подозрительно великоваты. Впору начать жалеть об отсутствии когтей и невозможности повторить номер мурчиан. Нику пришлось прыгнуть на покатую верхушку крайнего валуна, побалансировать на одной ноге, стараясь сохранить равновесие, а потом таким же образом проскакать дальше, силясь не дергаться и не морщиться, когда под ноги попадались единичные представители кишачего внизу полчища и с противным звуком лопались, увлажняя камни буро-зеленой субстанцией. Иногда казалось, что только чудо спасает его от соскальзывания в рыхлые муравейники. Драконы побрали бы этих тариманцев! А заодно и белавцев, сподвигнувших его ступить на это тренировочное паладио! И ведь поздно вопить, что недипломатично сажать посла в муравейник или скормливать змеям. Сам виноват, сам рвался познакомиться с местным рельефом, флорой и фауной. Но разве это можно назвать нормальной полосой препятствий?!

Спрыгнув с последнего валуна на дорожку, Ник решил схитрить и потянуть время до выхода, изрядно замедлившись. Однако, как выяснилось, хорошая мысль всегда приходит слишком поздно, темп он уже задал. На данном этапе схалтурить оказалось невозможно, так как откуда-то из-за кустов выпрыгнул непонятный лохматый зверь. Ник такого не знал, но ни на миг не усомнился в том, что это хищник, а не травоядное. Желания проверить, предложив себя в качестве пищи, у него точно не возникло, зато прыти добавилось. Только почему за ним гонится недоброжелательная зверушка, а за мурчианами — всего лишь он?

Однако досадовать на вселенскую несправедливость было некогда. Ник добросовестно бежал, прыгал, увертывался, нырял под низко нависающие ветки, иногда составляющие целые коридоры метров по сто. Создавая полосу, тариманцы руководствовались явно не законами природы, нет, они решили подменить своими задумками другой закон — закон подлости. Ведь только успеешь отпрыгнуть и увернуться от падающего на тебя ствола сухостоя и подумать, что по несколько сразу в безветренную погоду они не валятся, как тут — раз! — и целая рощица метит именно в твою голову! Ник уже и про мурчиан забыл, и про время, и про

наблюдателей. Тем более что Астор перестал подавать голос и «радовать» запоздалыми предупреждениями.

Возникшее впереди посреди дорожки фиолетовое облако сначала вызвало настороженность и недоумение. В первую очередь парень заподозрил новую разновидность ловушки и только потом сообразил, что это долгожданный выход. Четверть часа показались ему вечностью, за которую он столько всего пережил. Хотя хищник преследовал его недолго, провалившись в яму, которую Никоэль благополучно перепрыгнул. Зато возле облака обнаружился другой зверь — синяя мурчиана, сидящая сбоку и явно дожидаящаяся его. Куда подевалась вторая, он не понял, так как давно перестал высматривать хвосты — были задачи поважнее.

Никоэль уже почти достиг облака, когда внезапно синяя мурчиана прыгнула к нему и боднула головой в бок. Следом откуда-то сзади пришел второй толчок, бросивший его вперед. И теперь посол определенно узнал, где была зеленая мурчиана — сидела в засаде, сливаясь с кустарниками. Благодаря выверенным толчкам наглых котов, Ник облетел выход сбоку, краем глаза заметив, как сами бандиты скользнули в фиолетовый туман. Да-а, такой подлости от них он не ожидал. Парень попытался развернуться и последовать за ними, но не преуспел. Выход просто исчез перед самым его носом.

— Эй, фин Астор, что за шутки?! — возмутился посол. В голову закралась мысль, что его так и убить могут, просто не выпустив из магического пространства. Сам-то он, не будучи магом, выбраться не в состоянии. Просто идеальная ловушка. А белавскому правителю потом можно соболезнования прислать. Так, мол, и так, сам виноват: полез на полосу, переоценил свои силы. Несчастный случай.

— Я тут ни при чем! Мурчианы решили повольничать, — крикнул в ответ министр. — Простите!

— А делать-то мне что?

— Берегите дыхание, не отвлекайтесь и бегите вперед! Если будете долго стоять, полоса усложнится.

— Но тут же должен быть выход! Откройте его!

— Выход был. Но специфика полосы такова, что нельзя вернуться к объекту, оставленному за спиной, а вы облако обогнули.

— Так не по своей же воле!

— Не важно. Следующий выход на всех уровнях откроется через полчаса. Держитесь!

— А если я и его... обогну?

— Тогда вас выкинет во дворик вместе с Линком еще через четверть

часа. Навечно вы там не останетесь, я задавал максимальное время — час. Бегите же! Полоса сделана так, чтобы ни один уставший маг не мог схалтурить и выбраться до окончания тренировки.

— Тысяча драконов! — рыкнул Ник и бросился бежать дальше. Как не броситься, если позади из кустов на дорожку неожиданно выбрались сразу два лохматых хищника высотой ему по пояс! Хорошо хоть магия полосы смилоствовала и оставила фору — метров пятьдесят или даже меньше. Парень совершенно не горел желанием воспользоваться экстренным выходом в виде чьей-то пасти.

— Слишком долго задержались на одном месте, — прокомментировал фин Астор. — Сейчас дополнительно ядовитые комары появятся, которых желательно прихлопнуть до того, как они доберутся до кожи. Одежда, кстати, не спасает.

У кого такая нездоровая фантазия? Нику очень хотелось возмутиться, а еще больше — встретиться с изобретателем полосы на этой самой дорожке, основательно оттоптать ему ноги и посмотреть, кто окажется живее — хищники или комары. Впрочем, на личном присутствии в качестве наблюдателя он не настаивал, наоборот, с большим удовольствием послушал бы пересказ министра, будучи где-то на безопасном расстоянии.

Ник прихлопнул ладонями первого комара, оказавшегося размерами чуть ли не с бабочку, и с тоской подумал, что цензурного словарного запаса ему явно не хватит, чтобы описать все впечатления секретарю Триану. Белавские чиновники его совершенно не поймут. Он бы и сам раньше не поверил, что за пятнадцать минут можно увидеть и пережить столько, что совокупность всех детских и юношеских неприятностей и травм начнет казаться сущим пустяком.

Бежать по пересеченной местности, стараясь не подпустить к себе ни комаров, ни странных лохматых зверей, у которых даже глаз невозможно было рассмотреть, оказалось очень сложно. Никоэль весь вывозился в субстанции, брызгающей из поверженных насекомых, порвал брюки, распорол рукав о какой-то острый сучок, пока перепрыгивал через очередное бревно, насобирав на шевелюру паутины с ворохом мусора... Впрочем, ему некогда было думать о том, как он выглядит со стороны, и жалеть об испорченной одежде. Живым бы остаться! Единственное, о чем он изредка досадовал, — это о том, что не догадался захватить с собой Астора. Надо было попросить, чтобы тот лично провел экскурсию, держась рядом.

Первым удалось устранить одного из лохматых хищников, оставив на его пути недобитого комара с оборванными крыльями. Н-да, яд на

удлиняющемся жале, похоже, действует быстро и радикально. Зверь просто дернулся один раз, упал и больше не поднялся. Второй, можно сказать, устранился сам, так как не успел увернуться от падающего дерева. Дольше всех досаждали комары, которые то налетали небольшим роем в пару десятков особей, то после нескольких минут относительного затишья так и норовили одиночными диверсантами подкрасться откуда-то сбоку или сзади. Ник старался бежать изо всех сил, так как заметил закономерность: чем меньше у него скорость, тем больше полоса преподносит сюрпризов и опасностей. Он даже не ожидал от себя такой прыти. Откуда только взялись силы? Но эту странность он отметил лишь краем сознания. В конце концов, дыхание все равно начало сбиваться больше и больше, в боку закололо, и каждое движение, каждый прыжок стали настоящим подвигом. Жутко захотелось пить. Поэтому он не сразу поверил глазам, когда, обогнув высокий куст, увидел впереди целое озеро воды. Только подобравшись ближе и ступив в вязкую грязь на берегу, парень уверился, что перед ним не мираж. Однако не обрадовался, он даже представить боялся, каких обитателей стоило ожидать в воде. Никоэль замер, переводя дыхание, и постарался сообразить, как можно перебраться на другой берег, не намокнув. Но выводы были неутешительные: только вплавь.

— Надеюсь, вы плавать умеете? — «заботливо» поинтересовался Астор, чей голос снова прозвучал откуда-то из пустоты, но так, словно тот стоял рядом.

— И что? — устало выдохнул посол охрипшим голосом.

— Не тяните время, пока водяные змеи не появились. Лежать на воде и отдыхать не советую. Будет обидно, если вы погибнете в шаге от выхода.

Никоэль с сожалением посмотрел на свои туфли и шагнул в озеро. Разуваться он счел неразумным. Во-первых, обратно за обувью уже не вернешься, во-вторых, на другом берегу босиком бежать будет сложновато. Можно было бы, конечно, постараться перенести туфли над водой, но явно не в одежде. Пришлось бы раздеваться, чтобы иметь свободу маневрирования и не пойти на дно. Но если избавиться от рубашки и камзола Ник еще был согласен, то снимать ремень и брюки точно не собирался. Нет, это дело принципа — не оставить тариманцам ни клочка на память. Не хочет он в совсем неподобающем виде выбраться с полосы, попасть на паладио, а потом идти с голым торсом по дворцу и до самого посольства. В вину ему это не поставят, но на поединок могут вызвать не раз. Все-таки на хилый скелет без рубашки он не похож, занятия алхимией часто требовали физической силы, чтобы долго удерживать на весу без дрожи в запястьях тот или иной сосуд или мешок с минералами, а потому

он старался — отжимался, тренировал руки. Демонстрируя бицепсы, явно не убедить любителей дуэлей в том, что он кабинетный работник, который умеет держать в дланях только тупой нож для бумаг.

Плыть было тяжело и неудобно, но Никоэль не сдавался и греб. По-прежнему жутко хотелось пить, однако глотать воду из озера он посчитал неразумным. Не хватало еще добровольно отравиться! Нет, он лучше потерпит. Но долго ли?

— Сорок пять минут скоро пройдут? — отрывисто поинтересовался парень вслух.

— Уже прошли.

— А где выход?!

— Был на суше в ловчей яме. Но я не стал вас отвлекать, чтобы сообщить, так как вы в тот момент от комаров избавлялись. Ничего, сейчас поплаваете, ноги отдохнут, а потом с новыми силами еще несколько метров — и все! Руками сильнее гребите.

Никоэль не выругался только потому, что дыхания не хватало. Министр решил поиздеваться над ним? С одной стороны, не похоже, если вспомнить, что тот и сам отговаривал от большой продолжительности пробежки. Однако, с другой стороны, его нынешние поступки полностью противоречили словам. Будет ли вообще обещанный выход?

Парень доплыл до берега на одном упрямстве и силе воли, так как физических сил давно уже не осталось. Он выбрался на сушу, отряхнулся, как собака, и побежал.

«Гад Астор, Астор гад, гад Астор», — мысленно повторял он, словно заклинание. Дыхание с хрипом вырывалось из груди, легкие горели огнем. Во время плавания ноги, конечно, немного отдохнули, но они были не самой большой проблемой. Болело все!

— Господин посол, впереди выход, — на всякий случай предупредил министр иностранных дел. — Если промажете, будет не очень приятно, когда вас через несколько секунд выкинет просто так из-за свертывания пространства.

Но Ник и сам уже заметил фиолетовое облако, и это дало ему силы на последний рывок. Он с легкостью пробежал по тонкому трухлявому стволу, вокруг которого пузырилась грязь, явно обладающая свойствами болота, и рыбкой нырнул в туман.

Не было ни вспышек света, ни темноты, ни иных особенностей, просто Никоэль внезапно обнаружил, что стоит посреди палатки, припав одним коленом к земле. Вокруг оказалась знакомая дворцовая галерея и... скалящийся Астор на ступеньках. Кто-то другой мог бы назвать его улыбку

радостной, но не Ник в данный момент. Тем более что за спиной министра маячил вездесущий, казалось, «начальник тюрьмы» кори Ксантар. Вот тот предусмотрительно был серьезен, к его виду не придерешься. Но от этого желание настучать по физиономии и ему, за компанию, меньше не становилось. Мурчиан-вредительниц в поле зрения не наблюдалось. Зато Линк, Корн и Нея буквально лежали на бортиках бассейна, изредка опуская руки в воду и брызгая себе на лицо. Послу очень хотелось бы последовать их примеру, но он собрался, выпрямился и шагнул к Астору. И лишь тогда понял, что в туфлях не хлюпает вода, они абсолютно сухие. Однако торопливо проверенный рукав, к сожалению, остался распоротым, как и брюки.

— Поздравляю, вы замечательно прошли полосу, — первым заговорил министр иностранных дел. Он приблизился сам и похлопал посла по плечу. — Немногие на вашем уровне сложности с первой попытки добираются до озера — кому-то времени не хватает, кому-то ловкости и удачи. Извините, что сразу не поверил в ваши силы и чуть не лишил такого удовольствия.

Удовольствия?! А кто его получал? Ника распирало от невысказанных слов (по большей части — нецензурных), но он понимал, что лучше молчать. Его монолог не поможет составить отчет для белавских чиновников. Вместо этого он вычленил главное:

— Что за уровни сложности? Разве полоса не одинакова для всех?

— Нет, конечно. Полоса по ходу моделируется под физическую форму конкретного лица и постепенно усложняется. Поэтому Нея и Корн бежали вместе по довольно простой трассе, Линк сначала двигался впереди них, но через три четверти часа переместился на усложненный слой, ну а вам досталась, так сказать, верхушка горы. Причем вскарабкались вы на нее сразу и резко, после того как в несколько прыжков выбрались из оврага. Ваши действия были взвешены, проанализированы и соответствующим образом оценены, — объяснил министр.

— А мурчианы? — прохрипел посол, досадуя на несправедливость. Знал бы про дифференциацию сложности, постарался бы немного посидеть в овраге и поковырять стенки для видимости.

— Мурчианы сами выбирают, где и с кем бегать. Под них мы, к сожалению, настроить полосу не можем, — поморщился Астор. — В итоге мой Рыж вечно исчезает на самых сложных участках и периодами ненадолго появляется где-нибудь на прямой. Лентяй!

— Да, взаимодействие отрабатывать сложновато, — согласился кори Ксантар. — Но маги думают над усовершенствованием тренировочной

площадки.

— Она и так весьма неплоха, — выдавил Никоэль, которому по должности полагалось хоть что-то сказать, люди ведь стараются, хвастаются.

— Понравилось? — просиял министр иностранных дел. — Если желаете, вы в любой момент можете повторить этот забег. Хотите?

— Пить хочу, — дипломатично ушел от ответа посол.

— Как, вы разве в озере не нахлебались? — У Астора лицо вытянулось от удивления. — Оно же на длительных тренировках специально почти в самом конце появляется, чтобы дать возможность освежиться и выйти с нормальным самочувствием.

Ник закусил губу. А он знал, что из озера можно пить? На будущее, конечно, запомнит, только он предпочел бы это самое будущее без озера и тем более без полосы препятствий. Как бы еще аккуратно спросить, на всякий случай, стоило ли раздеваться? Парень покосился сначала на фина Астора, потом — на его коллегу и решил, что обойдется без лишних знаний. Там, где один человек спокойно ответит на деликатный вопрос, двое найдут повод позубоскалить.

— Я пойду переоденусь, — сообщил Никоэль, отступая к ступенькам на галерею.

— Вас проводить? — встрепнулся министр. — Хотите я вам по дороге оружейный зал продемонстрирую?

— Спасибо, не надо, — сказал парень и подумал при этом: «Я еще от демонстрации полосы препятствий не отошел. Но кто же знал, что мне придется принять столь активное участие? Эх... Интереснее было бы со стороны посмотреть, как крутится Розн».

— Ладно, в другой раз, — согласился фин Астор. — Отдыхайте, после ужина я принесу карту.

Посол поспешил скрыться, пока ему не предложили еще с десяток экстремальных экскурсий, после которых он будет чувствовать себя такой же загнанной лошадью, вынужденной не только бежать, но и учиться по пути исполнять трюки. Нет, больше он не намерен выступать solo. Да и вообще выступать. Только как бы объяснить белавским чиновникам, что его назначили послом, а не разведчиком? Пусть младший секретарь, например, бежит вместо того, чтобы безвылазно сидеть в комнате!

Мысленно ворча, парень выбрался в коридор, кивком поздоровался с представленным ему накануне министром финансов и, ускорившись, довольно нагло проскочил в дверь перед ним. А что, ему ждать, что ли? За чери Лавретом целая группа секретарей и помощников с бумагами

следовала. Этак ему долго пришлось бы стоять и пропускать всех, а он пить хочет!

Ник готов был к тому, что его окликнут и как минимум пожурят, тем более что этот встреченный тариманец знал белавский язык. Он даже приготовился дать отпор — вскинул голову и зыркнул на министра исподлобья при первом же звуке нарочитого покашливания. Однако задерживаться не пришлось. Видно, было что-то в его взгляде, что убедило чери Лаврета не связываться. Парень и сам понимал: если понадобилось бы, он сейчас был готов с боем прорываться к любому источнику питьевой воды. Настолько вымотанным он еще никогда себя не чувствовал. Хотя надо признать, что к усталости примешивалась гордость, ведь он не опозорился и показал достойный результат. Поэтому Ник не почувствовал негатива и никак не отреагировал, когда возле входа наткнулся на мурчиан, из-за которых ему пришлось побегать по полосе в четыре раза дольше. Даже мирно придержал дверь, давая обоим бандитам проскользнуть на улицу. В том, что они набедокурили не со зла, парень был совершенно уверен. Чувствовал. Теперь бы еще самому понять, как можно чувствовать эмоции животных. Магия, наверное. Или все-таки нездоровое воображение? Иногда так жаль, что у него нет дара...

— Астор, — тем временем обратился кори Ксантар к другу, — а ты не находишь, что посла нам подсунули какого-то подозрительного?

— Почему? — не согласился министр, который, похоже, решил поменяться с начальником тайной канцелярии ролями. Теперь он не понимал, что не нравится приятелю. — Нормальный парень. Видел, как он полосу прошел?

— В том-то и дело, что видел. Нормальному белавскому послу полагалось даже без погружения в магическое пространство оседлать верх реальной стены для малышни и вопить, чтобы его оттуда сняли!

— Ксантар, ты преувеличиваешь. Любой взрослый человек легко перелезет эту стену.

— Да-а? А если вспомнить старшего секретаря второго посла? Он-то навернулся и шею сломал!

— Так он пьян был.

— Предлагаешь провести эксперимент — напоить нынешнего посла и посмотреть хоть пару минут, как он будет бежать? — иронически предложил начальник тайной канцелярии. — Только кто с ним пить будет — ты или я? Сразу говорю, я — пас. Раз уж вампиры не смогли...

— Нет, ну что ты, — запротестовал Астор. — Просто тот погибший

аристократ из высшей знати был.

— А этот кто? По моей информации, приемный сын графа. Самый настоящий высокородный аристократ. Как бы шпионом не оказался.

— Да с чего бы нам прислали шпиона с седьмым-то посольством? К тому же Никоэль, по его признанию, не любит холодное оружие и не носит с собой. К нам логичнее было бы отправить кого-то более воинственного.

— Хотел бы я посмотреть, как он не любит клинки, — задумчиво протянул Ксантар и погладил рукоять своей шпаги. — Думается мне, это было бы стоящее зрелище.

— Только не смей вызывать его на поединок! Он мне живым нужен, — предупредил министр.

— Он и будет живым. От усталости еще никто не умирал.

— От любопытства — тоже. Не трогай посла. Я должен подписать этот договор!

— А я должен делать свою работу и не допускать в страну чужих шпионов, о которых ничего не знаю.

— Что он может разведать без магии? Ты его резерв проверял? Он не маг!

— В том-то и дело, что проверял. Станный он какой-то «не маг». Вроде сначала у него действительно отсутствовал резерв, а вот сегодня я уже не уверен. Были непонятные короткие проблески... Такое ощущение, что парню замаскировали ауру, но не смогли добиться стопроцентного результата.

— Хмм... — задумался Астор. — Ты знаешь, а ведь и мне что-то показалось, когда он с Рыжем сидел, иначе я бы его самого о даре не спрашивал.

— Радуйся, — кисло сказал Ксантар. — Теперь за послом будешь внимательно смотреть не только ты, но и мои ребята.

— А сейчас они как смотрят? — с подозрением вкрадчиво поинтересовался министр.

— Внимательно, но без фанатизма, — поспешил заверить начальник тайной канцелярии. — Если он профессионал, двое за ним просто не уследят.

— Так приставь еще людей! Мало их у тебя, что ли?

— Приставлю, сегодня же приставлю. Заодно попробую придумать, как обеспечить слежку за ним в помещении. Сейчас агенты охраняют его только по пути от дверей до дверей.

— Давай я Рыжа попрошу. Он уменьшится и присмотрит откуда-нибудь из-под кресла или из-под кровати. Или своего разбойника отправь.

Зря, что ли, твой зеленый бандит крутился возле посла вместе с мурчианой министра строительства?

— Кажется, они друг другу не понравились, — взлохматил короткие волосы пятерней Ксантар. — Если Никоэль его обнаружит...

— Даже если обнаружит, все равно не опознает. Ты не забыл, что для иностранцев все наши мурчианы на одну морду? А он во время нашей с ним прогулки по городу должен был увидеть, по меньшей мере, пару десятков зеленых котов и не меньше — других расцветок. Он и не воспримет зверя в качестве разумного наблюдателя, тем более — зверя начальника тюрьмы.

— Опять ты со своей тюрьмой!

— Учти, что вакансия подавателя тапочек все еще свободна.

— Тьфу! Когда ты уже будешь серьезнее?

— Если бы я был серьезнее, я бы уже давно сошел с ума из-за этого договора с Белавией. Мне Рыжа посылать?

— Кронса попрошу, не впервой. Если он заметит что-то подозрительное, то передаст мне образ.

— Хорошо. Держи меня в курсе.

Глава 7

НЕУДАЧНЫЙ ДОПРОС И УДАЧНО ПОДСЛУШАННЫЙ РАЗГОВОР

К вечерней беседе с министром Никоэль готовился особо тщательно. Достал из ларца вещество, вызывающее словоохотливость и эффект сродни небольшому опьянению — чтобы невозможно было сосредоточиться и подумать, — и распылил его в воздухе. Сам же выпил антидот и средство нейтрализующее действие обычного алкоголя. Найденное в комнате вино, оставшееся, скорее всего, от предшественников, тоже сегодня в дело пойдет. Придется пить за компанию, хоть и не хочется. Ник решил отнестись к вопросу выбора участка земли ответственно и узнать все нюансы от компетентного человека. А то потом на упущенном куске окажется на три дерева больше или травы под пастбище на пять метров шире — чем не повод для чиновников Абернана радостно ухватиться за этот факт, чтобы выслужиться и утопить отца? Они-то не знают, что в должность вступил не Нимейн. Но ради королевской милости могут даже не полениться и отправить кого-то из отпрысков или племянников на обследование приобретения. Нет, ошибиться нельзя, не ради себя он старается, слишком многое стоит на кону. А Ларион почему-то вообще ничего не знает! Или просто не торопится делиться сведениями? Надо бы и его допросить с пристрастием.

В кармане Ник припас еще один бутылек с зельем для глаз. Жалко, но без дополнительной порции сегодня не обойтись. Надо бы поглядывать на часы и в зеркало, чтобы, как только время выйдет и коричневый цвет начнет бледнеть, отойти якобы в туалет и исправить положение. Заранее пить второе зелье нежелательно — воздействие почему-то почти сходит на нет, эффект хорошо если час-два держится.

Выполнив необходимые приготовления, парень распластался на кровати. Все мышцы болели, хотелось просто уснуть, а не принимать гостей. Днем, к сожалению, вместо отдыха пришлось потратить время на составление доклада с описанием полосы препятствий для белавского начальства. Дело продвигалось медленно, со скрипом, эмоции мешали сосредоточиться. Никоэль несколько раз вычеркивал лишнее и переписывал заново. Однако непосредственно с отправкой доклада решил повременить до ночи, чтобы приложить и страничку с результатами

переговоров с министром иностранных дел. Если он, конечно, после всего пережитого и выпитого сегодня будет в состоянии дополнять донесение.

Стук в дверь раздался буквально через пять минут.

— Господин посол, вы на месте? К вам можно? — поинтересовался фин Астор.

— Заходите, — пригласил Ник, поспешно вскакивая и поправляя одежду. Главное, чтобы следом не заявились ни Ларион, ни Роэн. Хотя первый вроде не должен и носа казать, пока тариманец не уйдет; голос он наверняка слышал. А второй куда-то пропал, даже в столовую на ужин не спустился. И тем самым отложил тягостный разговор, в процессе которого Никоэлю придется оправдываться, что арест был ложным и бездоказательным, а вампиру — делать вид, что это для него новость, что он уже не выяснил подоплеку неприятного инцидента. Вряд ли удастся обойтись без этого фарса. Эх... Парень тяжело вздохнул и обратил взор на гостя.

— Я карту на столе разложу. Смотрите, — сказал министр, делая приглашающий жест. — Спорный участок заштрихован. Первый вариант размежевания нанесен красным цветом, второй — синим. Но, как по мне, оба хороши.

Ник пытливно изучил линии и, осуществляя свой план, предложил:

— Может, вина?

Не дожидаясь ответа, он подхватил бутылку, ловко выдернул пробку и разлил пьянящий напиток по двум довольно большим стаканам, предназначенным для воды или сока. Предыдущие послы маленькую тару явно не уважали.

— Я не пью, — попробовал протестовать Астор.

— Я тоже. Однако по нашим законам гостеприимства полагается выставить угощение. Начальство наверняка потребует отчитаться, все ли я правильно сделал. И что я скажу? У меня только вино было из съедобного, — слукавил парень. — Если вы, конечно, не хотите угоститься лекарством против простуды или снотворным.

— Где поменьше? — риторически спросил министр, подхватил оба стакана, поднял на уровень глаз, посмотрел на просвет, показательно взвесил и, словно случайно, руководствуясь результатом изучения, взял себе порцию, стоявшую раньше ближе к послу.

Хотя Ник мог бы поклясться, что там вина на полсантиметра больше. Но он понимал, с чем связано представление, сам бы, наверное, поступил так же из соображений безопасности. Стараясь скрыть усмешку, он поднял предложенный стакан и сделал большой глоток.

— Ваше здоровье, — запоздало сказал Ник, проглотив, и отсалютовал.

Министр настороженно изучил выражение его лица и тоже пригубил вино. Видимо, прецеденты с добавлением алхимии в угощение были, если не от белавских представителей, то от иных. Однако Никоэль был уверен, что гость не догадается, в чем подвох. Вино как раз самое обычное, ни одна экспертиза не выявит в его составе лишних компонентов, ни один амулет не отреагирует. Показывая пример, парень сделал еще пару глотков, словно в задумчивости глядя на карту. Астор, заметив, что уровень жидкости в стакане уменьшился вдвое, был вынужден из вежливости тоже пригубить угощение. И только тогда состоялся своеобразный допрос.

— Скажите, а лично вам все-таки какой участок нравится? — задал вопрос посол.

— Никакой, меня от них уже тошнит, — буркнул тариманец. — Чери Трант даже приплатить согласен, лишь бы вы хоть какой-то взяли. А я бы и от себя добавил жалованье за пару месяцев.

Ник опешил. Он не ожидал, что дело обстоит настолько плохо. И как теперь делать выбор?

— А где трава гуще? Деревьев больше? Может, какие-то полезные ископаемые или минералы на участках можно добывать? — быстро спросил посол, пока газообразное алхимическое вещество не выветрилось из комнаты или министр не спохватился, что не к месту разговорился и разоткровенничался.

— Ископаемых нет, а траву с деревьями не считали, у нас этого добра хватает. Берите уже хоть что-то, потому что я скоро взвою, — устало сказал фин Астор и сделал большой глоток.

Пока Никоэль обдумывал следующий вопрос, в беседе образовалась небольшая пауза. И в этой тишине особо четко и громко раздалось:

— Мяу!

Посол с подозрением посмотрел на гостя. Вроде тот взвыть обещал, а не замяукать.

— Мяу! — слышалось повторно, но губы министра при этом не дрогнули.

Та-ак, что-то странное происходит. Кажется, визитеров у него несколько больше запланированного.

— Мя-яу, мя-яу, мя-яу! — Вопль стал еще протяжнее и, казалось, раздвоился. Теперь уже Ник понял, что надо искать не одну, а двоих мурчиан. И как они умудрились спрятаться?

— Извините, по-видимому, за мной Рыж увязался, — вынужден был прибегнуть к оправданиям министр. — Только я не понимаю, почему он

так раскричался... э-э-э... распелся. Тихо! — попытался повлиять на своего зверя тариманец.

Однако ничего этим не добился, разве что временно замаскировал двоящийся звук. Но что толку, если Кронс так и не подумал замолкнуть, словно и не на начальника тайной канцелярии работает.

— Где эти мурчианы? — нагнулся и попытался заглянуть под кровать Никозель. — О! Вражина...

— Чем вам мой Рыж не угодил? — возмутился фин Астор.

— Да не Рыж. А наглая зеленая зверюга, которая не дала мне сегодня вовремя уйти с полосы препятствий!

— Вы его узнали? — изумился министр.

— Естественно.

— В уменьшенном виде и где-то в полумраке, куда не достает свет?

— Так они же все отличаются.

— Ну да, ну да, — покивал Астор и залпом допил вино. После чего как-то хитро махнул руками в сторону, где скрывались мурчианы, и тех, истошно мяукающих, прямо по полу потащило к нему.

Никозель потерял глаза. На какой-то миг ему показалось, что от тариманца к котам протянулась фиолетовая нить, сверкающая в воздухе. Та-ак, кажется, он сегодня сильно переутомился и переборщил с алхимией, следующий раз ему и розовые мыши привидеться могут. Будет теперь знать, что зелье для глаз, состав, повышающий словоохотливость, и вино при смешении имеют побочный эффект с нехорошими последствиями. Эх, весь план насмарку! Но он совсем не учел, что и мурчианы захотят зайти в гости прямо при министре. А на них, как выяснилось, тоже словоохотливость нападает. Вон как вопят!

— Карту я вам оставлю для изучения, а сам, пожалуй, пойду, — сказал Астор, прижимая обоих мурчиан в малой форме к груди. Выглядел он при этом каким-то потерянным, взгляд был расфокусирован и метался с предмета на предмет.

Министр сделал шаг вперед и покачнулся, словно пьяный.

Глядя на гостя, Ник забеспокоился, что навредил своими зельями или вином, не ожидал он такого сногшибательного эффекта. Вроде его алхимический состав и заметить никто не должен, списав все на настроение и глоток вина. Проверено на одном из вредных заказчиков. Но поди ж ты...

— Я вас провожу. — Посол подскочил ближе и ухватил министра за локоть.

— Не надо, сам дойду.

— Вам плохо?

— Мне-то хорошо, мурчианы что-то шалят, — ответил Астор, с трудом ориентируясь в пространстве. Оба кота одновременно пытались поделиться с ним мыслями, посылая картинки, которые быстро чередовались и накладывались друг на друга. Они старались пробиться вновь и вновь и даже принялись шипеть на наглого конкурента, висящего напротив. Голова у министра начала раскалываться, он шел, будто в тумане, продираясь через какие-то препятствия. Смутно тариманец осознавал, что выбрался в коридор, грубо оттолкнув с дороги встревоженного посла и чуть не выломав дверь. Кажется, он не рассчитал сил, и Никоэля снесло от толчка, приправленного магией, чуть ли не к противоположной стене; от грохота деревянной створки, с ускорением распахнувшейся наружу, до сих пор звенело в ушах. Плохо. Кончиком пальца занятой Рыжем руки Астор с трудом нащупал на груди амулет связи и вжал его в кожу. Неудобно, но придется так активировать. Ладно, не впервой.

— Ксантар, — хриплым шепотом позвал он. — Ты мне нужен, немедленно.

Министр практически не запомнил, как спустился по лестнице и пересек вестибюль. И сам ли спустился? Последнее осознанное действие, для которого пришлось сосредоточиться, забрало все оставшиеся силы. Он чуть пришел в себя только на площади возле фонтана, когда кто-то брызнул ему в лицо водой, а мурчианы немного успокоились, вывернулись и спрыгнули на землю. Кажется, они тоже были ошарашены своим поведением. Министр заметил, как Кронс и Рыж дергают хвостами и оглядываются по сторонам, и только после этого поднял глаза на стоящего напротив человека. Это был зел Эдельлайн.

— Меня отправил к вам кори Ксантар, — сказал тот. — Вы хорошо себя чувствуете? Сможете дойти до его кабинета?

Астор уверенно кивнул, ему и в самом деле стало намного лучше.

— А вас не интересует, что случилось? — удивился он.

— При нашей работе это не тот вопрос, который стоит задавать, — усмехнулся Эдельлайн. — Если начальник сочтет, что мне нужно знать, он сам сообщит в деталях или пригласит послушать. Точно дойдете? У вас был такой вид...

— Спасибо, уже все в порядке.

— Буду надеяться, потому что за вами должок в виде поединка мастерства. Богиня указала на вас, я до сих пор вижу тянущуюся к вам зеленую нить. Мой долг перед Аридан не исполнен, а я не привык тянуть, мне неприятности ни к чему.

— Тогда завтра на рассвете, пока посол будет спать?

— Замечательно, я подойду на тренировочное паладио. Спасибо.

— Не за что, — отмахнулся министр. — А мне давненько Богиня лично не указывала на достойного противника, поединок с которым хочет оценить. Может, дуэль с вами зачтется? Все-таки внимание высших сил — это такая вещь...

— Вы и без того из-за предыдущих послов провели столько боев, что у Аридан была возможность даже пресытиться вашим видом.

— Это да, — согласился Астор, но рассуждать не стал на такую-то тему — опасно. Да и не обязательные дуэли сейчас волновали его больше всего, проблема была гораздо необычнее и острее. Поэтому он немного рассеянно сказал слова прощания: — Ладно, до встречи, — и, развернувшись, направился во дворец в кабинет друга, с которым срочно хотел поговорить.

— Кронс! Ты же был послан на разведку! — с порога услышал он, как только постучался и приоткрыл дверь. Ксантар и не думал замолкнуть при его появлении. — Что ты устроил в посольстве?

— Я или он? — Астор указал пальцем на зеленого, под цвет листвы, представителя кошачьих. Тот успел добраться до дворца раньше.

— Оба! — рявкнул начальник тайной канцелярии. — Наблюдатели ничего не поняли.

— Я и сам, надо признаться...

— Но я надеюсь, что ты, в отличие от Кронса, хоть какие-то подробности в состоянии рассказать. Ты пришел к послу, выпил... Зачем, кстати? Потом Никоэль заглянул под кровать, ты сгреб в охапку обоих мурчиан, отшвырнул посла так, что не всякий белавский неженка после такого встал бы, бегом вылетел в коридор, едва не снес дверь и позвал меня жутким голосом. Чего я не знаю?

— Посол сильно пострадал?

— Сложно оценить его состояние по внешнему виду. Ты не отвлекайся, давай о главном.

— Я и так о нем! Если я покалечил посла...

— ...Ты просто извинишься утром. Рассказывай! Потому что если я тебя от нетерпения стукну, то даже через год не извинюсь.

— Мы с Никоэлем общались и пили довольно неплохое вино, когда внезапно мурчианы словно сошли с ума — начали мяукать, выдавая свое местоположение, — четко доложил министр, выделив главное. — Скрывать их было бесполезно, поэтому я подтянул обеих к себе. Это стало моей ошибкой. От быстрой смены образов — какой-то поляны, чердака и стаи

разлетающихся голубей — у меня помутилось сознание. Мне еще никогда не приходилось принимать столь интенсивный поток бесполезной информации, причем из двух источников сразу. Это просто кошмарно!

— Посол в образах фигурировал?

— Нет, людей вообще не было. Однако Рыж был в эйфории от каких-то приятных эмоций.

— Тысяча драконов! Валериану этот посол в комнате разлил, что ли?

— Специально?

— А кто его знает! Чем-то он действительно брызгал.

— Так, может, выдвинуть обвинения и попросить объясниться?

— Ага, и выяснить, что это были безобидные, на взгляд белавца, духи? Да даже если он действительно валериану распылил, что ты ему предъявишь?

— Никоэль не выглядит любителем парфюмерии.

— И что с этого? Мы не можем настоятельно рекомендовать послу ничем не обрабатывать собственную комнату, потому что нам следить за ним неудобно! Эх, видимо, про возможности мурчиан белавцы все-таки прознали и приняли меры. Ты-то себя нормально чувствуешь?

— Как обычно, — пожал плечами Астор. — Вино мне ничем не навредило. Если бы было иначе, я бы понял по поведению магических потоков в организме.

— Значит, завтра лучше даже не заговаривай о мурчианах, а то в итоге виноватыми все равно окажемся мы.

— Не учи меня дипломатии, сам знаю. Доступ в помещения посольства по идее должен быть только по приглашению, за защиту от незваных гостей мы отвечаем. А мурчиан Никоэль в дверь точно не запускал.

— Плохо, что дальнейшее наблюдение придется вести по старинке — издалека, с помощью агентов, от взгляда которых можно отгородиться простыми шторами, — вздохнул о своем Ксантар. Он наклонился, погладил Кронса, чтобы показать, что уже не сердится, и отошел к окну. Там мужчина пытливо посмотрел наружу, на виднеющийся угол здания посольства. Комната посла, к сожалению, выходила окнами совершенно в другую сторону.

— Ты справишься. Лучше подскажи, как узнать о самочувствии Никоэля, не насторожив его. Сходить извиниться? — предположил министр.

— Думаешь, от твоих извинений послу лучше станет?

— Это вряд ли. Зато мне станет спокойнее. Вдруг перелом?

— Астор, ты не врач, успокойся. Посол не истечет кровью — это главное, хуже уже не будет, — уверенно сказал Ксантар.

К сожалению, начальник тайной канцелярии был не прав. Просто он не владел полной информацией, а потому не мог реально оценить ситуацию. Даже сам Никоэль пока не понял, насколько скверны его дела. Нет, переломов он избежал, однако сильно врезался лопатками в стену и ушиб затылок. Перед глазами замельтешили звездочки, которые и превратились в большую проблему... минут через пять. Присев на кровать, чтобы прийти в себя, парень внезапно понял, что белые точки перед глазами и не думают исчезать. Они лишь немного поблекли и сместились на периферию зрения. Видеть они не мешали, даже странным образом делали контуры предметов, различаемых краем глаза, четче и контрастнее. Настораживало также и другое — три белые нити разной толщины, тянущиеся от его сердца куда-то вдаль, сквозь стенку комнаты. Никоэль даже попробовал пощупать их пальцами, но не преуспел в этом. Что за странная галлюцинация? Что с ним? Эх, доигрался с алхимией. Но почему? Он же все проверял, ни одно его зелье точно не имело побочных эффектов. Наверное, виновато все-таки сотрясение мозга. Можно выпить соответствующее лекарство, но он не был уверен, стоит ли это делать. Нет, лучше пока просто лечь спать, утра вечера мудренее. Он слишком устал сегодня, чтобы разбираться с возникшими проблемами.

Никоэль скинул рубашку, аккуратно повесил ее в шкаф, случайно опустил взгляд вниз, на днище, и замер. С небрежно брошенной кольчугой вроде все в порядке, а вот со шпагой... Что за странные белые круги вокруг эфеса? И опять три! Так дело не пойдет, надо сегодня меньше смотреть по сторонам. Парень резко захлопнул дверцу шкафа и повернулся к нему спиной. Подкрепляя мысли действиями, он плотно задернул шторы, не оставив и щели, потом быстро подпер ручку входной двери креслом, отправил написанный ранее отчет о полосе препятствий — дополнять его пока не стал — и разобрал кровать. Спать, спать, спать... И пусть хоть десяток мурчиан марширует вокруг!

Никоэль не учел только одного: невозможно спать, когда посреди ночи в вестибюле раздается непонятный грохот — любопытство пробуждается первым и начинает настойчиво будить усталый организм. Так что пришлось в кромешной темноте с трудом отдирать себя от матраса, борясь с ноющими мышцами, которым даже в столь поздний час не было покоя, и спешно натягивать штаны. А потом он и про шпагу вспомнил. Угрозы и попытка убийства ему точно не приснились, шуметь мог преступник, у

которого сорвалось новое покушение, поэтому Ник был вынужден вооружиться.

Босиком, с растрепанными волосами посол выбрался в коридор, тихо прикрыл за собой дверь и напряг слух и зрение. Ему не хотелось бы наткнуться в таком виде на кого-то из знакомых, лучше вовремя обнаружить людей и понаблюдать тайком из-за угла. Даже спросонья Ник помнил про свой недостаток: белесые глаза, которые могут ужаснуть любого, ведь дополнительное зелье он вчера так и не выпил — фин Астор ушел раньше, чем он рассчитывал.

Когда впереди стало чуть светлее, Ник двинулся еще осторожнее, крадучись. Похоже, внизу, в вестибюле, кто-то из магов создал небольшой осветительный шар, поленившись дойти к выключателю стационарных люстр, или же просто ночные визитеры не хотели привлекать внимание других обитателей посольства. Да и голоса начали звучать все явственней...

— Роэн, больше вы времени для шпионажа не нашли? — со сдержанным возмущением спросил фин Астор на тариманском.

— Для вечернего променада, а не для шпионажа, — хриплым голосом поправил вампир. — У меня бессонница. Вот, воздухом подышать вышел.

— Да? У четверых ваших подчиненных по странному стечению обстоятельств тоже бессонница? И гулять вы впятером предпочитаете исключительно по стенам и крышам, в обход караула? — со злой иронией поинтересовался тот, кого Никоэль опознал как кори Ксанта — «начальника тюрьмы».

— А что такого? Мы с ребятами любим... любили залезть повыше. Тренировочное паладио в темноте неотличимо от дворцовой площади. Мы компас с собой не брали, — предпочел ни в чем не признаваться Роэн. Хотя его оправданиям не хватало правдоподобности, а голосу — убежденности.

— И полазить любите, и побегать, и поплавать, — ехидным тоном перечислил начальник тайной канцелярии. — Да?

— Уже как-то не уверен. На плавание и такой бег мы точно не рассчитывали, — тихо признался вампир.

Никоэлю пришлось напрячь слух до предела, так как до верхней площадки лестницы, утопающей в полумраке, звук доходил плохо — некоторые слова тариманского языка распознавались с трудом. Парень спрятался в боковой нише, практически зажатый плоскостью стены с одной стороны и простенькой статуей мурчианы на пьедестале — с другой. Опасно, конечно, могут заметить, но в коридоре за углом слышимость вообще никакая, да и глянуть вниз, как отсюда, невозможно. А посмотреть

было на что.

Роэн распластался на диванчике, черным пятном выделяясь на фоне светлой обивки. У его ног на полу валялись, похоже, двое подчиненных. По примеру начальства они также были одеты во все темное и совсем не двигались: то ли настолько вымотались, то ли не хотели переключать на себя внимание тариманцев, а потому имитировали беспамятство. Перед мартнаильцами, нависая, стоял кори Ксантар в сером, чуть дальше — фин Астор, сверкая белой рубашкой. Рядом с ним переминались шестеро гвардейцев, которых оказалось легко идентифицировать по одинаковым позам и четкому построению на равном расстоянии друг от друга. Но сильнее всего притягивали взгляд пять испускающих блики в свете магического шара шпаг, несколько кинжалов и аккуратно расправленная толстая кольчуга, слишком тяжелая и заметная для скрытого ношения простым дипломатом. Видимо, что-то из этой кучи временно конфискованного металла случайно выпало из рук переносчиков, вызвав грохот, разбудивший Никоэля. Как бы еще и плитка на полу при этом не треснула... А то с утра придется изображать любопытство и разыгрывать целое представление.

— Роэн, чем вы думали, забираясь на полосу препятствий посреди ночи? — вежливо, в отличие от друга, упрекнул Астор. — В темное время суток туда могут отправляться только хорошо сработавшиеся отряды людей с одинаковым уровнем подготовки, неплохо изучивших все препятствия в дневное время. Вы могли просто попросить! Мы бы устроили вам экскурсию, как Никоэлю Иберникскому. Как мы теперь объясним вашему повелителю гибель двух ваших товарищей?

— Я сам объясню, — глухо сказал мартнаилец. — Я не ожидал, что мы с ними потеряем друг друга из виду. Вы уверены, что они мертвы?

— А на что вы надеялись? — устало вздохнул Астор, которому нынче послы являлись не только днем, но и по ночам, причем, наверное, уже не столько наяву, сколько в непрекращающихся кошмарах. — Вы с начальником охраны и старшим секретарем попали на средний уровень сложности, а двое погибших — в легкую вариацию для взрослых. Однако это им не помогло.

— Там и еще более тяжелая вариация есть?! — искренне ужаснулся Роэн.

— Есть. Но, надеюсь, вы воздержитесь от дальнейших экспериментов с полосой, мы и так еще не установили причину гибели ваших подчиненных. Магам пришлось очень постараться, чтобы вытащить выживших без погружения в иное пространство, — пояснил Астор.

— Один, тот, что был в кольчуге, точно увяз в зыбучем песке, — сообщил Ксантар. — Я сам видел, но не успел ничего сделать: кто-то любопытный и не слишком умный сбил настройки своей магией и сделал возможной реальную гибель. Вы не знаете, кто это такой был?

— Понятия не имею, — нагло заявил вампир и сел, выпрямившись.

Однако выглядел он все равно жалко. Даже издали Никоэль заметил множество прорех на его одежде. И это еще кровь на темном фоне не выделялась! Интересно, а лекарю-то Роэна показали, прежде чем отчитывать?

— Я отправлю вашему повелителю официальную жалобу, — сообщил министр иностранных дел.

— Ваше право. Хотя я просто гулял.

— Вы гуляли, ваши люди гуляли... только почему-то тайком, раз ни гвардейцы, ни мурчианы никого не почували!

— Вы же понимаете, что повелитель согласится с моей версией событий, — спокойно сказал мартнаильский посол. — Стоит ли переводить бумагу?

Начальник тайной канцелярии вопросительно посмотрел на возмущенного Астора, но тот лишь неопределенно пожат плечами. Откуда он знает, стоит или нет. Но хоть выскажется в письме, выпустит пар. Как же его все достали! Уже вторую ночь не дают нормально выспаться. Сначала Ксантар поднял его за час до рассвета, чтобы сообщить о гибели котят, потом мартнаильцы удружили буквально через час после того, как он лег. А ведь на восходе у него назначен поединок мастерства с зелом Эдельлайном! Драконы побери! Ему уже какие-то белые крапинки мерещатся! Да и появившаяся фиолетовая нить, указывающая волю Богини, не радуется. Почему она в пятнышках? Странно, очень странно. Но от недосыпа, когда глаза буквально сами закрываются, магические элементы еще и не в таком виде могут привидеться. Эх, почему взор Богини упал именно на него? Неужели ей мало тех боев, в которые пришлось вступить из-за белавских послов? Астор расстроился окончательно. У него нет времени отслеживать противника по нити по всему городу! Обычно Аридан к нему более милостива, сам он последний раз разыскивал выбранного ею человека лет шесть назад.

— Ладно, давайте расходиться, — тяжело вздохнул министр иностранных дел. — Не хватает еще белавского посла шумом разбудить! Если и он решит посреди ночи совершить променады от бессонницы, даже без вредительской цели, я этого не переживу.

— Да он после вашей полосы должен спать без задних ног, — заметил

Розн, с кряхтеньем вставая на ноги.

— Он ее вообще не должен был пройти на самом сложном уровне, — поправил Астор. — Но ведь прошел! Поэтому все тихо расходимся.

Усталый министр не заметил, как мартнаилец начал хватать ртом воздух в крайней степени изумления — кажется, он очень хотел высказаться, но профессия не позволяла использовать слова, которые приходили на ум и были выучены отнюдь не по книгам. Зато это заметил Ксантар и усмехнулся. Похоже, в ближайшее время новых неприятностей от Розна ожидать не стоило — тот будет слишком занят, пытаясь раскусить личность белавского посла. Интересного типа им прислали. На первый взгляд простой, честный и добродушный паренек, а как присмотришься... Странное для аристократа поведение, странные проблески магии, странная благосклонность мурчиан, странные привычки...

— А могу я завтра вместе с Никоэлем прийти днем посмотреть на работу полосы? — наконец сориентировался и наметил план действий Розн.

— Хотите добежать до конца? — спросил Ксантар, удивляясь чужому безрассудству.

— Я, честно говоря, не очень, а вот понаблюдать за белавцем...

— Подходите ко мне, как договоритесь, — обнадежил Астор, который и сам не возражал против того, чтобы еще раз увидеть Иберникского в деле. — На рассвете у меня дуэль, но потом я абсолютно свободен.

Подслушивающий разговор Никоэль отметил, что завтра ему бы лучше обходить вампиров по широкой дуге, да и от знакомых тариманцев на всякий случай держаться подальше. В качестве зрителя он бы тоже поучаствовал, однако в качестве скаковой лошади — увольте! Решено: завтра он берет с собой Лариона, даже если придется вытаскивать его из постели за шкурку, и еще на рассвете, до появления Астора, идет осматривать город. Или можно взять лошадей и выехать за стену, травку пособирать для зелий. А секретарь пусть на свежем воздухе подробно доложит о действиях предыдущих послов и вспомнит, какой участок выбирали его прежние начальники.

Никоэль тихо выбрался из ниши и спиной отступил обратно в коридор. Натруженные накануне мышцы отозвались болью, но, как ни странно, в целом после часа сна он чувствовал себя сносно. Только белесые нити никуда не делись. А одна из них вообще упиралась в грудь Астора! В связи с этим парня начали мучить нехорошие предчувствия. Это явно должно что-то означать. Но что? Информации слишком мало, надо все-таки побеседовать с секретарем, так как он тут дольше находился. И хорошо бы

еще с кем-то из местных об этом поговорить... Никоэль замер. Ему неожиданно пришла в голову мысль, что он подозрительно хорошо понимает речь тариманцев, все лучше и лучше с каждым разом, хотя язык учил не очень тщательно, а по приезде сюда совсем не занимался и ни разу словарь не открывал. Чудеса.

Хмуря брови, парень зашел в комнату, аккуратно прикрыл за собой дверь и сел на кровать. Ситуация ему не нравилась. Во что он влип? Даже при дворе Абернана все было просто и понятно, главное — надо было держать себя в руках и не реагировать, как ожидают, на оскорбления. Там все были врагами, а тут... Приятелями? Хорошими знакомыми, не желающими ему вреда? Но с такими приятелями и врагов не надо! Не хочет он еще раз на полосу препятствий, не хочет. И без того странно, что он продержался до конца. Да и проблемы со зрением очень тревожили.

Никоэль распластался на кровати поверх одеяла и прикрыл глаза, выстраивая план действий на ближайшее будущее. Он и сам не заметил, как опять отключился. И уж тем более не заметил, когда в комнате стало на три живых существа больше. Они тихо прокрались через крохотную форточку и нагло захватили свободное пространство на матрасе. Опять! Словно решили, что так и надо, что мнение человека ничего не значит.

День накануне был тяжелым, начало ночи — тревожное и любопытное, поэтому парень запросто мог бы и до завтрака проваляться в отключке, но ему не дали это сделать. Едва тьма в комнате начала рассеиваться, черный зверь потянулся, чуть увеличился до размеров взрослого кота и запрыгнул послу на живот. Еще и мяукнул при этом. Словно знал о планах обитателя апартаментов и считал своим долгом позаботиться о том, чтобы тот не проспал.

И какой тут сон, если по тебе топчутся? Естественно, что Никоэль встал, мимоходом порадовавшись, что прошлым утром погибли явно не его гости. Визиту мурчиан через форточку он уже не удивился. Впрочем, если бы он подсознательно не хотел еще раз увидеть вблизи необычных котов, точно не забыл бы с вечера устранить все щели. Гораздо большее удивление вызвал тот факт, что ни одна мышца совершенно не ныла. Парень специально прошелся по комнате, присел, сделал пару наклонов для проверки... Чудеса! Но тем легче будет осуществить сегодняшние планы.

Пока посол умывался и приводил себя в порядок, мурчианы успели удалиться восвояси. Никоэль остался в одиночестве и задумался: что лучше взять с собой? Зелья в Таримане его как-то подводят, если вспомнить вчерашний случай. Рискнуть и прихватить шпагу? Астора-то рядом для

защиты не будет. Да, наверное, придется. Он достал клинок из шкафа и приладил ножны к поясу, стараясь чересчур пристально не глядеть на оружие, на котором с ночи так и не исчезли необычные светящиеся кольца вокруг гарды. Авось на дуэль не вызовут. В конце-то концов, на нем ни должность, ни возраст не написаны, незнакомцам он вполне может соврать, что несовершеннолетний и по законам своей страны не имеет права соглашаться на смертельный поединок. А поражение в поединке мастерства или мелкую рану в поединке доблести уж как-нибудь перенесет и вылечит.

Выпив зелье для глаз, парень отправился будить Лариона, заранее радуясь своей маленькой мести за то, что так называемый подчиненный самоустранился от дипломатического процесса. Надо бы с ним поостроже. Вот сегодня и начнет! Ник громко побарабанил кулаком в дверь, но, не дождавшись быстрого отклика, принялся стучать непрерывно, как дятел. Лучше побыть дятлом, чем жертвенным ягненком, который не успел вовремя удрать. Ему не вывернуться, если и Астор, и Роэн, и Ксантар одновременно примутся крутиться вокруг и сообща опутывать паутиной долга, завлекая в ловушку.

— Кто там в такую рань? — наконец раздался голос за дверью. Тон был недовольным, но на всякий случай Ларион не рискнул нагрубить ни одним словом.

— Послы мы, — бодро ответил Никоэль, имея в виду себя и странных белых мушек, продолжающих мельтешить где-то на периферии зрения. В малоподвижном состоянии, вот как сейчас, он непроизвольно пытался к ним приглядываться.

— Как шли, так и идите, я-то тут при чем? — пробурчал секретарь, явно не расслышав и не поняв спросонья. Но раз отвечают не на тариманском — значит, можно расслабиться.

— Так я не один хочу пойти, а вместе с тобой, — усмехнувшись, сказал парень. — Одевайся, я жду.

— Никоэль? У меня насморк, — сразу загундосил Ларион, явно пытаясь избежать выхода в свет.

— Вот и хорошо. Подышишь воздухом на природе — сразу пройдет.

— Мне же отлежаться надо...

Однако посол оказался непреклонен. Ему-то удрать из города надо, а не отлеживаться в комнате. К сожалению, в повальную простуду, одолевшую всех белавцев, Астор вряд ли поверит. А если поверит, тут же пришлет врача, еще и сам в сиделки напросится. На полосу его тогда точно не погонят, но измотают нервы так, что через пару часов он добровольно

запросится на тренировочное паладио, предпочтя компанию комаров. Их хотя бы убивать безнаказанно можно.

— Ларион, или мы идем гулять вместе, или ты сегодня по моему поручению идешь в одиночестве наблюдать за тренировкой гвардейцев на паладио и пишешь отчет. Мне от начальства как раз пришло соответствующее поручение, — прибегнул к шантажу Ник. — Так что ты выбираешь?

— А шпионить кто тогда будет? — предусмотрительно поинтересовался секретарь, чтобы не оказалось, что эта миссия так и останется ему.

— Сам схожу, потом, — тяжело вздохнул парень. — Мне надо пройти, морально подготовиться.

— Сейчас соберусь, минутку, — тут же быстро согласился хитрец.

И куда только гнусавые нотки в голосе подевались! Явно ведь зажимал нос рукой для достижения соответствующего эффекта.

Но Никоэль не стал выяснять отношения. Составит компанию — и хорошо, так безопаснее. Добровольно от него Ларион не отойдет, а двоих вряд ли решат заманить в ловушку, в прошлый раз наемники подождали, пока Астор отвлечется. Хотя да, министр опасный противник, его не всякий захочет задеть, секретарь же выглядит не очень боеспособным. Однако он ведь должен уметь фехтовать, как и всякий аристократ. Слабые дуэлянты при дворе Абернана не задерживаются и выгодные должности не получают. Интересно, а ему самому как послу положено жалованье? На дорогу и обустройство ничего не прислали, жлобы. Надо будет намекнуть Триану, что за работу надлежит платить, а без денег нет и результата. Хотя тут его и кормят, и поят, и... э-э-э... раздевают, — вспомнил он испорченную на полосе одежду.

— Эй! — еще раз стукнул по двери Никоэль. — А лошади у нас при посольстве есть?

— Полная конюшня, — ответил Ларион, распахивая дверь. — От предыдущих послов и их сопровождения остались. Хотите буланую оседлают, хотите — пегую.

— А черная, вороная есть? — неожиданно для себя спросил Никоэль. И с каких пор он полюбил этот цвет?

— Думаю, найдется. Куда мы?

— На загородную прогулку, — ответил Ник, окидывая взглядом худую помятую физиономию секретаря и в то же время идеально отглаженную рубашку со свободно болтающейся поверх жилеткой. Да, на эти кости не всякая собака позарится, а уж тариманцы тем более сочтут зазорным даже

пальцем тронуть такой скелет — вдруг развалится? Защитник из него... Но другого, к сожалению, нет и не предвидится. Сам справится! Нельзя же все время прятаться за спину Астора, Ник так себя уважать перестанет. Да и не верит он, что за ними не отправят никого тайком присматривать. Он бы отправил. Так пусть работают, пока он отдыхает от людей... и вампиров.

Глава 8

ДУЭЛЬ ЗА ДУЭЛЬЮ

Выбраться из города оказалось проще, чем полагал Никоэль. Лошадей оседлали без вопросов, народу на улицах — и пешеходов и конных — было в такое время не очень много, все спешили по своим делам. По секретарю взгляды прохожих скользили не задерживаясь, а вот к послу некоторые присматривались довольно пристально, заставляя напрягаться. Но, к счастью, никто так и не попытался догнать и приблизиться для вызова.

— Зря, наверное, шпагу взял, — проворчал Ник за городской стеной, высматривая вдоль широкой дороги уютную полянку или еще лучше тропку, которая выведет в живописный уголок, приятный для отдыха.

— Аристократ не должен выходить из дома без оружия, — возмутился Ларион. — А вы — тем более! Посол должен выглядеть грозно и представительно. Меня предупредил курьер, что будет много дуэлей, а вы...

— А я не нахожу их необходимыми! — отрезал Ник.

— Но месть за предшественников во имя Белавии!..

— За что? Я не судья, чтобы выносить приговоры.

— Почему вас до сих пор никто не вызвал? — не успокоился Ларион.

— Тебя, между прочим, тоже, — тяжело вздохнул Никоэль, жалея, что вообще рот открыл. Не понимал он этого молодого идеалиста, секретарь начал его раздражать. Накаркает еще! Парня и без того беспокоили последствия удара головой о стену, которые и не думали проходить. И если белые крапинки на периферии зрения ничуть не мешали, он их и не замечал, пока специально не сосредотачивался, то три нити, отходящие от сердца в разные стороны... С магом бы посоветоваться о них, а лучше — с отцом.

Вскоре посол заметил по правую сторону от дороги фиолетовые мелкие соцветия, остановил лошадь и спешил под недоумевающим взглядом секретаря. Ларион явно не относился к любителям пикников и природы.

— У меня тут сбор гербария, слезай, — сказал Ник.

— А мне что делать посреди поля? — возмутился подчиненный. — Мой удел — чернильница и письменный стол.

— Все это как раз есть под боком фина Астора. Хочешь пообщаться с

тариманцами? Или все-таки предпочтешь без лишних ушей рассказать мне, что думали предыдущие послы по поводу участков земли?

— Расскажу! — торопливо выкрикнул секретарь. — А... а может, лучше о тариманской моде?

— Зачем мне? Я о ней не знаю и знать ничего не желаю. О границах давай.

— А я о границах ничего не знаю. Послов они не очень интересовали.

— Тысяча драконов! Это же их главная задача!

— Так до нее руки ни у кого не доходили. Все останавливались на первой задаче — произвести хорошее впечатление, — пожал плечами Ларион.

— И когда они собирались начинать?

— Что начинать?

— Хорошее впечатление производить.

— Издеваетесь? С первого же дня!

— Не издеваюсь, а недоумеваю, — спокойно ответил Никоэль. — Впечатление-то послы действительно произвели, только не хорошее, а незабываемое.

— А в чем разница? — нахмурился секретарь, хотя в его исполнении такая гримаса выглядела смешно.

— Разница в том, что в соответствии со сложившимся стереотипом от меня ждут пьянства, опозданий, гордого вскидывания головы и дуэлей в защиту аристократической чести, — откровенно выложил Ник.

— Послы не пили, а слегка выпивали! — возмутился Ларион. — И слегка опаздывали, и...

— Стоп. Я понял, — тяжело вздохнул парень, жалея, что вообще начал разговор. У него была надежда, что отнюдь не задиристый аристократ, почти ровесник, поймет его, но зря. Тяжело находиться на чужбине, не имея рядом ни одного единомышленника. Да у него с фином Астором в итоге отношения лучше, чем со своими соотечественниками!

— Послами назначали очень достойных военных и аристократов, — все равно счел своим долгом пояснить секретарь.

— А какие проекты они вообще планировали разрабатывать, о чем собирали информацию, неофициально договаривались с тариманцами? — попытался зайти с другого бока Никоэль. — Торговые соглашения? Программы культурного обмена? Совместные проекты и исследования? Над чем велась работа?

— Я же говорил — над впечатлением! Мы не должны предстать народом, о который можно вытирать ноги, который будет терпеть...

Ник закашлялся, не дослушав. Получается, до этого они закрывали глаза на несколько десятков убитых исключительно от излишней занятости? Да ну к драконам такую дипломатию!

Парень быстро привязал лошадь к небольшому одинокому деревцу, попросил секретаря подождать там же и направился рвать соцветия, необходимые ему для очередной партии зелья для глаз. Надо пользоваться, пока можно собрать ингредиент самому, вместо того чтобы заказывать его с наценкой через посредников. Хоть один холщовый мешочек наполнит — уже выгода. Он сосредоточился на обрывании лепестков, перестав обращать внимание и на Лариона, и на следующих чуть в отдалении по дороге всадников, и на телеги, и на начинающее припекать солнце. Отвлёк его только громкий шепот, через некоторое время прозвучавший под деревом, где ждал скучающий подчиненный:

— Любезный, я не очень помешаю, если отвлеку твоего приятеля на полчаса?

— Не понимаю, — тихо пробормотал секретарь. — Обращайтесь к нему, он посол Белавии.

Ник поднял голову и успел заметить нацеленный на себя палец. Радовало одно: лицо стоящего возле Лариона тариманца было незнакомо, это не фин Астор, не кори Ксантар и не кто-то из людей, с которыми он встречался на приеме или в коридорах дворца. Но был и факт, изрядно озадачивший парня и заставивший насторожиться: одна из нитей, отходящих от его груди, упиралась прямо в грудь новоприбывшего. Что бы это значило? Никозль не знал, но предчувствовал, что ответ ему не понравится.

— Вы не могли бы ненадолго отложить свои дела? — на тариманском попросил незнакомец, быстро сокращая расстояние между ними. Поводья своей лошади он бесцеремонно сунул Лариону и только хлыст вертел в руках, не зная, куда пристроить. В принципе человек выглядел не бандитом каким-нибудь, а добропорядочным горожанином, если это понятие можно применить к личности со спортивной мускулистой фигурой, к тому же при шпаге на боку. Но тариманцы все отнюдь не хилые. А этот даже ростом был почти вровень с Никозлем, хотя и постарше на десяток лет.

— Зачем откладывать дела? — подозревая будущие неприятности, спросил посол.

— Ну как же... Богиня выбрала нас. Причем дала указания обоим, а это большая редкость, — принялся сбивчиво объяснять незнакомец. — Хотя я думал, что ищу соотечественника, а вы, судя по легкому акценту, иностранец.

В воображении Ника возник образ алтаря и распластанного на нем тела с кинжалом в сердце. Иначе он просто не представлял, зачем высшее существо может кого-то выбрать. И вообще, он-то ни в какую Богиню не верит и никаких указаний не получал! Как бы теперь поддипломатичнее сообщить об этом тариманцу, чтобы не раздуть международный скандал на религиозной почве?

— У меня этих указаний... — с нарочито усталым видом вздохнул Никоэль. — Конкретнее, о каком из них речь?

— Неужели у вас так много сплошных, а не прерывистых нитей? — округлил глаза незнакомец. — Это как же надо было разгневать Богиню долгим воздержанием от поединков, раз она не дала вам права самому определять место, время и противника?

Вот после этих слов Ник начал догадываться, о чем идет речь, и даже скосил глаза вниз, чтобы убедиться: три белые нити с коричневыми почему-то крапинками никуда не делись и не поблекли, а одна, наоборот, даже засияла ярче. Но он же не поклоняется Богине тариманцев и даже близко ни к каким храмам не подходил! В недоумении парень постарался вспомнить, когда и чем мог разгневать местное божество. Неужели не надо было пытаться вызвать фина Астора на откровенность нечестным путем? Да ну, бред. Другие послы наверняка вообще напропалую ввали, преувеличивали и изворачивались, чтобы выведать нужную информацию, не сообщив ничего важного в ответ. Хотя... Они ведь долго и не прожили после этого. Однако не может быть, чтобы местная Богиня имела власть над чужеземцами! Иначе Тариман был бы уже господствующей державой на материке, а он в реальности ничем особенным не выделяется — ни в экономике, ни в культуре, ни по влиянию. И это несмотря на то, что в физическом плане большинство граждан Белавии слабее здешних жителей и не способны оказать существенного сопротивления, последняя война сие наглядно показала.

— Так вы согласны на поединок мастерства? — не выдержал долгого молчания незнакомец. — Извините, если у вас были другие намерения, но я полагаю, что нам нечего делить и не перед кем красоваться, чтобы усложнять задачу и устраивать поединок доблести. Или вы сегодня уже утомились и предпочитаете перенести дуэль на другой день? Я в полном вашем распоряжении в любое время, не занятое на службе. Хотелось бы быстрее исполнить волю Богини. Назначьте удобное для вас место и время.

Тариманец был многословен, настойчив и, по-видимому, отличался завидным упрямством, поэтому посол понял: явно не отстанет, пока не добьется своего. Драться-таки придется. Но как же не хотелось... Однако

надо соглашаться, пока не поссорились в процессе уговоров и не довели дело до более опасного вида поединка. Хоть не до ран и рек крови сражаться будут. Только дуэли во имя чести ему не хватало! А ведь плохо знающие тариманский язык предыдущие белавские дипломаты наверняка сами заявляли о готовности защитить честь...

— Я вполне могу сейчас выделить время и сразиться, — сказал Никоэль. — Вас же устраивает данная поляна?

— Да. Замечательно! — обрадовался противник. И просто назвал свое имя, без всяких поклонов и расшаркиваний, как поступил бы любой белавский аристократ: — Зовите меня чери Биарн.

— Никоэль Иберникский, — представился парень, присматриваясь к противнику. Он только сейчас понял, что у тариманца не просто широкие темные брови, шире их делает черная полоса, проведенная жидкими тенями. Но почему тогда точки на более яркой нити коричневые? На всех трех нитях.

— Приступим? — спросил чери Биарн, отбрасывая хлыст в траву и обнажая шпагу. Сразу нападать он не стал — дождался реакции Никоэля.

Парню пришлось аналогично отбросить холщовый мешочек с соцветиями и предупредить Лариона:

— Не вмешивайся!

— Мне как секунданту и не полагается... — начал было секретарь.

Однако посол его не дослушал. Он немного позабытым движением вынул шпагу из ножен и слегка взмахнул ею, заново принаравливаясь к весу и балансировке. Странно, раньше клинок казался ему тяжелее. Впрочем, это неудивительно, ведь он был младше и слабее. Тело само вспомнило правильную стойку — отец учил на совесть. Одежда, к счастью, тоже не стесняла движений и не мешала. Это плохому танцору даже ноги мешают, а Ник не считал себя совсем негодным фехтовальщиком, хуже отца — да. Он легко отразил первую атаку тариманца и улыбнулся. Фу-ух... Местная Богиня явно не желала его смерти, ведь противник владел шпагой вполне хорошо, но не на уровне мастера, годами оттачивающего каждое движение. Парень даже почувствовал, что, напрягшись и чуть ускорившись, может в любой момент закончить поединок. А потому расслабился и принялся фехтовать, заново изучая и переоценивая свои возможности с точки зрения взрослого человека с окрепшей кистью и телом, тренированным полосой препятствий отца. Он настолько увлекся, что фина Астора заметил только тогда, когда тот громко простонал:

— Ксантар, ты сейчас увидишь перед собой первого тариманца, у которого случится инфаркт!

— Спокойно, — ответил «начальник тюрьмы», — посол побеждает.
— У меня повод серьезнее!
— Что может быть серьезнее ранения твоего драгоценного посла?
— То, что я сам должен буду попытаться его ранить!
— То есть? — не понял кори Ксантар. — Я точно знаю, что у тебя нет родственников в династии «чери», поэтому месть за проигрыш как мотив исключена.

— Помнишь, я тебе говорил, что Богиня вчера нашла мне противника? Так вот, это он!

— Кто «он»? Чери?

— Да нет же! — воскликнул Астор. — Посол!

Похоже, ни одного, ни второго тариманца не смущало, что Никоэль может их слышать, они твердо были уверены: у белавцев не осталось представителей, в достаточном объеме знающих их язык, на это не раз сетовал секретарь Абернана, сообщая курьером об очередном «засланце». Да и шпионов никто не отменял.

— Ты меня решил разыграть? — не поверил Ксантар. — Богиня не могла выбрать тебе иностранца.

— Ну, на лернийцев же указывает. Чем посол хуже?

— Ничем. Похоже, ничем, — задумчиво протянул начальник тайной канцелярии, внимательно следя за каждым движением Никоэля.

Впрочем, Астор тоже, не скрываясь, пристально наблюдал и делал для себя все больше и больше открытий. Например, он понял, что не так уж плохо посол владеет шпагой, как рассказывал. Некоторые движения, конечно, выглядели неловкими или вовсе лишними, но в целом чувствовалась хорошая школа. Противник из парня интересный, Богиня знала, на кого указать.

— Драконы вас побери! — воскликнул Ник, выбивая из рук чери Биарна шпагу, которая отлетела в сторону кори Ксантара и чуть не вонзилась ему в стопу. Последнему даже пришлось отпрыгнуть. И посол не мог бы поклясться, что не планировал задеть вредного тариманца и не надеялся на такой вариант развития событий. — На мне узоров нет! — раздраженно заявил он. Из конспирации — на белавском, хотя чери Биарн мог его и выдать. — Господа, я специально уехал подумать в тишине, цветы собрать... Или вы и в купальню за мной идти собираетесь?

— Э-э, вы так громко и звонко думали, что я тоже решил сходить цветочки пособирать, — выдал полный каламбур Астор, надеясь, что посол не станет вникать и уточнять.

Ник и не стал. Он просто подобрал в траве свой холщовый мешочек,

протянул министру и заявил:

— В таком случае наполняйте дальше, пока все не вытоптали. Или вы венок предпочитаете плести?

Последнее предположение было уже полным измывательством, но парень не смог отказать себе в удовольствии досадить Астору. Драться-то с ним все равно придется.

— Предпочитаю удавку из стебельков. Не для своей шеи, конечно, — не остался в долгу министр. Он с любопытством заглянул в мешочек и нахмурился, раздумывая, — явно не ожидал действительно обнаружить цветы.

И пока тариманец мысленно строил гипотезы, посол повернулся к чери Биарну.

— Извините, что нас прервали, — сказал он, постаравшись сделать произношение как можно хуже и подчеркнуть наличие жуткого акцента. — Если хотите, можем повторить.

— Да нет, спасибо, — покачал головой чери Биарн, разминая правую кисть, пострадавшую в результате обезоруживающего приема. — Богиня удовлетворена, значит и я — тоже. На другой результат я все равно не надеюсь.

Никоэль кивнул и задумчиво покосился на свою шпагу, вокруг рукояти которой остались только два светящихся кольца. А ведь еще полчаса назад их было три! Получается, что хочет он того или нет, а оставшиеся дуэли с указанными противниками провести придется. Впрочем, можно просто попытаться не обращать внимания ни на какие нити, он не подписывался выполнять волю Богини. Однако сдается ему, что это как раз тот случай, когда лучше не выделяться. Кому от демонстративного игнорирования станет лучше, если на голову начнут сыпаться с балконов цветочные горшки, а потенциальные противники примутся преследовать целой свитой? Но за что ему эта напасть?

Чери Биарн подобрал хлыст, забрал поводья лошади у замершего возле дерева Лариона и ускакал по направлению к городу. Кори Ксантар чуть задержался, чтобы удовлетворить любопытство и заглянуть в мешочек с соцветиями, после чего тоже отправился восвояси. Неспешно и без видимой суеты он как-то умудрился обогнать Биарна по дороге. Посол остался в обществе своего бесполезного секретаря и министра иностранных дел, который, похоже, забеспокоился, не обнаружив его на месте в выделенных апартаментах, и побежал к другу-шпиону за помощью. Да-а... Так его даже отец не опекал! Интересно, а как фин Астор собирался обосновать необходимость дуэли между ними? Потому что если он

промолчит, Нику будет нужно думать самому, каким образом организовать поединок.

— Господин посол, вы зачем согласились драться с незнакомым человеком? — попытался сделать суровый выговор министр. Он и не подумал собирать соцветия, просто держал мешочек, не зная, что с ним делать.

— Засиделся, — невозмутимо ответил Ник. — Я и со знакомым соглашусь побренчать шпагой по-дружески. Хотите? — дал он шанс Астору без объяснений ненавязчиво выполнить волю Богини.

— До первой крови, — быстро ответил тариманец, понимая, что не должен упускать такой шанс — другого может не представиться. — Достаточно царапины на руке, целим в запястье. Согласны? — поинтересовался он, предпочитая не произносить вслух реальное название планирующегося события — поединок доблести.

Никоэль еще раз скопил глаза на более яркую нить, соединяющую их с министром, и решительно кивнул. Хотя так и не понял, каким образом избранные дуэлянты должны определять, насколько кровавого и смертоносного боя хочет Богиня. Или эта информация доступна только тариманцам?

— Опять, — простонал где-то в отдалении секретарь, в связи с чем послу жутко захотелось его поддеть. Сам же требовал больше поединков и жаловался на их отсутствие! А тут он даже в свидетели попал, наблюдает за событиями с первого ряда, так сказать. Что ему не нравится и зачем он за дерево пятится? Если Богине будет угодно обратить взор и на него, такая преграда не поможет.

Н-да... Посол поймал себя на мысли, что еще немного — и он даже в Храм захочет нанести визит. Так, на всякий случай. А ведь раньше никогда не интересовался религией. Но в Таримане поневоле придется, наверное, приобщаться, угодить в «черный список» может быть чревато неприятностями.

Астор тем временем встал напротив Ника, обнажил шпагу и жестом предложил нападать.

— Только давайте вы не будете поддаваться, — заранее предупредил парень. — Любую рану я быстро залечу алхимией, а на крайний случай есть астерлис.

— С собой?

— А вы собрались метить в сердце?

— Нет, конечно. Мы же договорились, что цель — запястья. Но бывают же случайности.

— Бывают. Я, например, с лошади могу упасть. Будете бегать за мной с соломкой?

— С лопатой.

— Чтобы добить? Меня или лошадь?

— Нет, себя прикопать рядом. Потому что восьмого посольства я не переживу, — заявил фин Астор и сделал пробный выпад.

Ник легко парировал, отклонив тонкий клинок в сторону, и с усмешкой сообщил:

— Откопают. Незавидная у вас должность.

— Да и у вас не сахар.

На этом разговор прервался, так как бой набирал темп. Фин Астор действовал все смелее и смелее, поняв, что так просто противника не заденет. Да и Ник старался, не желая ударить в грязь лицом. Он вспоминал и использовал даже те приемы, которые не изучал и не отрабатывал сам, просто видел в исполнении отца и его людей. Драконы побери! В душе нарастало удивление, ведь раньше он считал, что наперед может предсказать исход поединка с фехтовальщиком такого уровня. Однако, поди ж ты, развязка все не наступала. И хотя интуиция вопила, что стоит допустить даже небольшую ошибку или утомиться — и конец, он держался. Держался ради самоуважения и из интереса, чтобы понять, чего стоит в бою. У тариманца все-таки больше опыта и уверенности в своих силах, что немаловажно.

Клинки сияли на солнце, звон при их соприкосновении раздавался все чаще — противники и сами не замечали, насколько увеличили скорость. Это видел лишь Ларион, глаза которого становились все круглее и круглее от шока. Нормальные люди так не двигаются! Напряжение нарастало. Кровавая развязка была все ближе и ближе... Ник устал и смирился, морально готовясь к боли.

— Проклятье! — буквально в следующий момент простонал он, почувствовав, как нога попала в невесть откуда взявшуюся ямку и подошва заскользила вниз по осыпающемуся склону. Парень не сумел удержать равновесия, взмахнул рукой и приземлился в траву прямо на заднее место. Левую ладонь, прижавшуюся к земле в качестве опоры, прострелило от колющей боли.

— Что за... — услышал он еще в полете голос Астора.

А после приземления, взглянув в его сторону, обнаружил, что министр сидит напротив точно в такой же позе. Откуда на этой полянке взялись эти две ямы? Не было же — он мог бы поклясться. И соцветия собирал, и с чери Биарном тут дрался. Точно ровная площадка была!

Никоэль поднял левую ладонь на уровень груди и выругался. Колючка репейника вонзилась довольно глубоко, придется вынимать и обрабатывать рану. Если, конечно, фин Астор сочтет, что дуэль можно считать оконченной. По идее кровь на запястье, полученная в процессе боя, уже есть, условие выполнено, он проиграл.

— Поздравляю с победой, — вздохнув, сказал посол.

— Не стоит, — отозвался министр, демонстрируя левую ладонь, из которой торчали колючки точно такого же репейника. И кровь, естественно, сочилась.

И тут — Ник мог бы поклясться! — он услышал тихий женский смех. Но в зоне видимости никаких женщин точно не наблюдалось!

— Не бывает таких случайностей, — категорично заявил посол и пытливо посмотрел на министра, ожидая ответного комментария. Если уж и тому что-то показалось или послышалось...

— Не бывает, — согласился фин Астор. — Богине Аридан захотелось, чтобы победителя в поединке не оказалось. Она явила свою волю. Надеюсь, вы не в обиде?

— А что, кто-то рискует обижаться?

— Ну, вы же иностранец...

— Иностранец, а не идиот. Поэтому меня все устраивает, тем более что, объективно говоря, вы фехтуете лучше. Я видел вас в поединке с зелом Эдельлайном и удивлен, что сам столько продержался. Вы точно не поддавались?

— А я удивлен вашим вопросом. У меня не было необходимости поддаваться! — возмутился фин Астор.

Оба, поморщившись, почти одновременно выдернули колючки из ладоней.

— Давайте залечу магией, — предложил министр и протянул руку вперед — окровавленную, так как в другой все еще сжимал репейник, требующий тщательного уничтожения. Приходилось быть аккуратным, ведь не просто так у валорцев — жителей одной из соседних стран — некроманты во всех государственных структурах привечались. Одно хорошо — с другими странами в этой области они никогда не сотрудничали; ни лернийцы, ни белорцы, заполучи они образцы крови, воспользоваться ими никак не смогли бы.

— Лечите, — сказал Никоэль, вытягиваясь, чтобы подать левую ладонь. Вставать было откровенно лень — устал.

— Не достаю, — пожаловался министр, в свою очередь тоже наклоняясь вперед.

— Сейчас, — отозвался парень, намереваясь или все-таки подняться на ноги, или немного передвинуться, рискуя измазать соком травы брюки.

Однако Астор его опередил. Вставать после интенсивного боя министру тоже не хотелось, но он как-то рывком согнулся почти вдвое, ухватил посла за запястье и дернул к себе.

— Извините, я вам манжету рубашки кровью испачкал, — повинился министр.

— Ничего. Я, похоже, отомстил, — усмехнулся посол, разрывая вынужденное рукопожатие. — Лечите, пока остальная одежда не пострадала.

Эта ответная «месть» полностью исключила возможность того, что белорусцы рассчитывали каким-то образом через кровь приобрести влияние на Астора, а то и наложить проклятие, ведь человек, думающий об обращении к некроманту, не станет тут же подставляться сам. Поэтому тариманец расслабился, разместил обе раскрытые ладони с ранами рядом, сосредоточился и...

В следующий момент Ник мог бы поклясться, что увидел обволакивающее их руки фиолетовое облако. Нет, он сегодня явно переутомился или перегрелся на солнце, да и воды глотнуть не мешало бы. Не положено ему такого видеть! Парень зажмурился на миг, а когда открыл глаза, от повреждений не осталось и следа.

— Готово, — подтвердил фин Астор. — Теперь дело за колючками. Кладите свою на землю возле моей, я сожгу. Неправильно это — оставлять собственную кровь для происков валорцев.

Чтобы не обнаружить еще какой-нибудь странной галлюцинации, Никоэль заранее, до применения магии, отвернулся. Он подобрал шпагу, осмотрел лезвие — не затупилось ли — и убрал в ножны. Заодно убедился, что нить вокруг гарды осталась только одна. Правда, в коричневую и фиолетовую крапинку, но на необычную расцветку он решил не обращать внимания. День у него сегодня такой — вечно в глазах рябит. Гораздо больше его тревожила другая проблема. Если Богиня назначила ему три дуэли, одна из которых — мастерства, вторая — доблести, не окажется ли третья поединком силы или чести? Убивать никого не хотелось, но и дать убить себя он не собирался. А условие для окончания боя звучало однозначно: в живых должен остаться только победитель. Просто в поединке силы все средства хороши — и магия, и алхимия, и амулеты, а для поединка чести кодекс довольно суров — только шпага и никаких подручных средств.

— Ларион! — позвал посол. — Отвязывай лошадей, мы закончили с

цветами, хватит.

— Я так и не понял, а на чью могилку вы их... — подал голос секретарь. — Нам еще одна дуэль предстоит?

— Тьфу на тебя! Не сглазь! — возмутился Ник. — Цветы мне для другого дела нужны.

Посол подобрал мешок, заглянул внутрь и прикинул, что на дюжину порций этого должно хватить. Хотелось бы большего... Все равно не дадут собрать. Мало ему было ворчливого секретаря, так еще и фин Астор примчался! И ведь определенно доказал своим точным и своевременным прибытием, что за белавскими делегатами установлена слежка. Однако возмущаться бесполезно. Может, конечно, министр будет честен и признается, но вероятнее будет убеждать, что просто выехал с другом на прогулку и случайно заметил дуэль, благо что события происходили не в лесной чаще, а неподалеку от дороги.

— Надеюсь, вы уже в достаточной степени размялись, чтобы не нарываться на другие поединки? — встревоженно спросил министр иностранных дел. — Если нет, наша полоса препятствий к вашим услугам. Можете захватить своего сотрудника и пробежаться.

— Нет! — быстро воскликнул Никоэль и тут же поправился: — У меня на будущее намечена культурная программа — посещение театра.

— У нас нет театра, не пользуется спросом.

— Музея? — выдвинул другое предложение посол, готовый даже потерпеть пытку живописью или скульптурой, хотя и то и иное навевало на него жуткую скуку.

— Только коллекция оружия во дворце, — сообщил Астор.

— Где же хранятся полотна известных художников? — удивился парень, привыкший, что в Белавии все не так. — У нас лучшие полотна собраны в специальных зданиях.

— А кто решил, что именно они — лучшие? В искусстве все субъективно. Так что дома местные граждане украшают на свой личный вкус, кому что нравится. У нас не принято насаждать единую точку зрения и называть что-то конкретное шедевром. Хотите я вам оружейную все-таки покажу? В комнате рядом с ней даже поупражняться во владении оружием можно, мы не держим ржавый хлам, которым в случае нужды нельзя воспользоваться.

Ник представил активный показ, когда Астор будет с восторгом замахиваться на него то одним, то другим, и содрогнулся. Нет уж. Надо найти менее экстремальное занятие, что-нибудь созерцательное. А то он неожиданно начал понимать, почему другие послы выпивали — не иначе

как для храбрости. Эх, отвык он от постоянных стрессов и стычек, странно, что оружие в руках держать не разучился. Отца порадовали бы здесь регулярные тренировки с достойными соперниками, а его... Ощущения почему-то приятные, но достоин ли он? Парень до конца не поверил Астору и все еще мысленно сомневался, не был ли долгий поединок инсценирован, чтобы не обидеть его как гостя.

— Давайте лучше отправимся к вам и посмотрим, как продвигается подготовка договора, — внес свое предложение Никоэль. — Можно приставить к делу моего секретаря, да и я вполне способен скопировать несколько страниц текста.

— Нам бы лучше договор о намерениях подписать, — протянул Астор.

— О чем? — не понял посол. — Одного договора о границах разве мало?

— Ну, бумагу о том, что Белавия в вашем лице согласна в качестве гарантии заключения будущего мирного договора с демаркацией границ взять под контроль именно этот участок земли и менять решение не намерена, — пояснил министр. — Так нам в случае... э-э-э... вашего несвоевременного отбытия куда-либо не придется опять переписывать все три пакета документов на выбор, можно будет сосредоточиться на одном.

Ответственность за подобный шаг была огромной, но Никоэль не колебался. Хотя в словах министра и прозвучало сомнение в том, что он доживет до конца процесса, парень не собирался дать себя убить. Все враги перебьются! Не верил он, что Богиня столь жестока, чтобы не дать ему шансов в намеченном «белой нитью» поединке. Действительно, пора бы уже определиться с участком, а не создавать тариманцам дополнительные трудности. Через неделю, когда будут готовы экземпляры договора, для него ведь ничего не изменится, лучший участок все так же придется выбирать наугад.

— Белавия возьмет южные территории, — решительно объявил посол. — Я готов засвидетельствовать намерения королевской печатью, если вы составите соответствующую бумагу.

— Сейчас составим! — чуть ли не подпрыгнул на месте фин Астор и быстро ринулся отвязывать лошадь. — Договор о намерениях, даже с учетом сложностей перевода, по нашему образцу писать максимум час. Надеюсь, вы согласитесь на это время побыть гостем во дворце? Ваш секретарь тоже может понадобиться в качестве свидетеля... для надежности.

— Мы согласны, — за двоих ответил Ник и кинул предупреждающий взгляд на Лариона, чтобы тот и не думал отпираться. После чего не

удержался от небольшой шпильки: — Поехали, а то у меня уже уши горят от всех эпитетов, которыми наверняка меня кроют ваши соглядатаи за эту вынужденную прогулку. Им-то в кустах и на деревьях несладко, да и ползание пузом по траве явно удовольствия не доставляет.

— С чего вы взяли? — попытался изобразить недоумение Астор. Однако номер у него не прошел, он был слишком честен и прямолинеен, несмотря на должность, и не умел правдоподобно играть.

— С чего взял, что ругают? Или с чего взял, что следят? — с усмешкой спросил парень.

— А-а, забудем, — махнул рукой министр. — Я ничего не спрашивал, вы ничего не отвечали.

Посол кивнул и решил проявить покладистость. Он забрал поводья лошади у Лариона, прицепил мешочек с травами к седлу и приготовился к обратному пути.

В итоге фин Астор очень торопился во дворец, Ларион еле плелся, желая как можно дольше оттянуть момент своего появления в тариманском обществе, а Никоэль разрывался между ними, то ускоряясь, то сдерживая вороного коня. Они растянулись цепочкой вдоль дороги, так что даже поговорить не представлялось возможным. Хотя парень с удовольствием расспросил бы о результатах дуэли министра с зелом Эдельлайном. Или он должен делать вид, что не знает о времени данного поединка? В суматохе событий Ник немного запутался, что ему честно рассказали, а что он нагло подслушал. Эх, а ведь он, как фин Астор, не привык лукавить, не было у него нужды тренироваться, выдумывая оправдания. Однако сообщать о том, что прекрасно понимает тариманский, немного поздновато, при нем состоялось столько частных разговоров... Этак «директор тюрьмы» решит поменять и без того мнимую профессию на профессию палача, но на сей раз не номинально, а в действительности!

Сколько Ник ни оглядывался украдкой, а соглядатаев так и не обнаружил, хотя Астор ведь косвенно подтвердил их наличие. Впрочем, парень не возражал против того, чтобы за ним присматривали на улицах, главное, чтобы не в апартаментах. Почему-то ему не хотелось, чтобы кто-то узнал о ночующих мурчианах.

Астор первым нырнул в ворота города, следом с небольшим отрывом в Тааримаад въехал Никоэль, коего тоже пропустили беспрепятственно — стражи были те же, что и утром. Однако затем... За спиной парня раздался грохот, его лошадь встала на дыбы, так что он чуть не вылетел из седла. Тяжелая решетка почему-то упала, перегородив арку и едва не убив при этом нескольких приезжих. Это вполне можно было счесть случайностью,

если бы, подняв взгляд от холки вороного, Никоэль не обнаружил, что прямо в него летит нечто черно-красное, сияющее и отнюдь не похожее на безобидный фантом. Шар выглядел почти материальным! И в том, что он спалит любое препятствие на своем пути, сомневаться не приходилось. Магический снаряд был так близко, что времени хватило только на бессознательный глупейший жест — поднять руку и вытянуть ее перед собой, словно намереваясь оттолкнуть пылающий «мяч» ладонью.

— Тысяча драконов! — ругнулся посол в следующий момент, почувствовав боль там, где не ожидал. В плечи сзади буквально на миг вонзились острые когти, пропоров кожу до крови. Под действием значительного веса Ник непроизвольно пригнулся и резко ткнулся носом в шею коня, подставив под заклинание макушку. Волосы должны были бы запылать первыми, но не запылали. Да и лишний вес с плеч куда-то исчез.

Выждав несколько томительных секунд, парень поднял голову, открыл глаза и обнаружил, что вокруг его тела, повторяя все конуры, словно немного просторная одежда, сияет белый с фиолетовыми крапинками шит. Он подобный у отца видел. Неужели Астор успел помочь? Никоэль нашел взглядом министра и стал свидетелем, как тот плотно зажмурился, распахнул глаза, опять зажмурился и опять посмотрел на него. Будто перестал доверять собственным органам зрения. О Богиня! Только пусть он сейчас не заявит, что тоже не различил деталей происшествия и не понял, что тут произошло!

Этим утром все столько упоминали о высшей сущности, что посол и сам не заметил, как к ней обратился.

— Вы живы? Что это было?! — воскликнул фин Астор, подъезжая ближе.

Вопрос был хорош. Проблема в том, что Никоэль собирался его же адресовать министру. Он мог бы подумать, что стал жертвой иллюзии, опять использованной для устрашения, или увидел галлюцинацию, надышавшись незнакомых трав, но... Иллюзии не расцарапывают плечи до крови, не имеют веса, а галлюцинации не являются двоим одновременно. А тут, судя по беготне стражи и любопытным лицам окружающих, заклинание видели почти все.

— Кажется, на меня покушались, — стараясь ничем не выдать пережитых эмоций, бесстрастно проговорил парень.

— Спуститесь с лошади и пригнитесь!

Спешившись сам, Астор попытался сдернуть посла вниз. Он настороженно оглянулся по сторонам и произнес фразу, которая, наверное, должна была бы прозвучать непередаваемой игрой слов, но не прозвучала.

Ник понял! И попытался запомнить, чтобы суметь воспроизвести. Хотя как послу ему сейчас полагалось бы оскорбиться всеми инсинуациями и физиологическими подробностями, на которые оказался щедр тариманец. Однако дипломат в Никоэле был в ступоре, поэтому он реагировал как простой человек — с пониманием. Даже самостоятельно покинул седло, чтобы не возвышаться над пешими горожанами, не изображать идеальную мишень и повторно не вводить преступников в искушение. Как же грамотно было организовано покушение! Соглядатаев и защитников предусмотрительно отсекли решеткой. Это не они там пластаются, пытаюсь поднять тяжеленную преграду и проползти в щель снизу? Зато отставшего секретаря и не видно. Не пострадал ли тоже?

Никоэль потряс головой, словно мог вытрясти тяжелые мысли, и спросил у фина Астора:

— Вы тоже видели несущийся в меня черно-алый шар?

— Да! А еще — черную мурчиану у вас на плечах и... — Он замялся.

— Говорите же!

— Понимаете, мне показалось, что у вас глаза стали абсолютно белые. Выглядело страшновато. Но, повторяю, мне всего лишь показалось. С глазами у вас сейчас все в порядке, да и мурчиане взяться неоткуда. Может, тени не так легли.

Криво усмехнувшись, Никоэль кивнул, принимая объяснения. Но он-то сам понимал, что глаза выцвели от повышения адреналина, а легшая «тень» имела подозрительно большой вес.

— Ой, у вас кровь на плечах. Вы ранены? — беспокоился министр.

— Пустяки, — отмахнулся Никоэль. Откуда-то он знал, что мурчиана была его старым знакомцем, однако не хотел обнародовать этот факт. А Астору не дали задать наводящий вопрос и выяснить истину. К ним подлетели два массивных тариманца с зелеными полосами под бровями — те самые, которые штурмовали решетку ворот, но никак не могли протиснуться из-за своих впечатляющих габаритов. Похоже, штурм преграды все-таки закончился успешно.

— Фин Астор, немедленно уведите посла во дворец! — потребовал один из них у министра, не надеясь, что белавец сам их поймет. — Мой напарник вас проводит.

— Ксантару доложили?

— Да. Поспешите.

— А где мой секретарь? — словно невзначай, поинтересовался Ник на своем языке, чтобы о Ларионе тоже не забыли.

— О Богиня! — воскликнул Астор.

— Что? — насторожился опоздавший охранник.

— С нами еще секретарь был! Ну, вы должны были его видеть. Если его убьют, опять возникнет скандал!

— А-а-а... Этот не пострадал. Как решетка опустилась, он сразу с лошади упал и теперь валяется себе в кустах, никому не заметный.

— Свалился? Лежит? Он же шею мог свернуть!

— Но не свернул же. Повезло сопляку, отделался всего лишь переломом руки.

— Переломом?! — опять эхом повторил министр. — Вы же говорили, что он не пострадал!

— А это разве травма? Пустяк, — пожал плечами светловолосый согладатай.

— Вы зел Данкр? — сквозь стиснутые зубы спросил Астор. Он вспомнил, где слышал голос с такой же безразличной интонацией. У драконова флегматичного шпики, которого Ксантар пообещал заменить. Гад!

— Угу. Это не важно. Скачите во дворец.

— Я не могу оставить белавца валяться в кустах.

— Ему там безопаснее, чем с вами. Мы позже доставим его под охраной.

— Но перелом...

— Не кровотечение же, хуже не станет.

— Но секретарь подаст жалобу на неоказание помощи! Эти белавцы совсем не умеют терпеть боль.

— Если подаст, будет дураком. Умный сразу понял бы, что не стоит мельтешить рядом с главной мишенью. Вы как сами, справитесь?

— Рыж уже тут, — кивнул фин Астор под ноги. — Пробьемся.

Никоэль тоже посмотрел вниз, и только теперь заметил маленький рыжий клубочек, привалившийся к ноге министра. Когда тот появился, как подкрался и почему в таком миниатюрном виде, парень даже предположить не взялся бы. Но услышав, что обнаружен, Рыж соизволил увеличиться до максимального размера.

— Щит держите вокруг посла, — посоветовал зел Данкр и, развернувшись, устремился к арке ворот. Способ, которым опустили решетку, и возможный остаточный след заклинания были единственной зацепкой в данной ситуации. Растворившегося в толпе преступника, метнувшего опасный снаряд в посла, все равно уже не обнаружить. Хотя свидетелей позже без вариантов придется допросить. Наиболее сознательные очевидцы, жаждущие поделиться увиденным, сами, без

подсказок и напоминаний, остались на месте в ожидании беседы. А с поспешивших убраться от опасного места подальше в любом случае спрашивать бесполезно. Они будут утверждать, что ничего особенного не заметили, шли себе по своим делам. Может, действительно смотрели в другую сторону. Не вызывать же половину улицы на суд Богини? Это равносильно признанию в своей беспомощности. А Богиня не любит слабаков, не умеющих найти выход, не стремящихся к победе, она и помогать не станет или же ее помощь будет оценена в такое количество ежедневных поединков... Во дворце до сих пор передавалась из уст в уста история о том, как кори Ксантару в начале карьеры пришлось за семь дней провести сто три поединка.

— Никоэль, берите лошадь под уздцы и ведите справа от себя, — попросил фин Астор. — Свою я поведу слева, верхом ехать опасно. С боков прикроюсь конями, впереди, сзади и сверху я поставлю усиленный щит. К сожалению, его снесет, если заклинание опять окажется таким мощным. Но если вы будете так любезны набросить в дополнение свой странный щит в крапинку...

— Не знаю я, откуда он взялся, — поспешил заверить посол. — Меня магии вообще не учили.

— Но вы же совершеннолетний?

— А как одно связано с другим?

— У вас, наверное, никак, — вздохнул Астор, который не понимал, как можно не развивать свои потенциальные возможности. Что взять с белавцев? Дикари. Хоть основы магии подросткам на всякий случай надо же объяснять! Пусть не все в будущем обретут дар, лишними эти сведения не будут. К тому же белавцам, как и некоторым другим народам, в плане раскрытия способностей гораздо проще, у них магический дар выявляется в семь — двенадцать лет, а не после восемнадцати.

Министру пришлось удовлетвориться своим щитом и повысить бдительность. Он мгновенно разворачивался на любой шум и вообще старался контролировать улицу не только впереди, но и со спины. Конечно, за ними еще и ловко растворившийся в толпе агент должен присматривать. Но в первую очередь всегда лучше надеяться только на себя. Безопаснее.

Несмотря на ворох вопросов, теснившихся в голове, Никоэль тоже старался сосредоточиться на наблюдении за окружающим пространством. Выживет — все задаст, все узнает, выяснит, уточнит. Это только трупам ответы ни к чему. Откуда все-таки так вовремя взялся щит? Он сам наколдовал? Да ну, бред. Отец же проверял, нет у него дара магии. Оставалось предположить одно: к появлению щита как-то причастен

черный котенок. Но разве такое возможно? Парень покосился на министра, но так и не решился задать щекотливый вопрос. Потом, все потом... И не так прямолинейно, не в лоб. Спрашивать, не бросал ли кто-то из тариманцев ребенка в лесу и не могут ли мурчианы чувствовать родную кровь и помогать в связи с этим, несмотря на наступившее совершеннолетие, наверное, чересчур дерзко и самонадеянно. Но других версий у него попросту не осталось.

Глава 9

ХОРОШАЯ МИНА ПРИ ПЛОХОЙ ИГРЕ

— Ксантар, так что мне сказать послу по поводу нападения? — выпытывал фин Астор вечером того же дня.

— Что кто-то его очень не любит.

— Я серьезно!

— Я тоже. На других послов не устраивали персональные покушения. С ними происходили случайности, я установил точно.

— Мог ли противник союза Белавии и Таримана понять, что Никоэль так просто не самоубьется? Что надо поспособствовать?

— Ты уверен в своей оценке? — пытливо посмотрел на друга начальник тайной канцелярии. — Парень же едва вышел из детского возраста, серьезно к нему отнестись, ни разу не пообщавшись, совершенно невозможно. Может, личное?

— Личное в Белавии осталось. Тут преследователь быстрее сам нашел бы неприятности. Да и не слышал я о прибытии еще одного белавца в столицу, гвардейцы, дежурившие на воротах, обязательно доложили бы. А возможность узнать посла получше мы сами на приеме обеспечили. Или, скажешь, тебе Никоэль не понравился?

— Да нет, нормальный парень, особенно для белавца. Но я обязан рассматривать все версии. Чери Трант лютует. Попросил заняться охраной лично и хоть под тень днем маскироваться, хоть под подушку для сна ночью.

— Могу учеников за перьями и наволочкой послать, — ухмыльнулся Астор.

— Учти, ты в таком случае будешь ютиться во второй наволочке. Я без тебя просто не смогу объяснить белавцу, что это не подушка странная, это посол попался привередливый, — тоже развеселился Ксантар. Наедине с другом он частенько позволял себе расслабиться, поскольку в присутствии всех остальных приходилось быть строгим и серьезным.

— Никоэль, кстати, все равно догадывается, что за ним постоянно следят.

— Присматривают.

— Да без разницы. Он вроде и не возмущался вовсе. Зато я возмущен тем, что ты так и не нашел кого-нибудь получше зела Данкра!

— Астор, да пойми ты, что он для этого дела больше подходит. Другой на его месте мог бы проявить искренний интерес к послу, почувствовать желание получше ознакомиться с его фехтовальными приемами. А это, сам знаешь, к чему ведет — Богиня тоже заинтересуется и назначит поединок. Это тебе надо?

— Не надо, — вздохнул министр. — Но я не уверен, что зел Данкр способен обеспечить нормальную защиту. Ты ведь в курсе, что он натворил?

— У меня в сегодняшнем отчете ничего такого нет, — нахмурился Ксантар и, найдя на столе один из многочисленных листков бумаги, еще раз пробежал его глазами. — Обнаружил затертые следы сильнодействующего заклинания, перебившего удерживающую решетку цепь, опросил всех очевидцев, помог белавскому секретарю вправить перелом и добраться в безопасности до посольства, встретился с напарником, обменялся впечатлениями и продолжает наблюдать за окнами Никоэля Иберникского.

— Это ты просто не понял, как он вправлял перелом, — прокомментировал министр, удобно развалившийся в мягком кресле для особо доверенных посетителей. В этот рабочий кабинет, сообщавшийся с парадным, вообще пускали немногих. Для официальных допросов высокопоставленных лиц и иных дел было другое помещение, побольше и пошикарнее, но не такое уютное.

— Что, Данкр кости неправильно совместил? Не должен бы.

— Нет! Он просто вправлял живую, без обезболивающей магии. В итоге секретарь второй раз потерял сознание, так и не пришел в себя до самого посольства и потому его тащили, как куль, перекинув через седло. Можно же было карету нанять! Мне теперь придется оправдываться в ответ на дипломатическую ноту протеста. А я, честно говоря, не знаю, что написать.

— Напиши, что секретаря находчиво пытались замаскировать под багаж. Или просто неразборчиво накорябай какую-нибудь белиберду. Сам же говорил, что специалистов по нашему языку у белавцев не осталось, им эта бумажка... Мои агенты подтверждают: секретарь Абернана в панике ищет грамотных переводчиков.

— Бумагу придется отдать Никоэлю, а тот может додуматься показать ее Розну, — не повелся на вредный совет фин Астор. — Да и чери Транту такое объяснение не понравится.

— Согласен, правитель опять будет ругаться. Не успели мы разгрести неприятности с мартнаильцами, как тут опять белавцы... Розна надо бы чем-то занять.

— Я завтра попытаюсь еще раз заманить обоих сразу на полосу препятствий. После пробежки ни на что другое ни у одного, ни у другого сил не останется, — высказал свои планы министр. — Правда, сначала мы с Никоэлем должны подписать договор о намерениях. Текст я подготовил, но из-за покушения, допросов, снятия письменных показаний и иной мороки руки до документа у посла не дошли. Он, даже не поужинав, убежал к себе.

— Вот и хорошо. Пусть подольше спит и поменьше по улицам ходит, — ворчливо сказал Ксантар. — Мне забот меньше.

— Будешь лично следить?

— А куда деваться? Правитель же приказал.

— Надо бы подучить парня магии. Дар у него определенно есть, но он утверждает, что не умеет им пользоваться.

— Не врёт, — подтвердил начальник тайной канцелярии. — Я сегодня, перед тем как брать у него свидетельские показания, оставил посла в кабинете одного и запустил иллюзию очень надоедливой мухи.

— И что? Так и не смог развеять?

— Ха! Да он ее несколько раз попытался папкой для бумаг пристукнуть! Нет, знающий маг не повелся бы, тем более что публики на виду не было.

— Странные у него вообще нити силы — двуцветные, — заметил Астор. — Никогда таких не видел, даже у иностранцев. У лернийцев красные, оранжевые и желтые бывают, у мартнаильцев — чисто черные, чисто белые и голубые, но чтобы в крапинку...

— Тем более я мог бы поклясться, что утром, до того как я вас покинул, цветов было три! — воскликнул Ксантар.

— В неактивном состоянии ауры ты мог и ошибиться.

— Обижаешь, я был очень внимателен. Интересную личность нам прислали в качестве посла.

— Э-э-э... Ксантар, ты бы за эмоциями следил получше, — попросил фин Астор. — Или ты тоже намереваешься устроить поединок с Никоэлем?

— Нет, — отмахнулся начальник тайной канцелярии. — Мне интереснее разгадать тайну твоих зрительных галлюцинаций. Откуда бы взяться черной мурчиане? Пока в качестве наиболее вероятной версии я рассматриваю вариант, при котором злоумышленники хотели не убить, а напугать посла, и, чтобы не перестараться, отправили свою мурчиану проконтролировать и помочь с заклинанием щита. Это возможно?

— В принципе да. Хотя в момент нападения я был уверен, что Никоэля пытаются именно убить. Заклинание было неслабое, для устрашения

вкладывать в него столько сил совсем не обязательно, — повторил свое мнение Астор, даже не разозлившись из-за того, что друг опять превратил беседу в завуалированный допрос. Ксантар часто мог спрашивать одно и то же, формулируя вопрос по-разному. Иной раз, по поводу других событий, действительно выяснял что-то стоящее, замечал неточности. Но тут ему не повезло, министр и так предельно четко описал все, что помнил.

— Порекомендуй меня завтра послу в качестве учителя магии, — неожиданно попросил начальник тайной канцелярии.

— Я же тебя представлял, как начальника тюрьмы!

— Придумай что-нибудь. Мне важно быть поближе к послу, а не прятаться в подворотнях, таиться за углами и сливаться с толпой. Ты же хочешь, чтобы Никоэль выжил?

— Ладно. Расскажу о системе нашего образования и намекну, что в качестве преподавателя магии тебе нет равных.

— А если он спросит, почему у меня нет других учеников? С твоими-то он знаком!

— Как нет учеников? Да у тебя их целых семь!

— Ага, только в проекте на далекое будущее. Лет в шестьдесят-семьдесят мне их дадут, как и положено на такой должности.

— Так ты не откровенничай, — предложил министр иностранных дел. — Или хочешь меня убедить, что не умеешь уваливать от ответов?

— Лишь бы ты не проговорился. Ты, кажется, очень хорошо ладишь с этим послом? — вопросительно посмотрел на друга Ксантар.

— Не жалуюсь. Честно говоря, если при парочке других послов мне даже хотелось помочь Провидению устранить некоторые неприятные личности, то с Никоэлем я готов работать дальше, — признался Астор.

— Значит, буду учить его и магии и фехтованию, — вынес вердикт начальник тайной канцелярии и расслабленно откинулся на спинку стула. Решение принято, поэтому до его исполнения можно и отдохнуть.

— А вдруг парень не захочет учиться? — испортил Ксантару настроение министр.

Правда, ненадолго. В ответ хозяин кабинета заявил с усмешкой:

— В таком случае будет вынужден сходить со мной в поединках мастерства, пока не захочет! До подписания договора и распоряжения чери Транта он от меня все равно не отделается. Я для него буду и нянькой, и учителем, и телохранителем...

— И истязателем, — подхватил Астор.

— Нет, эту роль я буду делить с тобой. Или ты передумал уже загонять его на полосе препятствий?

— Эх, недипломатично это... Но я даже готов предложить себя в компанию для участия в забеге! — провозгласил министр с предвкушением.

Объект обсуждения двух высокопоставленных тариманских чиновников тем временем спокойно сидел у себя в апартаментах и ни о чем не подозревал. Никоэль был вынужден рано уединиться, так как цвет глаз начал стремительно тускнеть, зелье прекратило функционировать. Он несколько раз произвел подсчет времени и остался недоволен. По его выкладкам выходило, что эликсир должен был действовать еще целых полчаса. Не могло так повлиять нервное потрясение во время покушения, не могло. Выбросы адреналина у него случались и раньше, но они никогда не влияли на продолжительность сохранения цвета радужки. Хорошо, что он вовремя заметил свое отражение в стекле и сумел незамедлительно уйти. Может, магия повлияла или соприкосновение с божественной сущностью?

Так и не придя к определенному выводу, Никоэль потратил первую половину вечера на то, чтобы многократно и внимательно изучить оставшуюся белую нить в фиолетовую, постепенно тускнеющую крапинку и попытаться рассмотреть и почувствовать хоть крупницу магии в своей ауре. Даже верхний свет не стал включать, чтобы лучше было видно светящиеся элементы, лишь зажег ночник. В итоге вполне резонно пришел к выводу, что изрядно поредевшие белые точки на периферии зрения — это и есть проявления проснувшегося дара. Только почему он проснулся так поздно и от удара головой о стену? Что ему теперь со всем этим делать? Ник попытался сосредоточиться и сформировать из мельтешащих белых частиц хотя бы нить, однако не преуспел, зато чуть не заработал косоглазие. Крупинки так и норовили сбегать обратно на периферию, словно под пристальным взором хозяина им было неудобно.

Н-да... Дрессировке не поддаются. И как отец справляется? Наставника бы ему, чтобы хотя основы объяснил! Интересно, это будет большой наглостью с его стороны, если он поймает Астора и настоятельно попросит ответить на пару вопросов? Или пойти с Розном побеседовать, что ли? Все-таки, если ему приснится кошмар и он случайно жахнет каким-нибудь заклинанием, от обрушения здания в первую очередь пострадают мартнаильцы. Вот пусть бы и крутились, объясняли.

Еще немного покорпев над освоением окружающей тело разреженной магической силы, но не добившись результата, парень бросил это дело и решил сходить навестить Лариона. После краткой беседы о сегодняшнем

происшествии секретаря уже давно отпустили в комнату и даже обеспечили огромным блюдом с тарталетками и фруктами, чтобы тот отдыхал и не вставал на ужин. Наверняка что-то из еды еще осталось. Ник сглотнул и честно мысленно признался себе: он идет навещать не Лариона, которого не очень жаждет видеть, а остатки его ужина. Сам-то он так и остался голодным. В который уж раз...

Посол выскользнул в коридор, освещенный только лунным светом, льющемся из окна в торце здания, и настороженно зыркнул по сторонам. Не попасться бы никому на глаза, ведь дополнительную порцию зелья он так и не выпил. Секретарь свой, поэтому пусть привыкает к его естественному внешнему виду, а остальным ничего объяснять не хотелось. Еще жалеть начнут, допрашивать. Но в одиннадцатом часу вечера вероятность нарваться на гостей в этом крыле посольства крайне мала.

Дверь на удивление оказалась не заперта. Видимо, секретарь после болевого шока плохо соображал. Да он со своей осторожностью, если не сказать трусостью, забаррикадироваться должен был, подтащив всю мебель к двери! Никозль шагнул в комнату и позвал шепотом:

— Ларион, ты спишь?

Ответа не получил, поэтому оказался в затруднительном положении. Кричать неловко, протянуть руку и нажать на выключатель, активировав магические светильники под потолком, тоже неудобно. Но отступить... Парню показалось, что он даже чувствует запах засоленной рыбы с зеленью на тарталетках, даже в животе заурчало. Решено: секретаря можно не будить, но поискать еду он просто обязан. Пойдет на запах, авось ничего не заденет.

Сказано — сделано. Ник без труда нашел поднос, тем более что его металлические края давали яркие блики в лунном свете. Да и планировка в комнате была стандартная, поставить еду можно только на тумбочку возле кровати или на рабочий стол. Но тумбочка, насколько он помнил по прошлым визитам, всегда была завалена каким-то хламом. Поэтому парень сразу устремился к рабочему столу, и не ошибся.

Красться обратно в темноте с тарталетками в руках, рискуя по пути потерять и размазать начинку не только по полу чужой комнаты, но и по коридору, показалось Никозлю не слишком хорошей идеей. Поэтому он потратил несколько минут, чтобы на месте все прожевать и насытиться. Нехорошо, конечно, но если он будет скромничать и деликатничать, быстро протянет в Таримане ноги. Он уже начал забывать, когда в последний раз нормально питался — сытно, в тишине и три раза в день.

Ник торопливо дожевал последнюю тарталетку и отправился к себе. В

коридоре по-прежнему было тихо и пустынно, только пол немного поскрипывал под его весом. Он отворил дверь в свою комнату и поморщился. Станный неопознанный запах, еле ощутимый... Кажется, он неплотно закрыл какой-то пузырек из своего алхимического арсенала и не заметил этого сразу — принялся, привык. Надо бы зажечь верхний свет вместо ночника и проверить. Посол шагнул в комнату... И в следующий момент что-то с силой ударило его в спину, швыряя вперед, а на голову и плечи вылилось не меньше пары стаканов теплой субстанции. Потом дверь с грохотом захлопнулась и по ее поверхности протянулись толстые магические жгуты, образуя плотную решетку. Однако последнего факта — запирающего заклинания — Никоэль пока не увидел. Он был ослеплен внезапно включившимся верхним светом и по инерции летел в сторону кровати, на которой явно уже кто-то лежал! Парень так и не сумел вовремя ни увернуться, ни остановиться, а потому с разгона ткнулся человеку прямо лбом в живот, вызвав сдавленный хрип. Зато хоть не головой в стену и не всем весом на наглую личность, которой тут не место.

Опереться на руки и приподняться послу удалось не сразу, ведь перед глазами, казалось, плясали в хороводе все звезды небосвода. Совершить усилие подвигло проснувшееся любопытство и неприятная липкость на макушке, плечах и шее. Да и тело под ним невнятно выругалось мужским голосом и попыталось сесть, шумно вдыхая воздух.

Приоткрыв веки со слипшимися ресницами, Никоэль обнаружил прямо перед лицом ткань чужой, некогда белой рубашки с огромным кровавым пятном. Он мог бы подумать, что лежащий человек ранен, если бы не несколько алых капель, сорвавшихся с собственных волос. Но это точно не краска, а настоящая кровь. Его облили кровью! Зачем? Он сел и услышал хриплый стон:

— Пи-ить...

А обратив взор к источнику звука, получил ответ: обнаружил, что расположился почти вплотную к бледнолицему худощавому вампиру. Причем Роэн выглядел не самым лучшим образом — был каким-то изможденным, тяжело дышал. Нику даже показалось, что он ощущает запах перегара. Тысяча драконов!

К сожалению, отодвинуться или соскочить с кровати посол не успел. Вампир быстро приподнялся и с невиданной силой вцепился руками ему в плечи, однако глаза так и не открыл. Роэн еще раз шумно втянул в себя воздух и качнулся вперед. Ждать, пока он ткнется ему в шею и неосознанно вопьется в нее клыками, Никоэль не стал. Времени, чтобы ударить кулаком и образумить вампира, не хватило бы, поэтому пришлось бить

многострадальным лбом в переносицу. Нику показалось, что у него аж звездочки, водящие ранее хоровод, из глаз посыпались. Зато Роэн совсем потерял сознание и тяжело осел на матрас. Настало самое время, чтобы сбежать из комнаты, отмыться и начать разбираться, кто его толкнул. Посол медленно повернул гудящую голову к двери и... обнаружил решетку из черных, зеленых, фиолетовых и коричневых жгутов. Сомнительно, что дверь удастся открыть, не развеяв заклинание. Он с надеждой глянул в сторону туалетной, но тут же разочарованно вздохнул. Злоумышленники не оставили и такой возможности, проем тоже был перегорожен решеткой, хоть и менее густой. А чем еще можно умыться?

Оценивая осматривая комнату, Никоэль остановил взгляд на собственном ларце со снадобьями. Немного жидкостей там точно есть, но что бы такое ненужное использовать не по назначению? Все полезное и в небольших количествах. Разве что... Посол хмыкнул от пришедшей в голову идеи, поспешно сполз с кровати, достал из кармана брошенного на стул камзола носовой платок и переместился к ларцу. Будет умываться антипохмельным! Так и чистоту более-менее обеспечит, и лекарственного эффекта добьется, если Роэну все же удастся куснуть. Тысяча драконов! Только невменяемого вампира ему не хватало в запертом помещении!

Половину нужного пузырька посол все же влил в рот Роэну. Второй половины для умывания не хватило, поэтому пришлось использовать снадобье для словоохотливости и надеяться, что вампир не сочтет оставшуюся немойтой голову на макушке и затылке аппетитной. Лицо и шею он обтер, но для того чтобы привести в порядок волосы, потребовалось бы опустошить весь ларец. Ну уж нет! А эффект от смешения стольких препаратов Ник даже предположить не взялся бы. Ясно одно: по закону подлости последствия были бы негативными и катастрофическими.

Посол едва успел сменить рубашку, затолкав грязную под кресло, и обеспечить привычный цвет глаз, когда вампир застонал и сел, схватившись обеими руками за голову.

— Пи-ить! — опять попросил он.

— Вина? — спросил Никоэль. Ему все равно больше нечего было предложить.

— Воды!

— Я бы тоже не отказался.

Вампир кое-как открыл глаза и посмотрел на посла. Даже опознал, судя по всему.

— Мы что, опять пили вместе? — почему-то ужаснулся он.

— Нет. Вместе мы только лежали на моей кровати, — с проснувшимся ехидством ответил Никоэль.

— Да? А что еще мы делали? — осторожно поинтересовался Роэн и ощупал ушибленный живот.

— Бились лбами.

— Зачем?! Ох, как же голова болит... — простонал мартнаилец после неосторожного выкрика и стер собственную кровь под носом.

— Проверяли, чей лоб крепче.

— И как?

— Не знаю, но, наверное, ничья, потому что голова у меня болит не меньше, — сказал Ник, вспомнил о содержимом ларца, тут же достал нужное лекарство и выпил. Сразу легче стало.

— Ты же сказал, что пить нечего! — возмутился Роэн, глядя на пустую склянку в его руках.

— А это не вода. На тебя может не подействовать.

— Спирт?

— Обезболивающее. Но на вампирах я его не тестировал.

— Давай сейчас эксперимент проведем? — преисполнился энтузиазма вампир. — Я доброволец. Давай!

Пришлось Нику достать еще одну склянку и кинуть ее на покрывало. Подходить ближе к Роэну он пока не хотел — рискованно.

Вампир без раздумий осушил пузырек. Был бы Ник подлецом и интриганом, в нем бы оказался эликсир для словоохотливости. А так уже через полминуты Роэн шумно вздохнул и заметно расслабился. То ли похмелье у него было такое жуткое, то ли последствия удара в переносицу сказывались.

— Кровью пахнет, — констатировал вампир. — Плохо. Ты ранен? Я, конечно, сейчас полностью себя контролирую, но лучше бы обойтись без провокаций, мне не нужны дипломатические осложнения с Белавией.

— Зато они явно нужны кому-то другому! Кровь не моя. Заклинание на двери — тоже.

— Ого! — Роэн даже присвистнул, когда рассмотрел решетку. — Вот это наплели!

— Да, заперли надежно, разве что из окна прыгать. А перед этим впихнули меня в комнату с помощью другого заклинания, похоже, так как коридор был пуст, и еще облили кровью. Ты, кстати, не очень огорчишься, если я скажу, что твоя рубашка сильно испорчена? — поинтересовался Ник.

— Это сейчас не самая большая проблема, — отмахнулся вампир. Хотя

рубашку все-таки снял и кинул в угол комнаты. — Меня интересует другое.

— И меня. Например, я был бы не против узнать, как ты попал в мою комнату и зачем.

— Вот! Ты словно мои мысли читаешь. Я бы тоже хотел знать и как и зачем... Последнее, что помню, это как я налил себе четвертый стакан, — признался вампир.

— Спиртного?

— Ну не воды же!

— Кто-то был с тобой и пытался спойть?

— Нет, я сам, — вздохнул Роэн. — Тошно мне было, парней погибших поминал. Решил расслабиться.

— Только не говори, что пошел искать собутыльника в моем лице! Странное совпадение, — заметил Ник.

— В собутыльниках и вообще в компании я не нуждался. Да и не в состоянии был, честно говоря, самостоятельно дойти сюда.

— Еще и в темноте, — констатировал факт посол.

— Тем более. Я бы даже ползком не смог так безошибочно найти дорогу.

— Зато злоумышленники смогли. И даже тебя перенесли, причем максимум минут за пятнадцать, не поднимая шума.

Никоэль на глаз попытался определить вес вампира и пришел к выводу, что даже один человек справился бы с этой задачей, ведь Роэн довольно худощав. Парень не допускал и мысли о том, что данную ситуацию подстроили мартнаильцы. Во-первых, настолько громкий скандал, связанный с особенностями их расы, ни одному политику даром не нужен. А во-вторых, тот, кто спланировал «несчастный случай» с подвыпившим вампиром, неосторожно оказавшимся наедине с белавским послом, явно не знал некоторых фактов. В частности, что зрелые вампиры хорошо чувствуют не только кровь, но и запах людей, с которыми когда-либо общались. Друзей и приятелей, чей аромат ассоциируется с положительными эмоциями, никто и никогда не обескровит до конца даже в сильном забытии, разве что надкусит, пока соображает. А вот врагам, да, не повезло бы... Но у Ника-то с Роэном сложились вполне нормальные отношения!

— И куда смотрели тариманские шпики? — посетовал вампир. — Неужели твою комнату не контролируют? Не может быть!

— Скорее всего, они думали, что я десятый сон вижу, — сказал Никоэль в оправдание неизвестных охранников. — В комнату я удалился рано, свет не включал, шторы плотно задернул, не шумел. Немудрено

расслабиться. Это те, кто за тобой следит, могли бы вовремя спохватиться.

— Я не до такой степени важная особа, чтобы мне выделяли персональных наблюдателей, — покачал головой вампир. — Если к каждому иностранцу приставлять по тариманцу, работать на процветание государства будет некому.

— Но я тут краем уха слышал о твоей ночной прогулке, — осторожно поднял тему посол, опасаясь вопросов «где» и «от кого». — После нее за тобой должны были бы присматривать.

— Если это так, то мои шпионы к ночи тоже расслабились. Я шторы не задвигал, поэтому любой мог видеть, что я уже на ногах не стою и никуда не собираюсь. Это должен был быть тихий и печальный вечер.

— Как все совпало, — подсадовал Никоэль. — Даже включившийся в моей комнате свет наблюдателей не насторожил и не заставил прийти с проверкой. Как отсюда выбираться-то будем? Через окно? Потому что у меня такое ощущение, что заклинание на дверях рассеется только к утру. Или ты можешь его снять?

— Мне сил не хватит, увы. Можно, конечно, подождать, но, во избежание других неприятных сюрпризов от неизвестных злоумышленников, лучше бы нам обрести свободу передвижения и разбежаться, — с деловым видом начал рассуждать Роэн. Его даже отсутствие рубашки не смущало. — Окно открывается? Спуститься можно?

— Открываются только шторы, — вздохнул Никоэль. — А за окном снаружи новенькая металлическая решетка, словно к моему приезду на всякий случай ставили. Но если ты ее уберешь магией...

— И не рассчитывай. Если бы я был так силен и умел, мне бы дома другую должность нашли.

— Тогда остается размахивать руками на фоне окна, надеясь привлечь внимание.

— Что-то гложут меня сомнения...

— Думаешь, снизу нас будет плохо видно?

— Просто по закону подлости, если махать будешь ты один, сонные наблюдатели могут решить, что объекту слезки взбрело в голову стекло протереть, — фыркнул скептически настроенный вампир.

— А если вдвоем?..

— Тогда тем более удобно прийти к выводу, что оба объекта упились и буянят! Машут проходим в поисках третьего. Твои предшественники этими поисками прославились, от них все тариманцы уже просто шарахались.

— Мы еще и покричать можем.

— Да? — с удивлением протянул Роэн. — Действительно?

— Нет, — сникнув, признал Никозэль. Чуть поразмыслив, он понял, что морально не готов звать на помощь в такой глупой ситуации, когда непосредственной опасности для жизни нет. Проще тихонько в комнате до утра посидеть. Гордость огласку стерпит, а вот самоуважение... Двое взрослых мужиков — и не нашли выхода, подняли панику на пустом месте, к тому же на ночь глядя. После такого и против круглосуточного присутствия рядом няньки не пикнешь! Астор тут же воспользуется этим поводом.

— Я тоже кричать не намерен, — сказал вампир. — Это плохо отразится на моей репутации, потом домой объяснительные надоест писать.

— Пойду хоть окровавленную рубашку за окно на прутья вывешу, — решил Никозэль. — Ты ведь не набросишься, если я возьму ее в руки?

— Да хоть две рубашки, — отмахнулся Роэн и опустился на край кровати. Уже вторую ночь его преследовали неудачи. А он от первой ни морально, ни физически еще не отошел. Все мышцы ноют... ныли — поправился он, прислушавшись к себе. Обезболивающее сработало даже лучше, чем вампир мог бы надеяться. Повезло с белавским послом, запасливый. Так, а это что? Роэн с удивлением проследил, как Никозэль поднял одну окровавленную рубашку с пола в углу и... выудил вторую такую же из-под кресла. Ничего себе запасец! Он же пошутил насчет двух рубашек! Откуда?!

Но Никозэль и не думал объяснять понятный ему факт. Он молча открыл створки окна и вывесил рубахи, как флаги, завязав рукава вокруг прутьев решетки. Авось шпионы заметят и спохватятся.

— Не жарко там, — поежился раздетый вампир.

— Могу пока предложить на выбор для согрева вино или шпагу, — намеренно не стал упоминать свой гардероб посол. Он понимал, что первый вариант неприемлем, вампир только протрезвел, но ему и надо было, чтобы выбор склонился в пользу разминки с оружием. Очень хотелось посмотреть на мартнаильца с клинком, оценить приемы, что-то взять на заметку.

— Тебе охота сейчас фехтовать?

— Нет, но шпага все равно одна.

— Тогда лучше не надо, — покачал головой Роэн. — Если ворвутся тариманцы, то с ходу решат, что я тебя тут убиваю, — рассудительно сказал он.

— О! Слышишь? Кажется, уже бегут, — усмехнулся Ник, у которого не осталось времени на разочарование и попытки еще каким-нибудь образом изучить возможности мартнаильца.

— Топот слышу. Зато оружие не бряцает. Неужели с пустыми руками спешат тебя спасать?

— Там явно почти все маги.

— Так это замечательно! Доставай вино, будем создавать непринужденную обстановку, — засуетился Роэн, поднявшись с кровати. — Лучше бы спасателям не знать, что они нас спасают, — скаламбурил он.

— Не поверят.

— И пусть! Хорошая мина важна даже при плохой игре. А для дипломата — вдвойне.

Ник прислушался к словам старшего коллеги и выставил на стол початую бутылку и два стакана. Вина оставалось мало, не больше четверти, ведь запас никто не пополнял. Но он плеснул на дно каждого стакана чуть-чуть и решил, что так даже правдоподобнее. К сожалению, о неудавшемся покушении и источнике появления заклинаний на дверях все равно придется как-то честно рассказать, не играя на публику. Ничего, выкрутятся!

За дверью раздалась ругань. Кто-то присвистнул от изумления, кто-то, подбежавший последним, растерянно посетовал на недостаток сил. Видимо, и тариманские маги высоко оценили количество влитой энергии, такую решетку не расплеть на голом мастерстве.

— Ломайте! — узнал Никоэль голос Ксанта.

— Дверь? Невозможно! — запротестовал один из его подчиненных.

— Да хоть стену! Мне плевать, как мы попадем внутрь.

— Стену можно, — согласился неизвестный.

Однако тут категорически против оказался Никоэль.

— Стойте! — крикнул он, приближаясь к дверям. После чего перешел на белавский, вовремя вспомнив о своей роли человека, не сумевшего выучить чужой язык. — Давайте тогда подождем, заклинание к утру развеется или хотя бы ослабнет. Вы меня понимаете?

— Да пусть ломают, я к себе хочу! — возмутился Роэн. — Меня постелька ждет.

— Подождет! Потому что я хочу иметь целую стену в своей комнате, — отрезал Ник.

— Они ее утром заложат. А ты пока поживешь в другом помещении.

— Да-а? Как бы меня при этом и Абернану не заложили, ведь из-за

других послов здание ломать не приходилось.

— Ты их не просил, они сами решили ломиться внутрь, — пожал плечами Роэн. — Так и напишешь своему правителю.

— Как — сами? А рубашки?

— А что рубашки? Хочешь — вешаешь, хочешь — снимаешь. Это не преступление и не руководство к действию, — посмеиваясь, поучительно заметил вампир. — Мы кого-то звали? Сидели, выпивали...

— Не переиграй! — шепотом предупредил Ник, пихнув вампира локтем в бок. Ему не понравилось, что за дверью воцарилась тишина. К их перепалке явно прислушивались со всем возможным вниманием, благо что заклинание не глушило звуки.

— Никоэль, — позвал знакомый голос, в котором парень легко опознал Астора. — Ты ранен?

— Со мной все в порядке, — ответил белавец.

— А моим здоровьем поинтересоваться? — возмутился вампир, хотя при этом больше играл на публику, нежели испытывал истинное негодование.

— Я бы поинтересовался, что вы делаете не в своей комнате, — сказал министр иностранных дел.

— Поверьте, не вы один хотите это узнать, — усмехнулся Роэн. — Я бы тоже не отказался от информации.

— Откройте! Нам надо поговорить.

— Если бы мы могли открыть, мы бы тут вдвоем не сидели, — фыркнул Ник.

— Не выпивали до такого позднего часа, — поправил вампир, в свою очередь пихнув коллегу локтем, чтобы следил за словами и не портил «картинку».

— Заклинание накладывали не мы, — счел своим долгом заявить белавский посол. — Роэна усыпили и перенесли, пока я выходил, а меня облили чьей-то кровью и втолкнули в комнату. Кто это был, я не видел.

— Много крови потеряли?

— Я же объяснил, что она не моя.

— А своей?

— Да я на алкогольной диете, — подал голос вампир, чтобы пресечь инсинуации. — Покушение на Никоэля не удалось, аппетита не было.

Астор ругнулся на тариманском и принялся переводить сказанное для кори Ксантара. Их подчиненные, похоже, тоже прислушивались и не предпринимали никаких действий — ждали конкретных распоряжений. А если и колдовали, то узники этого все равно заметить через преграду не

могли.

— Несите накопители, — наконец скомандовал начальник тайной канцелярии. — Заклинание надо расплести. Как бы в комнате других сюрпризов, проявившихся к рассвету, не оказалось.

— Лариона проверьте, — попросил через дверь Никоэль. — Только толпой к нему не ломитесь, он точно этого не переживет.

В коридоре поднялась суета, послышался стук — сначала тихий, а потом все громче и громче.

— Ломать? — с энтузиазмом предложил кто-то на тариманском. Не защищенная заклинанием дверь в качестве противника явно показалась ему предпочтительнее защищенной.

Ник закусил губу. Да что им все ломать да ломать! Угробят ведь секретаря, до инфаркта доведут вернее, чем те, кто совершил сегодняшнее покушение. Но что он мог сделать? Парень отошел к кровати, удобно устроился полулежа и попытался расслабиться.

Вампир же переместился поближе к столу, постоял, подумал, потом схватил оба бокала, влил в себя содержимое сначала одного, потом другого и с заинтересованным видом потряс бутылку. Бульканье жидкости где-то в районе дна явно его не удовлетворило. Для запивания стресса надо бы больше.

— У нас вино закончилось, пока вы там возитесь, — громко пожаловался он тариманцам.

Именно в этот момент послышался треск. Но жертвой излишнего рвения стала отнюдь не зачарованная дверь, это вломились к секретарю.

— У Лариона же было открыто, — простонал Ник.

— Так ничего не изменилось, — хмыкнул Роэн. — У него по-прежнему открыто, но теперь чуть больше — нараспашку.

— Секретарь без сознания! — крикнул кто-то.

— Я спал! — донесся возглас Лариона. — Не трогайте меня! Что вы делаете? Вы мне чуть нос не сломали! А-а-а! Уберите мурчиану!

— Чего это твой Кронс так его расцарапал? — взвыл вдалеке Астор на тариманском. — Ксантар! Еще немного — и был бы очередной труп. Что я послу скажу... и Абернану?

— Как будто ты извинения еще наизусть не заучил. Главное, что посол все-таки жив. Пока.

— Надолго ли? — с сарказмом поинтересовался министр.

Вот и Нику стал интересен ответ на этот вопрос. Он хотел бы надеяться, что все будет хорошо, но происходящие события убедили его в том, что надо приложить усилия и самому начать выяснять, кому не угодил.

Способы приходили в голову недипломатичные, но... будет жив — извинится по примеру тариманцев. В канцелярии Абернана с удовольствием дадут переписать с накопившихся образцов.

Глава 10

ПОЛОСА БЕЛАЯ, ПОЛОСА ЧЕРНАЯ... УСОВЕРШЕНСТВОВАННАЯ

Выспаться Никоэлю не удалось, так как лег он на рассвете, выставив всех из своей комнаты, а встал в восемь утра. А как тут не встать, если за дверью в коридоре оставили двух охранников, которым взбрело в голову тихо приоткрыть дверь с поломанным в процессе устранения запирающего заклинания замком и посмотреть, на месте ли подопечный? Р-р-р! Проходной двор! Куда он денется из замкнутого и несколько раз проверенного Ксантаром помещения? За ним теперь и в туалет ходить будут, чтобы посол, не дай высшие силы, не утонул? Ник не приметил, но почему-то был точно уверен, что сегодня встал с постели с левой ноги.

Умывшись, парень натянул на себя простую рубаху, а сверху демонстративно накинул кольчугу. Вроде не тяжело, хоть и непривычно. Металлические звенья прикрывали торс, спускаясь чуть ниже пояса, а короткие рукава защищали руки до локтей. Облегченный вариант, предназначенный для скрытого ношения. Но ему скрывать нечего — пусть видят, что достали! От обычного нападения с холодным оружием он сам как-нибудь отобьется, без ухищрений, а от магии, которой атакуют намного чаще, кольчуга все равно не спасет. Теперь вопрос в другом: хватит ли ему одной шпаги или лучше и парочку кинжалов к поясу прикрепить? Тоже демонстративно. Ник надел перевязь со шпагой, сунул короткий нож за голенище растоптанного ботинка, при виде которого все придворные модники сморщили бы носы, и задумался, оценивая вес. Нет, пожалуй, к подвигам по переноске тяжестей он не готов, подвижности лишится. Зато пару склянок с летучим снотворным и парализующим можно прихватить в карманы брюк, куда никто не полезет. Все, к подписанию договора о намерениях он готов!

Выпив зелье для глаз, Ник пошел в столовую.

— У нас война? — зевая, поинтересовался на лестнице Роэн, одетый в любимый халат. Расписание он с некоторых пор совсем перестал соблюдать, раз уж белавский посол от него не шарахался.

— Да.

— Я что-то пропустил? Вы поссорились с фином Астором?

— Нет. Я помирился со здравым смыслом и начал слушать советы

инстинкта самосохранения. А тот советует не расслабляться.

— Полезное дело, только тяжелое, наверное, — оценивающе присмотрелся вампир к кольчуге и оружию.

— Не очень. Тем, кто будет любоваться на меня со стороны, будет гораздо тяжелее от сознания того, что я им больше не доверяю.

— А ты разбираешься в дипломатических намеках, — ухмыльнулся Роэн. — Пусть теперь для разнообразия тариманцы напрягутся и побегают, поволнуются. Вызова не боишься?

— Случайных не будет, во дворце все предупреждены, что меня лучше не трогать, чери Транту это не понравится. А иных... иных все равно не избежать.

— Каких таких иных? — не понял Роэн. — Бандитских, что ли? Это да, во дворце гвардия с тебя глаз не спустит, но до дворца надо дойти.

Беседуя, дипломаты одновременно сунулись в дверь столовой, причем вампир не преминул, словно случайно, притиснуть руку к карману Никоэля. Не нагрудному, естественно. Парень ухватил его за запястье и, поддевая, ехидно поинтересовался:

— Маньяк?

— Дипломат, — и не подумал смутиться Роэн. — Это намного хуже.

— Да уж... И что тебя заинтересовало в моих карманах? Может, у меня там компрометирующее лекарство от похмелья на всякий случай завалялось.

— Тоже интересно. На экспертизу бы его. Хорошая штука, действенная и необычная.

— Себя на экспертизу бы отправил.

— Намекаешь, что составляющие еще не вывелись из организма? — задумчиво проговорил Роэн.

— Нет. Считаю, что вашим ученым полезно было бы поискать, где у вампиров совесть!

— У вампиров на месте, а у дипломатов... Сам понимаешь. Теряется по дороге на чужбину. Это лишний груз в нашей профессии, двойная наглость гораздо полезнее.

— Съешь лучше двойной завтрак. Конкретно сегодня даже малая доля наглости тебе вредна, у меня на нее аллергия. Лекарство описывать на вкус надо или ты сам на поясе посмотришь и оценишь?

— Неужели рискнешь вызвать? — осклабился вампир, не веря.

— А ты фехтуешь лучше фина Астора?

— Не знаю.

— Вот и проверим, сравним.

Улыбаться Роэн сразу перестал. Ник почему-то был уверен, что ему успели доложить о состоявшихся вчера дуэлях. Вампир слишком ушлый, чтобы пропустить такие новости. Лишь бы любопытство не возобладало над осторожностью! Хотя Никоэль пришел к выводу, что в его ситуации лучшая защита — это нападение. Пока он будет осторожничать и деликатничать, какое-то покушение может стать удачным. Надо действовать самому, рисковать, изучать реакцию окружающих и надеяться, что недоброжелатель выдаст себя. Но это явно не Роэн, который не ухватился за возможность под благовидным предлогом расправиться с ним. Нет, в комнату вечером он наверняка явился не своими ногами.

Завтрак в присутствии задумчивого мартнаильца прошел спокойно. Его подчиненные объявились позднее, сели отдельно и довольно далеко. Страдающий после всех ранений и нервотрепки Ларион так и не спустился, слуга опять захватил ему наверх поднос. Даже охрана из тариманцев не мешала, мужчины подпирали стену по обе стороны двери и не предпринимали попыток приблизиться. Они явно не поняли ни слова из беседы с Роэном, иначе не были бы так спокойны. Но этот факт был только на руку Никоэлю, который не хотел иметь за спиной наушничающих Астору и Ксантару шпионов. Если все движения на виду, пусть хоть свобода речи останется.

— Ты сейчас во дворец? — спросил мартнаильский посол.

— Да, договор о намерениях подписывать.

— Я с тобой. Хочу узнать, что еще выяснилось по вчерашнему нападению.

— Времени совсем немного прошло.

— Не важно, надо официально заявить о своем интересе. К тому же ты же не думаешь, что следователи под утро разошлись спать? Работали как миленькие.

— А у тебя бессонница?

— У меня вредность, помноженная на необходимость, — отозвался вампир. — Не выспавшиеся чиновники, как правило, менее воздержаны на слова, надо только держать уши открытыми.

— Пока я еле глаза открытыми держу.

— Ты хотя бы одеться нормально успел и привести себя в порядок, не то что я.

— Открою тебе маленький секрет...

— Да? — насторожился Роэн, излучая внимание.

— В отличие от подушки, халат мне в сундук не уложили.

— Тьфу! Издеваешься?

— Удовлетворяю твое любопытство.
— А мне показалось, что вредность ты свою удовлетворяешь.
— Видишь, какая взаимная выгода? — не растерявшись, подмигнул Никоэль. Настроение было боевое.
— Подожди меня в холле, я сейчас, — попросил вампир.

К Астору дипломаты отправились вдвоем. Оба почему-то твердо были уверены в том, что министр уже встал, поэтому удивились, когда работающий в кабинете Линк сообщил: наставник еще не появлялся, он с другими учениками предоставлены сами себе. Говорил мальчишка с жутким акцентом, смотрел мрачно и неприветливо. Впрочем, Нея и Корн вообще голов не подняли, занятые переписыванием бумаг. Но, невзирая на это, Никоэль не упустил возможности заглянуть через плечо девочки и убедиться, что договор готовится. А что готовится детьми... Значит, так надо. Ник уже в достаточной мере понял своеобычность культуры тариманцев, чтобы прийти к мнению, что нельзя настаивать на своем видении ситуации как на единственно правильном.

— Что будем делать? — поинтересовался вампир.
— Я собираюсь посидеть в коридоре на диване и подождать, — сообщил белаец. — Тихо, безопасно, подремать можно.
— Тогда я пока на минутку на палатки схожу, посмотреть кое-что надо.

Ник безразлично пожал плечами и направился к облюбованному месту возле окна, он не нянька нарывающемуся вампиру. Жаль, что горизонтально растянуться на диванчике нельзя, некультурно получится. Хотя тут почти не ходят... Присев, парень в раздумьях внимательно поглядел в оба конца коридора. Однако принять решение не успел, так как другой наглец оказался быстрее. Черный пушистый зверь возник, словно из воздуха, быстро заскочил на колени и свернулся аккуратным клубочком. Со стороны не отличить от обычного домашнего кота. Но Никоэль-то знал, что это не так, его опять решил навестить знакомый котенок мурчианы. Правда, на сей раз без грозного сопровождения, при котором и лишнее движение не сделаешь. Впору имя давать.

— Черныш, рад тебя видеть, — улыбнулся парень и погладил зверя по шерстке. — Спать хочешь? Вот и я хочу, — вздохнул Ник, откидываясь на спинку дивана. Он прикрыл глаза и постарался расслабиться. А что? Теплое пушистое одеяло у него уже есть, пусть и маленькое.

По ощущениям прошло не так уж много времени, буквально несколько минут, когда посол услышал неторопливые шаги и голоса. Похоже, фин Астор опять шел вместе с кори Ксантаром и как раз жаловался на недосып.

Ник открыл глаза и бережно переложил клубочек с колен на диван рядом. Не хватало еще, чтобы его застали чуть ли не в обнимку с мурчианой! Ни к чему нервировать министра и тем более — его друга.

— Извини, Черныш, так надо, — прошептал парень. — Не то меня запрут в комнату с перинами, а ключ выкинут. Случайно. Причем новый пообещают изготовить через месяц.

Кот встал, встряхнулся, недовольно зыркнул и... снова без спроса забрался на брюки. Пришлось перекладывать еще раз. Однако черный бандит не смирился. Так они беззвучно и спорили, пока совсем рядом не раздалось:

— А ну, стой!

Ник замер, Черныш — нет. Воспользовавшись неподвижностью человека, кот с видом завоевателя взошел на колени и лег.

— Он вас не послушал, — пожаловался посол.

— Я просил не его, а вас, — пояснил Ксантар. — У этого обездоленного и так не слишком много радостей осталось, потерпите немного. Вы же никуда не торопитесь?

— Договор надо подписать.

— Он никуда не... — начал Ксантар, но не закончил, так как Астор с силой воткнул ему локоть в бок, чтобы не говорил за двоих и не портил ему процесс работы.

— Берите кота на руки и пойдемте, — попросил министр.

— А кот не в состоянии на собственных... — осекся Ник, почувствовав, как в ногу впираются когти. — Ясно, не в состоянии, — преувеличенно печально вздохнул он.

— Вы не волнуйтесь, он не опасен, — заверил Ксантар и чуть тише добавил: — Если обижать не будете.

Обидно, но ни он, ни его друг на кольчугу просто не обратили внимания. Словно послы у них так каждый день одевались.

В кабинете Ника усадили в кресло, положили перед ним три экземпляра договора, написанного на двух языках так, чтобы предложения с одинаковым смыслом чередовались, и придвинули чернильницу. Линк, Корн и Нея при этом притихли и, казалось, вообще перестали дышать. Астор украдкой показал Ксантару кулак и замер возле стола. И только Черныш не успокоился, он крутился то влево, то вправо, стараясь устроиться поудобнее.

Однако молодой посол не стал торопиться, он внимательно прочитал текст на обоих языках, убедился, что расхождений нет, и только тогда взялся за перо. Рука от волнения дрогнула, он чуть не посадил кляксу.

Подпись вышла корявой, еще и склонившиеся над ним тариманцы нервировали. Но Астор хоть бумагу гипнотизировал, а вот Ксантар уставился прямо в лицо. Тысяча драконов! Ник сообразил, что начальника тайной канцелярии наверняка заинтересовал эффект выцветания радужки глаз, и постарался успокоиться и опустить лицо ниже. Печатку он прикладывал, буквально утыкаясь носом в стол, что не очень понравилось зажатому Чернышу.

— Фу-ух, — выдохнул министр и быстро расписался сам, приложив ниже уколотый иголкой безымянный палец так, чтобы на бумаге осталась крупная капля крови. — Поздравляю! Первый шаг к решению вопроса наконец-то сделан! Даже не верится... Свой экземпляр я сразу уберу в сейф.

— А третий кому? — решил удовлетворить любопытство Никозель. — Мартнаильцам на хранение, как незаинтересованной стороне?

— Ничего себе незаинтересованной! Нет, их послу я и черновик подержать не доверю, ушлый тип. В Храм Богини отдам, целее будет. Вам же одного экземпляра для отчетности хватит?

— Да, — согласился Ник, сворачивая документ в трубочку. — Сегодня же отправлю в Вельт. Сейчас в комнату отнесу и приберу.

Но прежде чем он сподобился встать, перед глазами мелькнула какая-то картинка. Кажется, его стол в посольстве и документ на нем. Ник не успел ничего сообразить. Пока он моргал, Черныш схватил свиток в зубы, увеличился раза в три и выбрался в открытое окно. Второй этаж явно его не испугал, карниз был уже изучен и признан пригодным для выхода из здания. Увеличившемуся зверю не составило труда допрыгнуть до близлежащего дерева.

— Только не волнуйтесь! — воскликнул Астор. — Я вам копию отдам.

— Не надо. Кажется, Черныш решил оказать услугу по доставке.

— Черныш?

— Ну черный же, — пожал плечами Ник.

— Странно, — только и протянул Ксантар, никак не объяснив свой комментарий. Да он и не успел бы. Дверь в кабинет с шумом распахнулась, и внутрь заглянул син Яр — в форме и при исполнении.

— Фин Астор, там ваш посол!.. — воскликнул он.

— Какой посол? Где? Никозель же с нами сидит.

— Второй! Который вампир! Он опять прокрался во дворик и случайно попал на полосу. Ребята его обнаружили за колонной под заклинанием отвода глаз, отконвоировали поближе ко мне, легонько толкнули... Кто же знал, что он запнется и махнет рукой над стартом!

— Какой уровень? — коротко и по-деловому спросил кори Ксантар, стараясь оценить: надо сломя голову бежать выручать посла или можно расслабленно устроиться напротив белавца и завести разговор об обучении магии.

— Высший! Командный забег на шесть часов, когда более ловкие помогают более слабым товарищам, — ответил син Яр. — Только тренирующийся отряд уже далеко продвинулся, вампиру не догнать. Он там в одиночестве!

— Та-ак, спокойно, — попросил Астор. — Розна обязательно выбросит из магического пространства, когда он убьется. Немного постонет и пострадает от неприятных последствий, конечно. Но это не смертельно. Не опасно для реальной жизни.

Министр то ли себя уговаривал, то ли окружающих.

Син Яр пытливо глянул на Никоэля, при этом, очевидно, вспомнил, что тот не понимает тариманский, но все равно зачем-то понизил голос:

— Не выкинет его. Вернее, выкинет, но не на территории дворца. Мы пробовали новый экспериментальный режим, при котором длинная трасса формируется из естественных ландшафтов и препятствий посредством череды незаметных порталов, — сказал он казенной фразой, явно врезавшейся в память из-за многократного повторения магами-разработчиками. — Вампир может запросто очнуться и на дне оврага в сотне километров отсюда, и на безлюдном острове в открытом море, и посреди пустыни соседней державы. Наши экспериментаторы выискивали интересные и безлюдные места, не обращая внимания на границы.

— А как вы своих спасать собирались? — поинтересовался Ксантар.

— Маги все предусмотрели. Гвардейцы получили по маячку, с помощью которого через сутки, для назидания, их можно выдернуть в Тааримаад, — отрапортовал син Яр. — Только второго комплекта маячков пока нет, не изготовили. Если я отправлю вслед спасательный отряд и кто-то из людей потеряется... Я за них отвечаю, и без приказа чери Транта на такое пойти не могу. Вам этот вампир очень нужен? Перед правителем Белавии ведь постоянно извиняетесь, так, может, и тут...

— Не выйдет, — с искренним огорчением вздохнул Ксантар, которому не нравился резвый и наглый мартнаилец. — Если Розн выживет и вернется домой, будет скандал. Надо спасти этого... этого любопытного шпиона, которому все не сидится на одном месте.

— Значит, я к чери Транту, — вздохнул син Яр.

— Не надо, — быстро сказал кори Ксантар, пока командир гвардии не захлопнул дверь. — Трант же сам побежит, чтобы развеяться, а то у него то

одно посольство прибывает, то другое, то одна нервотрепка, то другая. Лучше я сам. Астор, сгоняешь со мной? В тебе я, по крайней мере, уверен. Вдвоем мы справимся не хуже большого отряда и проведем вампира к последнему portalу. Жаль, что Эдельлайна я отправил в Мартнаилию.

— Я — запросто. Только как же он, — глазами указал министр на Никоэля. — Полдня без присмотра!

— Поставь ему кресло на галерее, вручи бутылку вина и пусть наблюдает за нами и вампиром. Никуда он не денется, да и син Яр присмотрит после такого-то случая.

— Посол ведь объяснял, что не владеет магией, он ничего не увидит.

— А я тебе объяснял, если помнишь, что враки это все! Если он расслабится и посидит спокойно, даже без всякого обучения его зрение перестроится и приспособится правильно воспринимать информацию. Для этого я, собственно, и предложил выдать вино. Ты же не думаешь, что мне просто захотелось попить посла?

— Может, и получится, — задумался Астор. — Ни... парень, — поправился он, чтобы не проговорить полностью имя и не дать белавцу понять, что обсуждают именно его, — будет занят, увлечен. Только как ты его убедишь, что к стартовой полосе даже близко подходить нельзя? А если послу взбредет в голову размяться?

— Не взбредет. — Ксантар закашлялся, пытаясь скрыть смех. В отличие от своего друга, фанатично восторженно относящегося к полосе и не признающего иного мнения о ней, он заметил, что белавец не горел желанием повторить опыт с забегом. Скорее его желание было связано с тем, чтобы дать кому-то кулаком в глаз. Кому-то очень восторженному... Но он не будет лишать Астора иллюзий. Главное сейчас — как можно скорее пристроить Никоэля, занять его и со спокойной душой отправиться догонять вампира. В своих силах Ксантар не сомневался.

Ник, прислушивающийся к разговору, тоже не возражал против такого развития событий. Сидеть в лени и безопасности — красота! Можно даже без созерцания приключений Астора, Ксантара и Роэна. Хотя, конечно, он бы тоже с удовольствием прокомментировал чужие мытарства. Месть сладка... Этак и вино вкусным покажется, хотя не любил он его, а особенно — в большом количестве и без надежного антипохмельного зелья. Вот, много бутылочек он взял с собой, карманы чуть ли не оттопыриваются, но нужного в данной ситуации не захватил. Однако не упускать же из-за этого такой удачный случай для безопасного изучения полосы! Роэн все-таки опять нарвался. Явно прослышал про испытания и хотел втихаря хоть немного подсмотреть, но просчитался. Или же не

соврал, что не так уж силен в магическом плане — перехитрил сам себя.

Тариманцы размышляли и решали недолго, и не последнюю роль в этом сыграло их желание развеяться и размяться, хоть на время оставив все проблемы и дела. Да и Ник не стал возражать даже для видимости, когда ему на белавском предложили понаблюдать за тренировочным забегом со стороны. Син Яр лично вынес кресло на галерею и установил перед ступеньками, ведущими вниз, чтобы перила не мешали обзору. Астор еще по привычке было забеспокоился, что посол может сверзиться вниз и получить травму, но потом вспомнил всю историю знакомства с Никоэлем и понял: он перегибает палку. Этот так глупо не убьется. Вино тоже было найдено и вручено скривившемуся парню. Да, пить в одиночку не очень хорошо, но министр был категорически против того, чтобы син Яр или его люди составляли компанию белавцу. Пьяным море по колено — начнется бахвальство, взаимные подколки, а там и до совместного похода на полосу или до дуэли недалеко. Астор просто постарался убедить Ника, что если такой крупный специалист в области обучения магии, как кори Ксантар, настоятельно рекомендовал вино для первичного исследования возможностей своего дара, надо прислушаться.

— Бренди, — тихо шепнул син Яр, кивнув в сторону Ника. — Он после нескольких бокалов и пальцем двинуть не сможет, не беспокойтесь.

— Все, пошли, — поторопил начальник тайной канцелярии. — Вампир чересчур далеко удерет, не догоним.

— Фора в полчаса не беда. Роэн вон, видишь, даже не бежит, а медленно крадется, осматриваясь по сторонам. Осторожный, — похвалил министр. — Понял, что на сей раз неприятные сюрпризы подгонять его не будут.

— Да, не будут, только до последнего портала он такими темпами вовремя не доберется, — высказал свое мнение Ксантар. — Все взял? Воды во флягу набрал?

— Не учи ученого. Даже сверток с бутербродами попросил нам приготовить.

— Тогда в путь. Кронс, не отставай! — позвал начальник тайной канцелярии, и его темно-зеленая мурчиана тут же выскочила откуда-то из-за парапета галереи. Кот явно сидел за объемной балясиной и следил за происходящим.

— Рыж, за мной! — тоже окликнул министр, не желая в неведомых далях остаться без магического резерва. — А вы, Никоэль, — обратился он к послу, — лучше с галереи вниз не сходите, это опасно.

Ник кивнул, стоя на верхней ступеньке с бутылкой врученного вина в

руках. И в мыслях не было!

— Удачи вам... — начал было он, но не договорил. Речь прервал ужасающей силы толчок в спину. Магический, разумеется. Парень отлетел прямо к Астору, врезался в него всем весом, и они вместе повалились на жирную черту на земле, знаменующую начало тренировочной полосы препятствий. В глазах на миг помутилось, потом белые мушки замельтешили, как сумасшедшие, окончательно дезориентируя. Пришлось с силой зажмуриться и постараться прийти в себя. Правда, зажатая между ним и Астором бутылка, которая не разбилась только чудом, не очень-то способствовала расслаблению. Больно. Даже и представлять не хочется, каково пришлось министру, который вдобавок еще спиной и затылком о землю приложился.

— Удачи нам, — тихо пожелал парень и, открыв глаза, постарался сползти с придавленного тариманца. Ему даже оглядываться не пришлось, чтобы сообразить, что дворец остался где-то в невообразимой дали. Похоже, и в этом туре победу одержали те, кто пытается его запугать или убить — они опять поспособствовали созданию опасной ситуации, из которой надо еще постараться выбраться. Один ли это человек или разные компании с преступными намерениями, но отпраздновать небольшую победу могут все. Не ожидал он такого подлого нападения прямо посреди дворца в присутствии начальника гвардии, начальника тайной канцелярии и министра иностранных дел. Но отчасти сам виноват — оставил без наблюдения дверь прямо у себя за спиной, оттуда хоть отряд наемных убийц мог выскочить. Какой на паладио, наверное, сейчас переполох...

— Вы живы? — на тариманском с беспокойством поинтересовался Ксантар и, подскочив ближе, помог Никоэлю подняться. Следом склонился над другом и пощупал пульс на шее.

— Не дожدهшься, — хрипло сказал Астор, оттолкнув руку. — Что это было?

— Очередное покушение, похоже, — пожал плечами Ксантар. — Но разбираться будем позже, здесь мы ничего не узнаем. Ты как? В состоянии бежать? Времени остается все меньше, не успеем, тогда преступник точно окажется безнаказанным. А у нас еще и обуза появилась, — показал он глазами на посла.

— Минутку, — попросил министр. Он медленно поднялся, подвигал плечами, ощупал собственный затылок, а затем, не смущаясь, расстегнул жилет, рубашку и изучил живот в районе желудка. — Я всегда знал, что вино вредно для здоровья, но чтобы настолько... — констатировал он.

— А нечего его бутылками в желудок принимать, — усмехнулся

Ксантар, успокоившись насчет здоровья друга. Жить будет, даже несмотря на то, что не успел частично трансформироваться, задействовав резервные силы организма; от синяков еще никто не умирал.

— Один разбившийся бокал создал бы больше неприятностей. Хотя кольчуга тоже не вызвала восторга, — поморщился министр.

— Извините, — вздохнул Ник и окинул тоскливым взглядом простирающиеся вокруг бескрайние поля, покрытые жухлой травой.

— Вы не виноваты, — отмахнулся Астор и продолжил, все так же на белавском: — Не ожидал, что во дворце может найтись предатель. На шутку это происшествие не похоже, кто-то намеренно толкнул вас к черте, я видел след заклинания, но отреагировать не успел. Придется вам немного побегать с нами за компанию. Постарайтесь, пожалуйста, ни в коем случае не отставать. Это не обычная полоса и не иллюзия, если вы тут погибнете, то...

— Понимаю, что вам не хотелось бы снова выдумывать слова соболезнования, — перебил Ник. — Я готов, давайте поспешим. — Посол волновался, что какие-нибудь обстоятельства помешают прибыть к обратному порталу вовремя. Вдруг он не настолько хорошо бежит, чтобы угнаться за двумя тариманцами? Все-таки подслушивать их планы со стороны было гораздо спокойнее.

— Я побегу впереди, буду показывать дорогу, — объявил министр на белавском и добавил на своем языке: — Ксантар, а ты подстрахуешь посла со спины. Если мы потеряем сразу двух дипломатов...

— Не нагнетай заранее.

Астор сорвался с места и в среднем темпе помчался в ничем, на первый взгляд, не примечательном направлении. Рыж пристроился сбоку, приняв максимально возможный размер — чуть ли не до пояса взрослому мужчине. Никоэлю оставалось только сосредоточиться на спине министра, ну и под ноги не забывать смотреть. В том, что он именно сейчас снова попал на полосу препятствий, был всего один плюс: на этот раз стоило ждать исключительно банальных и естественных неприятностей, никаких зыбучих песков посреди леса, никаких деревьев, прицельно падающих именно ему на голову. Хотя лучше бы все-таки в тенечке удалось посидеть. Парня одолевала досада на себя, на обстоятельства и злость на того, кто умудрился его толкнуть. Он, конечно, настраивался, что роль посла дастся нелегко, готовился к проблемам, но в качестве таковых ждал максимум вызовов на дуэли, которые научился мастерски игнорировать. Вряд ли предыдущие дипломаты, разряженные по последней моде, со всеми своими регалиями носились по полям в сопровождении лично начальника тайной

канцелярии. Он оглянулся назад и убедился, что Ксантар и его мурчиана действительно бегут следом.

Никоэль не знал, куда именно их занесло, но пришел к выводу, что явно на юг, так как солнце припекало не по-весеннему. Кольчуга быстро нагрелась и превратилась в подобие пыточного устройства. Через полчаса парень потянулся ее снять и выбросить, но был остановлен кори Ксантаром, который недвусмысленно схватил его за руку. А-а! Тысяча драконов! Вот и надел бы на себя! Ему и так болтающейся на боку и бьющейся о бедро шпаги хватало с лихвой. Да и миниатюрные пузырьки в карманах приходилось придерживать и поправлять, чтобы сильно не бились друг о друга и не бренчали. Эх, знать бы раньше, что предстоит испытание на выносливость... Хотя кому он врет? Свои склянки он бы точно не выложил, природная запасливость даже бутылку вина не позволила выкинуть, парень так и бежал с ней, зажав горлышко в руке.

Первые полчаса бега были просто легкой прогулкой по сравнению с тем, что началось дальше. Поля пожухлой травы сменились просторами, заросшими колючими репейниками, перемежающимися с более высокими — почти в человеческий рост, — тонкими колосьями жгучих растений. От первых не спасали даже брюки, а от вторых приходилось беречь голые запястья и лицо, активно работать локтями, помогать себе бутылкой, изгибаться. Однако везло не всегда, поэтому сухие острые шипы изранили ноги до крови, а на тыльной стороне ладоней, на щеках и подбородке появились красные полосы, напоминающие воспаленные шрамы. Себя Ник видеть не мог, но если выглядел так же, как спутники, — жуть! Досталось даже мурчианам, нацеплявшим на шерсть репьев и то и дело выражавшим недовольство по этому поводу раздраженным мяуканьем.

— Астор, не пропусти Роэна, пора бы нам его нагнать, — предупредил Ксантар к исходу часа.

— Ты же не думаешь, что он прямо в репейниках на отдых присел? — огрызнулся в ответ Астор. — Тут даже не всякие разбойники засаду на караван устроить решились бы!

Министру приходилось хуже всех, так как он прокладывал дорогу и мимоходом собирал большую часть колючек на себя. А вот упругие жгучие колосья быстро выпрямлялись и доставляли остальным не меньше неприятностей. Чтобы уберечь лицо от ожогов, министр иногда произвольно замедлял бег, но бдительный Ксантар тут же прикрикивал, торопил и не давал расслабиться. Там, где вампир наверняка двигался осторожно, так как не знал об ограничении во времени, тариманцы и посол были вынуждены отдавать предпочтение скорости. Поэтому показавшиеся

впереди деревья, означающие край негостеприимных полей, вызвали радость и предвкушение. Тень, тропинки, веточки с нормальными мягкими листочками... Воображение рисовало заманчивую картину.

К сожалению, реальность оказалась не столь радужна. За несколько метров до первого дерева воздух неожиданно засиял, завихрился своеобразным калейдоскопом из туманных полос — синих, фиолетовых, зеленых, коричневых и черных, — стремительно затемнился до непроглядности, и лишь спустя миг эта дымка столь же быстро пропала. От резкого контраста Никоэля буквально ослепило. Он только чудом не налетел на спину Астора, и в этом ему значительно помогла раздавшаяся впереди тихая нецензурная брань.

— О! Снежок! — послышался сзади преувеличенно радостный голос кори Ксантара.

Сначала Ник подумал, что тот обнаружил поблизости белую мурчиану — именно так звали кота чери Транта. Однако уже в следующий момент почувствовал, что разгоряченную кожу начало пощипывать от холода. А потом проморгался и сам убедился: окружающие горы действительно были засыпаны снежным покровом, на вид не очень глубоким, не выше колена, только и такой факт не радовал. Что за садист комбинировал полосу препятствий?!

— Не останавливаемся, а то замерзнем, — бросил министр и помчался вперед.

Рыж и Кронс, покрытые репьями, быстро его обогнали и пристроились во главе колонны. Поскольку лапы утопали в снегу, передвигались они прыжками.

Ник мог бы поспорить и доказать, что он замерзнет в любом случае, беги — не беги, но пришлось беречь дыхание. Хоть бы не заболеть с таким-то резким перепадом температур! Он, конечно, не жаловался на закалку и здоровье, но это испытание может доконать и его.

— Подождите! — попросил посол и остановился.

Спутники были вынуждены последовать его примеру.

А он тем временем быстро и ловко сшиб горлышко у бутылки с вином об острый край огромного валуна, запрокинул голову и влил себе в рот немного согревающей жидкости. Авось убережет от простуды. Тем более что вино оказалось необычайно крепким, Ник даже закашлялся с не привычки. Бренди!

— И я глотну, — сказал Астор, забирая бутылку. Он повторил позу Ника и проглотил сколько смог, после чего передал выдержанный обжигающий горло напиток Ксантару.

— Крепкое, — тоже признал начальник тайной канцелярии то, что другие выразили только видом.

— Стойте! Оставьте и мне немного! — раздался возглас неподалеку, и вскоре впереди показалась голова Роэна, бегом взбирающегося к ним по склону.

— Кто бы сомневался, — протянул Ник. — Я даже не удивлен, что ты появился как раз к выпивке.

— У меня на нее нюх! — заявил вампир на тариманском, бегом сокращая расстояние.

— Лучше бы у вас на неприятности был нюх, честное слово, — вздохнул Ксантар и отдал бутылку.

Ответить Роэн не смог, так как активно уничтожал остаток бренди, невозмутимо проигнорировав тот факт, что этот самый остаток по объему равнялся выпитому другими втроем.

— Знал бы, раньше бутылку попросил открыть, вместо того чтобы оглядывать окрестности и зарабатывать лишние ожоги, — преувеличенно громким шепотом посетовал министр, обращаясь к Нику.

— Да, приманка, как оказалось, действует безотказно, — столь же «тихо» театрально заявил тот в ответ.

— Что бы вы понимали, — протянул вампир, вытирая губы тыльной стороной ладони. — Замерз.

— О, мы прекрасно понимаем, — заверил Ник. — Давайте поторопимся миновать эту местность. Южнее хочу, где кольчуга не будет холодить.

Несмотря на выпитый бренди, парень жутко мерз и только чудом удерживал челюсть, чтобы зубы звучно не клацали друг о друга. Гордость не позволяла демонстрировать, насколько ему неуютно.

— Так снимай эту железку, — предложил вампир, отбрасывая бутылку в снег, где она моментально провалилась и исчезла из виду — кажется, он метко попал в яму.

— Нет! — запротестовал Астор. — И бутылку ты зря выкинул, лишнее метательное оружие нам явно не помешает. Побежали, перерыв окончен. — Не утруждая себя дальнейшими объяснениями, он с места взвинтил темп до максимума, тем более что дальше путь пролегал по склону вниз, а не вверх.

Остальные, оскальзываясь, понеслись следом. Ник пристроился сразу за министром, потом Ксантар подтолкнул вперед Роэна и сам двинулся последним. Надо сказать, позиция начальника тайной канцелярии была оправданной, так как вампира постоянно приходилось толкать в спину или

ловить за руку. Нет, тот не изнемогал от усталости и не был пьян, просто так и норовил отбежать в сторону и полюбоваться с вершин и с кромки обрывов то дивными окрестностями, то пропастями.

— Да беги ты прямо! — наконец не выдержал и весьма фамильярно рявкнул Ксантар.

— Мы куда-то опаздываем? — поинтересовался вампир таким тоном, словно совсем не запыхался. Даже единолично выпитые полбутылки бренди на нем никак не сказались, хотя это было и неудивительно при морозе.

— Да! — хором подтвердили Астор, Ксантар и даже Ник, не ставший на этот раз делать вид, что ни слова не понял по-таримански. Промедление могло стоить слишком дорого, чтобы молчать в такой ситуации.

Уточнять, что имелось в виду и почему такая спешка, Розн не стал. Он понял, что лучше поберечь дыхание и выполнять общее требование. Успеет еще все выспросить, когда обстоятельства вынудят спутников приостановиться. Дураком вампир не был и сразу сообразил, что присутствующие не шутили и не разыгрывали, они слишком серьезны и сосредоточены на цели. Надо же было опять влипнуть с этой полосой препятствий! Ведь не планировал лично принимать участие в забеге, просто решил посмотреть одним глазком. Драконы побрали бы это начальство, которое заинтересовалось дворцовым паладио и требовало подробностей!

Снег слепил глаза, вскоре Нику пришлось прищуриться и смотреть под ноги через узкие щели. О том, чтобы внимательно изучать окружающий пейзаж, и речи быть не могло. Ох и не завидовал парень министру... Тот, в отличие от остальных, не имел права зажмуриваться, иначе рисковал пропустить ориентир. Еще на поле с репьями Никоэль заметил, что Астор держал курс в том направлении, где вдалеке с определенной периодичностью на несколько секунд возникали яркие вспышки магического происхождения. Он их тоже видел! То синие, то зеленые, то коричневые, то фиолетовые... Очень ненадежный способ указать направление в сложной ситуации, надо сказать, слишком легко проморгать, глядя под ноги. Хотя вряд ли выдумавшие полосу люди думали об удобстве, им явно хотелось организовать больше трудностей, чтобы подопытные бежали на пределе сил и возможностей.

Ник так погрузился в свои мысли, что чуть не врезался в спину Астору, когда тот внезапно остановился на месте.

— В чем дело? — где-то сзади поинтересовался Ксантар на тариманском.

— Трещина, — сказал Астор. — Надо прыгать.

— Так вперед! Вон, обе наши мурчианы спокойно дальше убежали.

— Я-то прыгну. А послы как? У них ни страховочного троса, ни второго шанса. После падения в расщелину выжить нереально.

— На сей раз я помогу тебе придумать извинения, так и быть, — сделал уступку Ксантар. — Поторопись.

— Может, путь в обход поискать? Или ты заклинание какое-нибудь придумаешь, чтобы на пару минут заделать провал.

— Какое? Богиня не любит вмешательства в природу, как и слабаков. У нас нет времени уклоняться с пути и обследовать местность. Да и не верю я, что наши изобретатели оставили возможность преодолеть препятствие без риска. Готовь извинения и прыгай.

— А ничего, что мы тоже тут стоим? — вмешался вампир. — Чего это вы нас за слабаков держите? Тут и прыгать-то всего... о-о-о... целый метр по ледяным краям, — выдвинувшись вперед, оценил он.

Никоэль обогнул министра и тоже прикинул свои возможности. Честно говоря, выглядела ситуация паршиво. На ледяных кромках было легко поскользнуться, отталкиваться от ненадежной поверхности было затруднительно, а лететь... лететь далеко. Если бы у него имелся выбор, он предпочел бы обойти. Но сейчас ни время, ни физическое состояние из-за отсутствия одежды по погоде не позволяли воротить носом и перебирать, только хуже будет.

— Прыгаем, — решился Ник и вернулся немного назад, чтобы было пространство для разбега. Он пришел к выводу, что проще стать первым, чем наблюдать за другими, переживать... Если кто-то свалится, заставить себя окажется еще сложнее.

— Может, веревку из одежды сделать? — предложил вампир тариманцам без особой уверенности в голосе.

— С голым задом ты тут тем более много не напрыгаешь — зачленеешь, — отрезал Ксантар, нимало не церемонясь. На политес не было времени, они и так не к добру остановились, ведь разогретые мышцы начали быстро стынуть.

— Рыж подстрахует на той стороне, хоть зубами за руку схватит и не даст соскользнуть вниз, если приземление выйдет неудачное — на край, — выпалил Астор. Он переживал за белавского посла, втянутого в неприятности не по своей воле.

И действительно, рыжий кот министра стремительными прыжками переместился к краю и приготовился. Кронс тоже без понуканий пристроился рядом с ним на расстоянии не больше метра. По всему

выходило, что прыгать надо было между мурчианами, чтобы при оплошности, в случае личной неудачи, успеть уцепиться котам за ошейники. Гордо отказываться от помощи Никоэль не стал, это не в его стиле — рисковать и красоваться, если можно избежать опасности.

— И лучше все-таки я первый перемахну расщелину и тоже постою наготове, — передумал уступать очередь министр, несмотря на то что понимал: у мурчиан на четырех лапах значительно больше шансов удержать человека на обледеневшей поверхности, особенно если они выпустят когти. Он просто не желал бездействовать и быть сторонним наблюдателем.

Однако Никоэль не уступил и не стал ждать. Он разбежался, оттолкнулся загодя, не достигнув самого края, и прыгнул, придерживая шпагу. И уже в полете, показавшимся ему каким-то замедленным, осознал: долетит. Парень коснулся льда, и ноги поехали вперед, в то время как плечи начали все больше отклоняться назад. Приземление, естественно, вышло на заднее место, которым он даже парочку бугров пересчитал. Тысяча драконов! Хорошо бы провал оказался единственным в этих горах! Ник неспешно поднялся и ощупал ткань брюк, боясь обнаружить дыру. На спутников он пока не оглядывался, давая себе время успокоиться, так как знал точно, что обычными его глаза сейчас никто не назовет.

— Никоэль, вы как? — послышался голос Астора.

— Порядок! — крикнул белавец в ответ. — Бросайте свои шпаги на мою сторону, без них вам будет удобнее.

Министр и мартнаильский посол расстались с клинками без возражений. А вот Ксантар, который не понял слов, но проследил за процессом и решил последовать их примеру, не преминул проворчать:

— Так просто меня еще никто не разоружал!

Никоэль подобрал шпаги, отнес их на несколько метров вперед и аккуратно уложил в снег. А распрямившись и обернувшись, едва не врезался лбом в плечо начальника тайной канцелярии. Похоже, тот прыгнул молча, без предупреждения, быстро и с полной уверенностью в своих силах. И даже кочки штанами не пересчитал. Обидно.

Но хоть Астор не обманул его ожиданий. Министр был следующим, и он не удержался вертикально на ногах, проехав некоторое расстояние от края в положении сидя. После этого тоже весьма озабоченно принялся ощупывать ткань и не успокоился, пока не убедился в отсутствии дыр. Только тогда он пошел за шпагой, доверив Нику и Ксантару следить за прыжком вампира.

Роэн же между тем поступил так, как никто от него не ждал. Он не

стал отходить и разбегаться, как остальные, наоборот — осторожно придвинулся к самому краю, напряжился и... толкнул себя вперед. Похоже, вампир не ставил перед собой задачу отлететь как можно дальше, а сразу нацелился вцепиться в ошейники мурчиан, даже руки загодя развел. Котам рывок не понравился, но они были вынуждены упереться всеми лапами и вытянуть ноги мартнаильца из пропасти.

— Какого... — не нашлось цензурных слов у Астора.

А Ксантар тем временем цапнул уткнувшегося лицом в лед Роэна за воротник, потянул вверх и, кажется, даже встряхнул в процессе водружения на ноги.

— У меня просто слишком тонкая ткань на брюках, — сказал вампир и ухмыльнулся. Если он испытал страх, то по нему не было заметно.

— Этому точно больше не наливать, — пробормотал Ник, не понимая, как можно добровольно так рисковать. Тем более что вампир был честен, рассказывая о нелюбви мурчиан к представителям своего народа, — как только исчезла опасность, коты вывернулись, чуть ли не выкрутив Роэну руки, недовольно фыркнули и спешно отошли подальше. Хорошо хоть не цапнули! Лариона вон до кровавых ран разодрали и чуть не загрызли без видимой вроде бы причины.

— А есть что налить? — торопливо поинтересовался мартнаилец.

— Пока нет. Но я не удивлюсь, если следующим участком пути окажется склад с вином, — ответил Никоэль. — За эти дни вдали от бутылки я тебя наблюдал не больше нескольких часов. Вы со спиртным взаимно притягиваетесь.

— Работа такая — спаивать окружающих, — развел руками вампир, честно признавая то, о чем оба тариманца и без его откровений наверняка догадывались. И хотя с местными чиновниками такая тактика не срабатывала — они в основном категорически отказывались от угощения, но с представителями других народов немало проблем было решено именно за бутылкой с разной крепости напитками. Да и с белавским посланцем, если бы не общая пьянка, он бы до сих пор был на «вы», как с фином Астором.

— Давайте двигаться дальше, — предложил Ник, чувствуя, что замерзает. Из рта при каждом слове вылетало облачко пара, свидетельствуя, что ощущения не врут и температура окружающей среды далека от комфортной. Снег продолжал слепить глаза.

Не дожидаясь ответа, парень сам сориентировался по магической вспышке и рванул в нужную сторону, ускорившись до предела сил. Хотя это не помешало обоим мурчианам обогнать его и проложить впереди

цепочку следов. Но так даже спокойнее — появилась гарантия, что на пути нет иных расщелин или ям.

Воздух знакомо завихрился в ничем, казалось, не примечательном месте — на ровной заснеженной площадке. Никозль на несколько секунд оказался дезориентирован цветными всполохами и был вынужден остановиться. В спину ткнулась чья-то рука, заставляя вслепую отступить вперед и освободить еще немного пространства у выхода из портала. Ноги провалились во что-то рыхлое, но не такое хрустящее, как снег, не такое упругое, как свежевспаханная почва. В первый момент Никозль даже встревожился, вспомнив зыбучие пески на полосе препятствий, которую еле прошел. Однако потом открыл глаза и понял, что ситуация не намного лучше.

Кругом простиралась пустыня. Куда ни кинь взгляд — сплошь песок, блестящий под лучами жарко палящего солнца, от которого и спрятаться-то негде. Ник заподозрил, что уже через пять минут не просто отогреется, а начнет с ностальгией вспоминать заснеженные горы.

— Да что за измывательство! — услышал он за спиной возмущенный вопль Роэна.

— Вода есть, но мало, так что терпим до последнего, — предупредил Астор. — Побежали, что ли?

Энтузиазма в голосе министра не смог бы расслышать даже самый чуткий оптимист. Очевидно, он был сторонником неожиданных и чересчур разнообразных опасностей и ловушек, однако устроенных в нормальных климатических условиях. Никозль начал склоняться к такому же мнению.

— Обгорим, — вздохнул Ксантар. Он расстегнул колет, стащил его с себя и накинул так, чтобы ткань прикрывала голову и шею. Рукава рубашки приспустил пониже, сжал кулаки и вывернул кисти, чтобы даже костяшки из манжет не торчали. В общем, серьезно подготовился к забегу, ведь ждать до вечера, когда спадет жара, не было времени.

Глядя на друга, точно так же поступил и министр. Да и Роэн не стал рисковать, замотал голову камзолом, оказавшимся длиннее колетов белавцев. Только Ник замер в растерянности — лишней одежды на нем попросту не было. Кольчугу он надел прямо поверх рубашки, прикрываться ею бесполезно и даже опасно. Достать носовой платок? Смешно. Попросить рукав у вампира?

— Мяу! — отвлек его раздавшийся сбоку звук.

Он глянул и в первый момент не поверил глазам, даже протер их на всякий случай. Вроде для миражей еще рановато, голову пока не напекло. На песке в шаге от него сидела мурчиана. Черная! Оставшаяся в далеком

Таримане! И не просто сидела, а небрежно подталкивала к нему лапой колет, которому тоже полагалось бы спокойно висеть на спинке стула в посольстве. Ник присел и недоверчиво пощупал ткань. Настоящая!

— Спасибо, Черныш, — поблагодарил он, быстро прикрывая голову, чтобы не задерживать остальных.

Однако эти остальные задержались сами, в немом изумлении глядя на кота.

— Мираж, — пробормотал Астор.

Розн оказался самым недоверчивым, он протянул руку, чтобы пощупать мурчиану и определиться, можно ли доверять органам зрения. Получил большой лапой по наглой конечности — к счастью, без когтей, — отшатнулся подальше и констатировал:

— Ведет себя как настоящий зверь, живой. На обман зрения не похоже.

— Но мурчианы могут перемещаться только к тому, с кем прошли обряд Обретения! — воскликнул Астор. — Так не бывает! Никоэль наверняка помнил бы, если бы много часов по собственной воле провел неподвижно, вплотную лежа к котенку, пока тот присматривается к его ауре и устанавливает связь. У него и возможности такой не было! Да и не выбирают мурчианы иностранцев, все-таки они — дар Богини.

Белавец криво усмехнулся. А его кто-то спрашивал — желает ли он лежать неподвижно? Пушистые гости просто прокрались, когда он уснул, и придавили все конечности, чтобы утром не сбежал. Присматривались ничейные котята, скорее всего, во дворце, в день приема, устроенного в его честь. А уж ночью в посольстве у Черныша было время на все остальное. Ник ведь догадывался, что неспроста начал видеть магию, неспроста мурчианы его навещали, просто боялся поверить. И что теперь? Он очень надеялся, что у тариманцев не положена смертная казнь за присвоение котенка. Признаться или играть в неосознанку? Ведь среди окружающих песков его так легко прикопать, чтобы неповадно было, и в очередной раз извиниться перед Абернаном II. Если одному Астору Ник запросто рассказал бы все, то Ксантару... Он не знал, чего можно ожидать от начальника тайной канцелярии, пока что тот показался ему не самой дружелюбной и мягкосердечной персоной.

— Я ничего не делал, — уклончиво сказал Никоэль. При желании его слова можно было трактовать и как отрицание обряда, и как честное признание в том, что ему и пальцем не разрешили двинуть и сорвать происшедшее Обретение.

Министр быстро перевел эти слова и спросил совета у друга, но

получил его не сразу. Ксантар некоторое время, забыв про солнцепек, задумчиво изучал белавского посла. Пришлось Нику делать вид, что рассматривает горизонт и ищет ориентир, чтобы не вступать в противоборство взглядов и ничем не провоцировать опасного тариманца. Наконец начальник тайной канцелярии произнес:

— Я не ощущаю его как представителя своей династии. А должен! Я ведь не ошибусь, если скажу, что у него карие глаза?

— Карие, — подтвердил Астор. Уж этот факт он успел заметить и запомнить. Еще подумал как-то, что светлокожему и светловолосому парню вряд ли пошли бы темно-коричневые полосы под бровями, нужно что-то гораздо светлее. Обычно то ли по велению природы, то ли по желанию Богини представители династий кори и чери были темными и смуглыми, а син, фин и зел — более светлыми. Исключения, конечно, встречались, но тогда блондины и русоволосые тариманцы рождались с черными бровями.

— Дома будете разглядывать белавца! — возмущенно вмешался в разговор Роэн. — А то цвет глаз у меня, конечно, не поменяется, зато цвет кожи точно станет красным! Мы же вроде опаздывали?

— Потом, — буркнул Астору Ксантар. Действительно не время. — Но связь с мурчианой стопроцентно есть, надо разобраться, как и почему Богиня позволила этому свершиться.

— Лучше бы не лезть в ее замыслы, — вздохнул Астор.

— А придется. Вдруг она предназначила тебе важную миссию, связанную с взятым под крыло парнем?

— Это какую такую миссию?

— Например, купить ему тени, связать и, преодолев сопротивление, нанести положенные полосы, — хохотнул Ксантар. — Добровольно белавец на такое явно не пойдет.

Никоэль мысленно согласился и при этом постарался сохранить невозмутимое выражение лица и ничем не выдать своих чувств. Не собирается он мазаться тенями, даже если кто-то из его настоящих родителей действительно был тариманцем. Воспитывался-то он в Белавии. Вот же влип с этой посольской должностью — то дуэли, то мурчианы, то полосы эти под бровями... Может, они ему и вовсе не положены, особенно если он всего лишь полукровка. У тариманцев же нет никакой династии для людей с белыми глазами, он выяснял. На осторожный вопрос, заданный как бы невзначай, Астор четко ответил, что белых глаз у здоровых взрослых людей не существует, если они, конечно, не слепые.

— Я лично помогу потом связать... кое-кого, — пообещал вампир на тариманском, — только побежали скорее. Я более влажный климат люблю.

Вслед за Астором, двинувшимся в сторону ориентира, Никоэль направился в задумчивости. Однако его волновал отнюдь не вопрос собственного происхождения, догадки подождут. Просто последняя фраза вампира неожиданно натолкнула на мысль, что на следующем участке пути после портала Роэн, скорее всего, получит желаемый климат, еще и с избытком. До сих пор смена обстановки отличалась сильной контрастностью. Поэтому, если сейчас им не хватает в пустыне воды, вскоре ее станет чересчур много. Готовиться ли к тропическому ливню или к выпадению из портала посреди открытого моря? Ник обеспокоился, так как в одежде и обуви, с оружием, да еще и в кольчуге не больно-то поплаваешь. Ему с таким грузом один путь — на дно.

Так и не пробежав и полукилометра, Никоэль остановился и стянул с себя сильно нагретую кольчугу. Пусть тариманцы ругаются, как хотят, у него своя голова на плечах имеется. И эта голова в данном случае сигнализирует, что без металлической сетки на теле гораздо легче и безопаснее, чем с ней.

Глава 11

КОНЕЦ ПОЛОСЫ И НАЧАЛО НОВОЙ ПРОБЛЕМЫ

Что он ошибся, принимая решение насчет кольчуги, Ник понял, когда пустынные барханы внезапно сменились нехоженым лесным пейзажем. Вокруг росли высокие и стройные, как на подбор, деревья и редкие кустарники, которые, к счастью, можно было легко обогнуть. Никаких густых зарослей и бурелома. Поначалу мешали бежать лишь сухие ветки и листья под ногами, многочисленные выступающие из земли в неожиданных местах корни, да разыгравшаяся не на шутку жажда, которую не удовлетворили те несколько жалких глотков, что были с собой у тариманцев. Пот пропитал рубашку, капельки выступили на лбу и над губой. Надевать колет было неохота, так что пришлось завязать рукава на шее и оставить его болтаться в виде плаща. Но главным неудобством и главной опасностью были все-таки не пот, жажда и усталость, главная опасность леса проявила себя только через несколько минут бега.

В плечо находящегося впереди Астора беззвучно вонзился шип. Министр замер, пошатнулся и моментально упал без сознания прямо под ноги Никоэлю.

— Какого дракона?! — ругнулся позади Ксантар. — Всем пригнуться!

Он кинулся к другу, аккуратно вытащил длинный шип, прижал к глубокой ране рукав и понюхал острие то ли каменного, то ли древовидного дротика, так как не верил, что обычная рана способна вывести сородича из строя. Белавский посол тоже без дела не стоял — проверил пульс и зрачки.

— Яд! — не сговариваясь, одновременно решили они, хотя каждый высказывался на своем языке.

И тут Ник, словно наяву, увидел картинку, которую, как он догадался, передал двигавшийся сбоку Черныш. Ему была продемонстрирована нижняя ветка дерева, с которой свисала зеленовато-коричневая змея солидного размера. Благодаря своей окраске она казалась причудливой корягой. Возле головы за затылком у этой «коряги» выступали вдоль тела довольно длинные округлые древовидные наросты, которые напоминали что-то уже ранее виденное. Что именно, стало понятно, когда твердая полоса стала двигаться и исчезать под кожей затылка, а из пасти вместо раздвоенного языка показался острый кончик. Шип! Змея выплюнула свое

орудие, и Никоэль непроизвольно пригнулся. А если такая штука в сердце попадет? Поневоле возникло сожаление о брошенной где-то в пустыне кольчуге. У змеи вон, помимо выпущенного, еще два шипа в запасе остались. Радовало только то, что новый на замену она наверняка день-два будет отрачивать. Впрочем, им и оставшихся хватит с лихвой.

— Берегитесь змей! Они маскируются под ветки и плюются шипами, — предупредил кори Ксантар, которому его Кронс, очевидно, показал аналогичную картинку. — Я поставил щит, но, сдается мне, не все так просто. Роэн, переведи белавцу. Я понесу Астора, так что не смогу его страховать. Перемудрили наши маги, без одного как минимум пострадавшего из этого леса явно не выйти.

— Минуточку, — попросил Ник, не дожидаясь перевода.

Ползком, не делая резких движений, он преодолел расстояние до дерева, где Черныш заметил змею. Очутившись возле основания высокой и тонкой сосны, достал из кармана склянку с сильным газообразным парализующим зельем, задержал дыхание, вынул пробку и, понадеявшись на удачу, подкинул пузырек вверх. После чего быстро метнулся за ствол, чтобы в ответ на свой рывок не получить шип. Под любопытным взглядом Роэна и осуждающим взглядом Ксанта́ра Никоэль, не дыша, выждал минуту, встал в полный рост и присмотрелся к змее. Вроде она не двигалась, даже голова свесилась вниз. Подействовало все-таки летучее парализующее вещество, хотя и было рассчитано на людей и крупных хищников типа мурчиан. Или это пузырек так метко сбил гадину? А-а, не важно, главное действовать быстрее.

— Черныш, мне нужно достать змею, — попросил Ник, так как сам при всем желании не смог бы подняться по абсолютно гладкому стволу до нижней ветки.

Кот не заставил себя упрашивать. Он уменьшился, подпрыгнул, вцепился когтями в кору и быстро полез наверх. Его примеру последовали Кронс и Рыж, решив, видимо, помочь. Достигнув нужной ветки, мурчианы дружно увеличились и зубами принялись теревить хвост змеи, стремясь размотать ее и скинуть вниз. Работали слаженно, так что вскоре парализованная и немного погрызенная туша тяжело шлепнулась неподалеку от Никоэля.

— Спасибо, — поблагодарил тот и в качестве эксперимента мысленно представил, как обнимает черного котенка.

После этого парень склонился над змеей, вытащил из-за голенища нож, вызвав уважительное хмыканье Ксанта́ра, оценившего подобную запасливость, и внимательно изучил строение метательной системы. Раз

шпы поступают в пасть, где смачиваются ядом, то и противоядие должно вырабатываться неподалеку. Надо только найти... Из опасения, что в процессе поиска к змее вернется подвижность, Ник бестрепетно отсек ей голову. В пасти, как он и думал, на верхней челюсти обнаружились две железы, отличающиеся по оттенку. Одна располагалась непосредственно возле отверстия, через которое втягивались шпы, а потому не сильно его заинтересовала, зато вторую, расположенную гораздо глубже, пришлось ковырнуть кончиком ножа. Парень смочил лезвие, приблизился к Астору, сдвинул ткань рубашки и плашмя прижал клинок к продолжающей кровоточить ране.

— А хуже не станет? — спросил Ксантар, хотя, поняв идею, не возражал против того, чтобы попробовать привести друга в сознание. Если Астор сам начнет двигаться, организм быстрее переборет и переработает яд.

— Не должно, — впервые на тариманском ответил Ник начальнику тайной канцелярии. Он успел все обдумать и прийти к выводу, что признаться и пообщаться с Ксантаром в будущем обязательно придется. Ему крайне необходим опытный советчик, способный просветить по поводу нитей, дуэлей, Богини... А если поделиться только с Астором подозрениями о своем происхождении, тот все равно от друга ничего не утаит. Без ответов на возникшие при виде Черныша вопросы тариманцы от него не отстанут.

Белавский посол настроился оправдываться и отвечать на море вопросов по поводу знания языка, но Ксантар просто не обратил внимания на фразу. В конце-то концов, хоть какие-то слова за неделю способен выучить любой, если вокруг него постоянно звучит чужая речь. А начальник тайной канцелярии к тому же в данный момент был слишком озабочен здоровьем друга и не старался ничего анализировать, хотя и отметил факт в памяти. Астор как раз глухо застонал, дернулся и открыл глаза.

— Встать можешь? — поинтересовался Ксантар. — Тебе желательно активно подвигаться, даже через силу, шип был отравлен. Никоэль ввел противоядие, я сейчас залечу рану, как смогу, но время идет.

— Долго я провалялся в отключке?

— Минут десять.

— А кто стрелял?

— Змеи, я о таких раньше и не слышал. Но я, собственно, и не специалист по иноземной фауне.

— Щит поставил? Их тут много? — занервничал Астор и резко принял

сидячее положение, чтобы удобнее было оглядываться и контролировать ситуацию вокруг.

— Пока только одну видели. Эффективность щита проверить не удалось, — развел руками Ксантар.

— Лучше на него не слишком рассчитывать, знаю я наших разработчиков полосы препятствий, — сказал министр и медленно, при поддержке белавца, встал на ноги. — Желательно бы обходить опасные места. Эх, сейчас Никоэлю пригодилась бы выброшенная кольчуга... Но маги хитро подгадали с погодой, броню большинство из узников полосы препятствий выкинули бы до этого леса ради скорости и маневренности.

— На четверых одну кольчугу все равно не натянуть, а ведь есть еще и мурчианы. Боюсь, здесь послы отнюдь не самые уязвимые, мы в равных условиях, — заметил начальник тайной канцелярии.

— Надо бежать дальше. Пусть мурчианы рассредоточатся и предупреждают нас об опасности. И сами, конечно, увертываются, они ведь намного подвижнее. Рыж — впереди по центру, Кронс — слева, Черныш — справа. Передайте своим мурчианам инструкции, пожалуйста, — попросил Астор, вновь возглавляя отряд, как самый опытный проходчик полосы препятствий. Первые шаги дались ему нелегко, он немного шатался, но вскоре по внешнему виду о недавнем отравлении никто и не догадался бы.

Следующий час мужчины двигались зигзагами и даже пару раз были вынуждены пробежаться назад, чтобы найти путь свободнее и безопаснее. Каждый получал картинки-указания от своего питомца и корректировал направление перемещения отряда. Кроме Роэна, естественно. Тот просто с недовольным лицом, на котором четко читалось «как мне все это надоело!», сворачивал туда, куда говорили. Общее направление на магический сигнал удавалось выдерживать с трудом.

Ник не знал, как остальные, а сам уже с трудом переставлял ноги. Пот заливал лицо, в боку покалывало, нещадно хотелось пить, а еще — упасть под ближайшим кустом и бездумно полежать, глядя на смыкающиеся где-то наверху кроны. Раньше он и не подозревал, что можно до такой степени вымотаться, сам удивлялся, как еще держится наравне с другими. Хотя, надо заметить, каждый уже упал не по одному разу, запнувшись о выступающие корни. Ладони саднили от царапин. Но даже Ксантар, как наиболее опытный маг, уже не лечил поврежденную кожу — берег силы. Применение магии тоже способствовало накоплению усталости, как и любое другое усилие. Да и зачем лечить, если через несколько минут ситуация останется такой же? Благодаря мурчианам они все убедились, что из хищников, реагирующих именно на кровь, в данном лесу разве что Роэн.

Однако вампиру давно было наплевать на запахи и провокационные виды, движения стали экономные и механические. Оживился он только тогда, когда Астор упал на траву перед самым порталом, устроив короткий и незапланированный привал.

— Придушу этих изобретателей полосы! — тяжело дыша, рыкнул Ксантар, присаживаясь рядом с другом; он тоже не был двужилым. — Дайте только до них добраться!

— Нет. Их надо высесть розгами, заморозить и посадить на кол. Отравленный. Пустыню я им, так и быть, прощу. Хотя нет, — передумал Роэн, — потом тела можно сжечь на жарком огне и пепел развеять.

— Ну ты и маньяк, — покачал головой Никоэль. — Сам же рвался на эту полосу.

— Посмотреть, а не поучаствовать! — возмутился вампир. — Я дипломат, а не помешанный на тренировках воин.

— Считаю, что в качестве дипломата принял участие в культурном мероприятии, — хмыкнул Ник. — Чем тебе не пикник? Вино — было, природа — в наличии.

— На пикнике я предпочитаю больше еды и вина и меньше природы. Поэтому для меня самый лучший пикник — это обед в ресторане возле кадки с фикусом, — отрезал Роэн.

— Хватит препираться, мы опаздываем, — сказал Астор и, кряхтя, поднялся на ноги. — Как вы считаете, что нас ожидает на той стороне портала?

— Река, — буркнул Ник, у которого такая перспектива совсем не вызывала восторга, даже если при этом удастся напиться от души и смыть пот. — По аналогии с пройденной мною полосой ближе к концу вода должна быть.

— Лишь бы не океан, — помрачнел Ксантар, который опять никак не прокомментировал тот факт, что белаец легко отвечал на тариманском. По виду начальника тайной канцелярии нельзя было понять, то ли он опять не обратил внимания, то ли заметил, но решил не поднимать эту тему в ожидании более спокойной обстановки. В конце-то концов, сейчас было не самое удачное время ссориться и выяснять отношения.

— А фонтан дальше нельзя? — вздохнул Роэн.

— Хотелось бы, но... Посмотрим! — заявил Астор, шагнув в сторону мерцающего в воздухе портала.

Никоэль привычно последовал за министром, при этом в момент краткой дезориентации при перемещении почувствовал, как по одежде, втыкая когти, вскарабкался ему на плечо уменьшившийся до предела

Черныш. Видимо, решил, что не хочет мочить лапы в чем бы то ни было. По инерции сделав еще шаг, парень понял, что проваливается. Опять! Он не ухнул в воду по шею, как полагал, однако это его не обрадовало, ведь вокруг простиралось... болото. Ник с чавканьем выдрал ноги из вязкой массы, в которую ступни засосало по самую шнуровку ботинок, и поспешно отпрыгнул ближе к Астору, устроившемуся на единственном относительно сухом островке. Скорее даже не на островке, а просто на большой кочке.

— Какая-то неправильная на этой полосе препятствий вода, — пожаловался посол министру. — Ни попить, ни выкупаться. Сейчас только еще больше запачкаемся и пропитаемся здешней вонью.

— Хорошо, если вообще дойдем до нужной точки, — мрачно буркнул утомившийся тариманец, который и так после отравления двигался через силу, преодолевая себя. Еще больше испортило настроение то, что Рыж по примеру Черныша уменьшился, забрался ему на шею и устроился в качестве воротника. Правда, даже в минимально возможном виде размеры и вес у него были отнюдь не как у котенка.

— Утоплю! — раздался вопль Роэна.

— Если ты о создателях полосы, — догадался Никоэль, — то топить в болоте оставшийся после твоих предыдущих мечтаний пепел просто глупо, смысла в этом никакого.

— Смысл в том, что я получу моральное удовлетворение.

— По дипломатической физиономии от меня ты получишь, если не перестанешь шуметь, — пообещал Ксантар, тоже щеголявший необычным воротником. Мужчина был выше и массивнее остальных, а потому проваливался в мутную и вонючую жижу гораздо глубже и быстрее, что не могло его не раздражать. — Надеюсь, опасной живности тут не водится? Или стоит ожидать каких-нибудь жутких оводов, слетающих на звук, или гигантских пиявок, до поры прячущихся под водой?

Ник внимательно осмотрелся вокруг, но ничего настораживающего не заметил. Честно говоря, самыми страшными в пределах видимости были тариманцы, особенно Ксантар. Из-за непросыхающего пота жидкие тени у обоих расплылись, запачкали веки, размазались под глазами, образовали на щеках тонкие потеки, чередующиеся с красными полосами от жгучей травы. Да и одежда выглядела не лучше.

— Надо залечить ссадины и ожоги, прежде чем соваться в болото, — предложил белаец.

— Давайте я, — отозвался Астор. — А Ксантар пусть побережет силы на крайний случай, когда без магии будет просто не обойтись.

Министр по очереди подошел к каждому, оказывая помощь. Он без проблем исцелил ранки, однако ничего не смог сделать с ожогами. Поневоле напрашивался вывод, что они должны пройти естественным путем... когда-нибудь. Астор тяжело вздохнул. Какими такими культурными мероприятиями он будет объяснять чери Транту изменения во внешности послов? Донесут ведь, обязательно донесут.

Ксантара тоже терзали не менее тяжелые мысли. Но его волновала не внешность послов, ведь главное, что они вообще живы. Ему хотелось быстрее добраться во дворец и выяснить, кто толкнул белавца на полосу в очередной попытке покалечить или убить. Шуткой подлое нападение со спины в их присутствии просто не могло быть. Однако как же угнетал тот факт, что предатель оказался допущен так близко!

Розн держал лицо, но в мыслях у него уже давно царила одна лишь нецензурная брань, не предназначенная для чужих ушей. Он дипломат! Причем очень хороший дипломат благодаря своей наглости, начальство его ценило. Написать бы ноту протеста и жалобу на то, что его толкнули... Но ведь в ответ обвинят в шпионаже и вышлют из страны! Вампир покосился на начальника тайной канцелярии. Нет, тот явно терпеть не будет, особенно если довести дело до скандала. Обидно, но придется молчать и улыбаться, улыбаться и молчать. Иногда для посла лучшая тактика — это не открывать рот, чтобы под горячую руку не попасть. Если не утонет в болоте, в одиночку выпьет бутылку бренди, ведь с похмелья ему лучше удастся строить из себя бессловесного идиота. Опять надо будет со скромным видом врать, что на галерее он воздухом дышал, а что за колонной и под невидимостью, так это чтобы никого не смущать своим присутствием.

Ника волновала более прозаическая проблема — как преодолеть болото. На будущее он пока ничего не загадывал и не планировал, решив действовать поэтапно. Вонючая бурая жижа, казалось, была везде, лишь кое-где полосками и островками из нее высывались жесткие стебли камышей. По идее под ними должна быть более-менее нормальная поверхность, не трясина, но брести явно придется по пояс в воде. Парень вытащил из-за голенища нож и зажал его в зубах, затем отстегнул шпагу с пояса, чтобы можно было нести ее над головой. Подумав, отправил в ту же руку и нож, а то и предупредить товарищей по несчастью ни о чем не сможет, только мычать.

— Я пойду вдоль камышей, — предупредил он. — Направление к portalу постараюсь выдерживать, но, сами понимаете, тут тоже не исключено, что надо будет двигаться зигзагами.

— Давай я вперед? — опять вызвался фин Астор.

— Нет, я легче, — покачал головой Ник. — Погружаться буду медленнее, вытащить меня проще.

— Тогда уж Роэна надо первого пустить, — заметил министр.

— А я разве вызывался? — возмутился вампир. — Как истинный дипломат, я предпочитаю уступить иностранным коллегам, национальные правила вежливости вынуждают...

— Если что и вынуждает, то повышенная хитрозадость, — проворчал Ксантар. — Правила в Мартнаилии уж больно гибкими получаются.

Роэн сделал вид, что не расслышал ни слова, увлекшись борьбой с перевязью шпаги. Он тоже счел, что негоже мочить клинок.

— Тысяча драконов! — выругался Ник, успевший удалиться от товарищей на несколько метров.

— Что случилось? — обеспокоился министр иностранных дел и вперил взгляд в воду, окружающую посла. Неужели тут все-таки водится какая-нибудь опасная живность? Подняв шпагу над головой, Астор быстро повторил путь Никоэля, ломая камыши и преодолевая сопротивление мутной жижи.

— Ничего опасного, всего лишь комары. Не ядовитые, но их очень много, — стараясь не открывать рот, не слишком отчетливо промышчал Никоэль. Лицо и кисти рук облепили агрессивные насекомые, он буквально чувствовал, как вздуваются твердые шишки в тех местах, где кожа оказалась проколота их хоботками. И поделаться ничего нельзя! Черныш пытался помочь, активно махая хвостом, но голодные комары не отставали. Кажется, они даже рубашку и колет насквозь прокусить умудрились.

— Щит, щит ставьте! — громко посоветовал Ксантар, заметив, что творится неладное. Сам он активно подталкивал к воде Роэна, решив на всякий случай идти замыкающим. Не для того, чтобы охранять спину вампира, просто потому, что он значительно тяжелее остальных.

— Нафле-ать им на щит, — промышчал Астор.

— Что? — не разобрал Ксантар.

— Клали они на щит, вот что! — завопил Роэн, ступивший в воду и вплотную познакомившийся с комарами, в связи с чем расшифровать неразборчивое слово ему было легче.

— Не знал, что вампиров тоже кусают комары. Мне казалось, что это прерогатива самих мартнаильцев, — прокомментировал Ксантар и тяжело плюхнулся в воду, достигавшую ему до пояса, в то время как Никоэль и Роэн брели по болоту чуть ли не по грудь. Только высокий рост в данной ситуации не очень радовал — опасность выше, площадь для посадки комаров больше.

— Тут комары, тьфу, тупые, тьфу, как и ваша экспериментальная полоса! — не смолчал Роэн. Его все достало, сил не осталось даже на любопытство. Он удивлялся только одному: как Никоэль еще терпит эти измывательства и даже рвется вперед? Кажется, военная подготовка у него лучше, чем можно было бы подумать, глядя на юный возраст и видимую простоту характера. Не забыть бы отправить домой донесение и предупредить насчет него, а то ведь тоже купятся. Роэн начал подозревать, что белавец работает на разведку — так же, как он сам. Если Никоэля Иберникского вдруг отправят в Мартнаилию, за ним нужен глаз да глаз. Не усыпляли ли белавцы чужую бдительность, раз за разом подсовывая тариманцам в качестве послов то дураков напыщенных, то пьяниц, то смешных и уязвимых в своей гордыне придворных лизоблюдов? Плохо. Плохо, что он не просек ситуацию, начальство будет недовольно. И в то же время... хорошо. Хорошо, ведь начальство далеко, а он тут, в болоте, где за спиной замечательно подготовленных шпионов выжить проще. Как бы только в Мартнаилии на собственную переподготовку не нарваться. Та-ак, лишнего в отчете лучше не писать, выражения выбирать тщательней.

Никоэль тоже вспомнил, что должен составить доклад о полосе препятствий, и теперь у него для этого даже материал есть. Но стоит ли описывать все трудности? Он опасался, что в канцелярии страшно обрадуются и срочно придумают, в какое бы место с сомнительной комфортностью его еще послать, чтобы уж наверняка угробить и угодить Абернану. Доказывай потом, что нанимался на должность посла, а не шпиона!

Ник в задумчивости размазал по лицу очередную пригоршню болотной жижи, хоть немного спасающей от вездесущих комаров, и чуть не пропустил развилку. В какой-то момент оказалось, что дальше стебли камышей есть и справа и слева. И куда двигаться? Приглядевшись внимательнее, он заметил, что слева один побег обломан. До них в том направлении явно сворачивал бегущий впереди отряд гвардейцев. Но не пришлось ли им возвращаться обратно? Впрочем, проверить правильность выбора тоже можно только опытным путем. Не поставив никого в известность, Ник сделал прыжок к обломанному стеблю и... вывалился в озеро с высоты своего роста, изрядно замочив Черныша. Видимо, создатели полосы постарались замаскировать портал и сделать «сюрприз». Форма озера и пейзаж по линии берега были подозрительно знакомы по прошлому посещению палатки. Никогда бы Ник не подумал, что так обрадуется, снова оказавшись тут! Он легко сориентировался и, сильно загребая воду правой рукой, помогая себе ногами, поспешил к берегу.

Шпага и нож в левой руке и лишний вес на шее затрудняли задачу, в ботинках хлюпало. Периодами казалось, что еще чуть-чуть, и он пойдет на дно.

Сзади раздался громкий плеск и недовольное мяуканье — для Астора и его мурчианы падение тоже стало неожиданностью. Роэн оповестил о своем прибытии звучным матом на разных языках, перешедшим в кашель. Он явно не успел вовремя закрыть рот, за что и поплатился. Ник мог бы напомнить ему, что иногда многозначительное молчание гораздо лучше любых слов, особенно при должности посла, но не стал умничать и портить отношения. Кори Ксантар и его Кронс погрузились в воду тише всех — они не издали ни звука.

На берег мужчины выбрались почти одновременно, отложили оружие и принялись выливать воду из обуви и выжимать одежду. Мурчианы просто встряхнулись, окатив их тучей брызг. Выглядели все, мягко говоря, как пугала. Ник и Роэн хоть лица в озере умыли от болотной жижи, а вот тариманцы, вынужденные из-за обязательных теней под бровями терпеть укусы комаров, так и щеголяли живописными разводами на веках, под глазами и на щеках.

— Красавцы! — иронически оценил Астор, глядя на друга. Себя он не видел, но догадался, что картина не лучше. — Мне бы теперь к себе добраться, не наткнувшись на лернийских или валорских послов. Нас и так чуть ли не ненормальными дикарями считают.

— Мы тихо и незаметно, по стеночке, — сказал Ксантар. — Давайте уже сделаем последний рывок до портала.

Тихо не получилось.

— Астор, Ксантар! — раздался вопль, едва они вчетвером вывалились из портала на палатку. — Вы другого места не нашли, чтобы устроить послам экскурсию? Я же просил пылинки с белавца сдувать!

Чери Трант был зол и не скрывал этого. Проблема уже давно переросла уровень одного министерства и превратилась в общегосударственную, оправдываться в очередной раз перед Абернаном ему явно придется лично.

— Пылинки мы это... смыли, — вздохнул Астор.

— А заодно заморозили, прожарили и предварительно замочили в болоте, — еле слышно хмыкнул Роэн.

— Да? — иронически протянул чери Трант. — Тогда считайте, что ваши премии за ближайшие полгода я тоже смыл на нужды государства! Ксантар, ты-то как? Я же просил!

— Я и охранял лично. Просто так получилось, во дворце затесался

предатель. Но я его обязательно найду.

— Ищи! Чтобы доложил имя не позже, чем через три дня. Хотя одна хорошая новость у вас для меня есть?

— Имеется, — отозвался Астор. — Мы с Никоэлем Иберникским подписали договор о намерениях, теперь ученикам готовить только один вариант текста.

— И свободных мурчиан стало на одну меньше, — дополнил Ксантар.

Но, видимо, выразился не слишком удачно, так как чери Трант ужаснулся:

— Еще убили? Опять?!

— Пристроили, — поправил начальник тайной канцелярии. — Посол успешно прошел обряд Обретения. Почему это стало возможно, будем выяснять.

— Мартнаилец? — удивился правитель и пытливо посмотрел на вампира. — Богиня не могла допустить подобного, аура неподходящая для образования связи.

— Белавец, — кивнул Ксантар на Ника. — Теперь у него есть дополнительная защита — с когтями и клыками.

— Да-а... — протянул чери Трант, — даже Богиня уже не верит в наши способности сохранить послу жизнь и здоровье. Дожили! Астор, помоги белавцу освоиться с подопечным. Надеюсь, не надо объяснять, что случится, если вы не уследите и оба погибнут? Нам только гнева Богини не хватало! Син Яр, — оглянулся правитель на скромно притулившегося к колонне начальника гвардейцев, — вы тоже выделите людей. Всем охранять!

Ник представил таскающуюся за ним следом толпу, ужаснулся и возразил:

— Не надо меня охранять! Я сам справлюсь, особенно если фин Астор поможет, а кори Ксантар покажет, как создавать щит. Мне не нужна толпа соглядатаев, вы не можете так плотно следить за послом чужой страны.

— А кто сказал, что они будут следить? — делано удивился чери Трант. — Гвардейцы просто по чистой случайности будут гулять там же, где и вы. Син Яр, — снова обратил правитель взор на начальника гвардии, — самых спокойных отберите и сделайте им строгое внушение. Чтобы никаких ссор и скандалов!

Отдав распоряжение, чери Трант быстро развернулся, несолидно взбежал по лестнице на галерею и скрылся в здании. Видимо, опасался дальнейших возражений и решил таким образом пресечь их на корню. Можно было, конечно, подать правителю претензию в письменном виде, но

бумажка — вещь, которая легко теряется, секретарь важной персоны — человек непонятливый, когда выгодно, а случаи нарушения прав и свобод — факты, требующие неопровержимых доказательств. Одни эмоции к делу не пришьешь, хотя в личном споре, лицом к лицу, и они играют немаловажную роль, помогая добиться своего.

В общем, Никоэлю оставалось только скрежетать зубами. Он не хотел знакомиться с новыми людьми, особенно пока у него перед глазами все еще мельтешит белая нить, напоминая о грядущей неизбежной дуэли. Справится ли? Будет ли Богиня так же благосклонна, как и прошлый раз? Действительно ли она взялась его охранять, или предположение о тариманском происхождении все-таки правильнее? Ник шумно выдохнул и принялся с решительным видом выяснять, кто его враги.

— Человека, который сбросил меня магией с галереи, поймали? — спросил он. — Импульс был такой же, как в том случае, когда меня втолкнули в комнату к пьяному Роэну.

— Сожалею, но, когда я вбежал в здание, в пределах видимости никого уже не было, — ответил син Яр. — Преступник не мешкал.

— На кого наткнулся в анфиладах вблизи? — поинтересовался кори Ксантар. — Ты же прочесал ближайшие коридоры?

— И я, и мои люди, — кивнул син Яр. — Всего в списке человек пятьдесят набралось. Послы Лернии и Валории шли к фину Астору, два мартнаильца искали начальника, министры здравоохранения, строительства, дорог и финансов совещались неподалеку. Первые требовали денег, последний пытался сократить суммы, вывернуться и сэкономить. Шесть гвардейцев стояли на ключевых местах в карауле, а потому тоже подпадают под подозрение. Несколько горничных, три камердинера, два секретаря, помощница прачки, два помощника портного, шесть магов, занимавшихся зарядкой светильников, один оружейник, четыре курьера, с десятков моих подчиненных, решивших в свободное время пойти потренироваться на паладио... Да настоящий преступник легко мог выйти или затаиться в личной комнате, если хорошо знает дворец! Магией почти все владеют, а уж амулетом воспользоваться тем более любой сумел бы.

Н-да... И без того не слишком хорошее настроение у Никоэля испортилось еще больше. Коридоры утром выглядели такими пустынными... Но это впечатление оказалось обманчивым. Тем более что парень был твердо уверен: син Яр нарочно забыл назвать еще как минимум полдюжины шпигов кори Ксантара, которые должны были следить за ним, за Роэном и за послами Лернии и Валории. Явно ведь тоже неподалеку

ошивались, хотя и старались никому не попадаться на глаза.

— Проходной двор, — вздохнул Ксантар. — Я прикажу всех опросить, но сомневаюсь, что что-то удастся выяснить.

— В Храм надо сходить. Вдруг Богиня подскажет? — подал голос Астор.

— О! Действительно, надо бы еще посетить, а то первый раз был неудачным! — воскликнул Роэн. — Меня возьмете?

— Да, берите его, а я в комнате отдохну, — широко зевнул утомленный Никозль. — Сегодня на остаток дня у меня запланирована желанная встреча с подушкой и увлекательная экскурсия в страну сновидений, а завтра — досадный, но необходимый поход по лавкам готовой одежды и обуви.

— Не-е-ет, — протянул кори Ксантар. — Сегодня у вас на вечер увлекательное — для меня — чаепитие в моем кабинете с игрой в вопросы и ответы, а завтра... завтра, так и быть, будут вам лавки по пути в Храм. Жду вас в шестнадцать часов, Астор зайдет и покажет дорогу.

— За мной заходить не надо, я сам дорогу знаю, — заверил Роэн.

— А вы куда-то собрались? — делано удивился Ксантар.

— Чай пить, — с невинным видом отозвался вампир. — В игру, так и быть, можете играть без меня, я просто послушаю.

— Эх, ничему вас произошедшее не научило, — посетовал фин Астор.

— Вас тоже, — нагло заявил Роэн. — Лучше меня один раз пригласить официально, чем я начну искать тайную лазейку. У вас окно в кабинете широкое? Решетка есть? — посмотрел он на кори Ксантара.

— Окно широкое, а вот с длиной комнаты проблема, — серьезно сказал начальник тайной канцелярии. — Боюсь, длины не хватит для вашего носа, он попросту не поместится.

— Проверить бы надо, — с наглым выражением лица усмехнулся вампир, ничуть не обидевшись. На правду обижаться глупо. По заданию начальства он действительно сует свой длинный нос во все щели.

— Безопасность превыше всего, не будем рисковать здоровьем столь ценного дипломата, — отказал кори Ксантар.

— Да, а еще одна бутылка выдержанного бренди наверняка поможет это самое здоровье поправить, — постарался смягчить отказ Астор, предложив «взятку».

Мужчины разошлись недовольные. Роэна снедало любопытство, он мысленно прикидывал, как бы подслушать разговор. Ник хотел как следует отдохнуть, собраться с мыслями, прощупать почву наводящими вопросами, прежде чем делать признания и делиться предположениями. Однако его

решили лишить такой возможности. Ксантар жалел, что не может немедленно утащить белавского посла в кабинет и тщательно допросить, подобные действия не одобряют ни Астор, ни чери Трант. Недипломатично, видите ли! А министр иностранных дел опасался отпускать Никоэля в посольство, предпочел бы постоянно находиться рядом и охранять. Но парень наверняка сейчас желает искупаться и потому совсем не поймет и не одобрит, если кто-то станет напрашиваться составить компанию. Астор и сам бы в восторг не пришел от такой навязчивости.

До апартаментов Ник добрался без приключений, если не считать косых взглядов, преследовавших их с Роэном до самого холла здания. Черныш отстал где-то по дороге, бросив напоследок картинку какой-то крыши. Парень так понял, что кот хочет понежиться на солнышке и умыться, ведь ему ванна ни к чему. Зато Никоэль с удовольствием погрузился в горячую воду, нагретую специальным амулетом. Опасался, что и вовсе уснет там, однако сон не шел, сказывались чрезмерная усталость и боль в мышцах. Дома ему скучно стало заниматься алхимией... Ха! Зато теперь он выше крыши обеспечен ежедневными развлечениями. Впечатлений столько, что кажется, будто он в Таримане полгода живет. Интересно, проснулся ли отец? Все ли у него в порядке? И не спросишь же ни у кого, не задашь такой вопрос в письме секретарю Триану.

— Договор! — хлопнул себя по лбу парень. Он неохотно поднялся из воды, вытерся, повязал на бедра полотенце, и как был босиком прошел в комнату, оставляя на полу влажные следы. Лучше сразу отправить, не затягивая, а то забудет еще. А тут посторонние так и шастают, как у себя дома.

Бумага, доставленная в комнату Чернышом, лежала на указанном месте — на краю стола. Оставалось решить, прилагать ли к договору отчет о прохождении экспериментальной полосы препятствий или лучше не рисковать. Известие о личном участии в забеге наверняка повеселит чиновников, а принцип порталов заинтересует магов. Последние всю душу вынут, требуя подробностей. Надо ли оно ему? Молчать — не патриотично, говорить — глупо. Будет действовать дипломатично! Напишет, что наблюдал со стороны и подробностей не знает.

Быстро черкнув полстранички текста, Никоэль вложил письмо и договор о намерениях в шкатулку, после чего занялся самолечением: намазал следы комариных укусов мазью. Рубцы от ожогов тоже следовало бы обработать, но не все же сразу делать. Они хотя бы так не зудели. Да-а, вид у него в ближайшее время будет тот еще, не для впечатлительных...

Не успел Ник нормально одеться, как в процессе застегивания

рубашки услышал треньканье — пришел ответ.

«Через час к вам в Тааримаад по расписанию прибывает наш посланник с важным письмом, — прочитал парень. — Он выехал через неделю после вас. Достаньте бумагу из конверта и в развернутом виде протяните этому чиновнику. Там приказ о назначении его на должность старшего секретаря. Вышеупомянутое лицо переходит в ваше полное распоряжение. Если секретарь затеет с кем-то дуэль или поссорится — не мешайте, мы не слишком ждем его обратно, он нам во дворце не нужен».

— А мне нужен?! — вслух возмутился Никоэль. Ему и представить было страшно, что там за сноб, способный сразу вывести из себя любого, из-за чего даже во дворце ему места не нашлось. Дерзких при дворе привечали, однако не тогда, когда эта черта характера шла вкупе с глупостью. Необходимо все-таки не перегибать палку и знать, когда промолчать. Ник не обольщался, что не так понял фразу. Ему почти открытым текстом написали, чтобы не мешал идиоту покончить жизнь самоубийством. Наверное, стоило бы осудить их за это, но у Ника превалировало сочувствие. К себе. Разве у него было мало проблем?

Посмотрев на механические часы, парень прикинул, что старшего секретаря в аккурат надо встречать в то же время, когда у него назначено «чаепитие» с кори Ксантаром. Придется немного опоздать. Он только поздоровается, глянет хоть одним глазком на прибывшего и сразу же бегом рванет на допрос. Жаль, конечно, но все надо делать самому. Ларион, не до конца излечившийся от ран от когтей и клыков, отказывался даже комнату покидать. Эх, и зачем нужен второй неадекватный секретарь? Или, может, на новенького наговаривают? Ник задумчиво свернул письмо, бросил на стол, выпил бодрящее лекарство из своих запасов и в нетерпении вышел на улицу. Посидит на бортике фонтана, отдохнет, городом полюбуется, а не то, если он сейчас расслабится и попытается все-таки уснуть, запросто обе встречи пропустит.

В одиночестве Никоэля не оставили. Едва он переступил порог здания, как по бокам пристроились два охранника в гвардейской форме. Они старательно оглядывали окрестности и словно не замечали посла. Пришлось тоже сделать вид, что в упор их не видит. Ну не ругаться же с ними? Они тоже люди подневольные и всего лишь выполняют приказ. Ненавязчиво молчат, не претендуют на место на бортике фонтана, и ладно.

Глава 12

ВСТРЕЧА С НЕДАВНИМ ПРОШЛЫМ

Просидел в ожидании Ник недолго — и получаса не прошло. Послышался грохот колес по брусчатке, что в центре Тааримаада было редкостью, в отличие от цокота копыт, следом раздалась громкая ругань. Парень заметил, что черная изрядно запылившаяся карета, богато украшенная позолоченными виньетками, гербами на дверцах, едва не сбила горожан, когда ее занесло на повороте. Новый старший секретарь явно любил быструю езду, раз не попросил кучера править аккуратнее, ведь не опаздывал же к назначенному сроку. Куда этот ненормальный торопился?! Явно не выполнять прямые обязанности. Чутье настойчиво подсказывало Нику, что стоит ждать неприятностей.

Карета заложила круг, объехав фонтан и распугав пешеходов, после чего встала в аккурат напротив крыльца, ведущего во дворец. Кучер буквально слетел со своего места, торопясь открыть пассажиру дверцу. Однако Никоэлю удалось рассмотреть только модные туфли, украшенные блестящими пряжками, и белые чулки прибывшего аристократа. Но и ноги вскоре исчезли из виду — видимо, новоназначенный секретарь поднялся на несколько ступенек. Неужели он не отличает дворец от посольства? Ник тяжело вздохнул и неохотно встал, борясь с болью в мышцах. Придется идти разбираться.

Но не успел, ругань началась раньше.

— Доложите о моем прибытии, — надменно сказал аристократ знакомым голосом. На белавском, разумеется.

— Сюда нельзя, — попытался объяснить кто-то из гвардейцев, охраняющих вход. — Мы вас не понимаем, но вам наверняка в здание напротив.

— Ты мне еще пальцем тыкать будешь? — раздался возмущенный вопль. — Мне, будущему маркизу?! Сам поди прочь! С дороги!

Налицо было явное недопонимание. Один хотел помочь и услужливо показать необходимое направление, второй вообразил, что его гонят прочь нехитрым жестом. Похоже, он действительно не соображал, куда ломился, ведь главный дворец в Тааримааде выглядел намного скромнее, чем особняки дворян средней руки в Вельте.

Шелест вынимаемой из ножен шпаги застал Никоэля возле кареты. Он

увидел спину приготовившегося к бою белавца в желтом, украшенном черной вышивкой камзоле, и черных бриджах, расшитых золотыми шнурами. Напротив замер, положив руку на эфес, гвардеец с синей подводкой под бровями.

Служивый, наверное, сдержался бы, но выпад, нацеленный в живот, вынудил его обнажить оружие и поставить блок. Может, и аристократ не жаждал серьезного боя и ограничился бы угрожающим уколом, не повредившим ткань формы, однако шпага в руках визави заставила действовать решительнее. Клинки несколько раз быстро столкнулись в воздухе в опасном и завораживающем танце.

— Я вызываю вас на поединок доблести! — громко выпалил гвардеец, оценив, видимо, уровень мастерства приехавшего аристократа и сочтя его достойным противником для посвященного Богине боя. Или у него нить появилась? Кто знает.

— Стойте! — попытался вмешаться Никоэль, уже понимая, что безнадежно опоздал. Одному не позволит отступить формула вызова, второму — спесь. Не бросаться же между противниками, рискуя жизнью? Нет, он не нанимался спасать идиотов!

На завязавшийся бой мало кто обратил внимание. Прохожие безразлично скользили взглядами мимо, торопясь по своим делам. Лишь трое коллег гвардейца без всякого волнения наблюдали за происходящим. И Ник, естественно, тоже.

— Это дуэль до первой крови, — громко предупредил посол на белавском, глядя, как аристократ целится в область сердца.

— Плевать, победителей не судят, — не отвлекаясь, бросил приезжий.

Отражая нацеленный в бедро выпад, он чуть сменил позицию и развернулся, и это позволило Никоэлю наконец рассмотреть его лицо. Молодое, надменное, знакомое... Да это же Риардон! Ну, удружили в канцелярии! Он с ним в одном посольстве просто не уживется. К тому же Риардон явно откажется подчиняться. И что делать? Самому его прибить?

Желание остановить дуэль у Ника пропало. Будь что будет! Риардон сильно заблуждался, если думал, что победителей не судят. Судят! Если люди не посмеют тронуть чужого подданного, преднамеренность подлого поступка которого не смогут доказать, то сама Богиня... Сомнительно, что она спустит с рук такое убийство. У Ника уже была возможность убедиться в том, что Богиня внимательно следит за всеми поединками. Но в принципе его устроил бы любой вариант развития событий — и если гвардеец ранил бы спесивого аристократа, и если бы аристократ убил гвардейца и понес заслуженное наказание. Совесть даже не пикнула. Ни к чему жалеть

тариманца, который бросил вызов, не имея возможности убедиться, поняли ли его. По умственным способностям оба противника недалеко ушли друг от друга.

Риардон дрался хорошо, профессионально, без волнения, было видно, что ему не привыкать махать шпагой в подобных обстоятельствах. Однако опыт не помог победить. Миг — и из колотой раны на предплечье хлынула кровь, быстро расплываясь на светлом рукаве. Аристократ охнул и выронил оружие, не в силах больше удерживать его правой рукой. А гвардеец благородно сделал пару шагов назад и замер.

— Что здесь происходит? — раздался запоздалый вопрос от дверей дворца. Видимо, Астор направлялся к Никоэлю и никак не ожидал обнаружить его прямо на крыльце, да еще и не одного. Фасон одежды и обилие украшений недвусмысленно указывали на то, что раненый тоже являлся белавцем. Во всяком случае, его не спутаешь ни с лернийским оборотнем, ни с мартнаильским вампиром, а у валорцев крой одежды другой и в моде плащи, которыми наемникам так удобно прикрывать оружие на поясе. Представители других держав в Тариман попросту не совались — боялись вызова на поединок, в котором у них практически не имелось шансов на победу. Все-таки у мартнаильцев было преимущество в скорости, у лернийцев — в силе, у большинства валорцев — хорошая многолетняя выучка, полученная у профессиональных потомственных наемников, у остальных — ничего из этого.

— Фин Астор, я вызвал прибывшего на поединок, — после значительной паузы сообщил гвардеец. Видимо, до него, наконец, дошло, что за такое не похвалят. — Рана не опасна, хоть и болезненна.

— Никоэль, кто этот молодой человек? — тяжело вздохнув, поинтересовался министр иностранных дел. День был сложным, поэтому на злость и более активное проявление эмоций ни моральных, ни физических сил не осталось. Еще и рубцы от ожогов с лица свести не получалось, так и ходил, давая знакомым повод позубоскалить, что тоже не улучшало настроение.

— Старший секретарь посольства, — коротко доложил Ник на белавском языке, как к нему и обратились.

— Какой я тебе секретарь?! — нашел в себе силы возмутиться Риардон. — Я будущий маркиз! Курьер его величества Абернана II.

— Курьер секретариата короля, — поправил Ник устало. — А секретарь из тебя самого и правда никакой. Не успел приехать, как тут же устроил скандал.

— Меня в посольство пускать отказались, — сквозь стиснутые зубы —

то ли от боли, то ли от негодования — процедил Риардон и попытался зажать рану носовым платком. Жалкий клочок батистовой ткани тут же промок насквозь.

— Ты ломился во дворец, посольство — напротив, — сообщил Никоэль, хладнокровно наблюдая за тщетными усилиями аристократа. У него с собой был астерлис, но он не собирался тратить результат своих усилий так бездарно. Пусть обратится к магам и пострадает несколько дней от боли после их лечения, меньше под ногами будет путаться и гонор показывать.

— Напротив? Этот сарай?! — изумился Риардон, догадавшись прижать к ране полу и без того испачканного и испорченного дырой камзола.

Ник удивленно оглянулся и еще раз постарался беспристрастно оценить здание посольства, к виду которого уже привык. Да, простое, прямоугольное, без лишних украшательств. Стены сияют белизной, но узорные решетки на окнах — единственные на всю округу — придают мрачность. Выступающие карнизы и пилястры от отделанного камнем цоколя до портиков кровли из фальцованного металла не так уж облагораживают здание. Козырька над входом и вовсе нет, балконы не предусмотрены. Бывшую тюрьму напоминает или тайную канцелярию с допросными в подвалах. Но что есть, то есть, в гостях не перебирают. В конце-то концов, Риардон сказочный замок для проживания хотел, что ли?

— Внутри уютнее, чем можно предположить, — попытался сгладить обстановку Никоэль.

— Идите и прилягте в комнате, я пришлю вам лекаря, — вмешался Астор, с тревогой наблюдая, как промокает рубашка приезжего. О тариманце с такой раной он бы не переживал, но для хлипкого белавца потеря крови может стать смертельной. Он в принципе не был уверен, но лучше подстраховаться. И сам лечить не возьмется — профессионала позовет, результат явно будет качественнее.

— Туда? — ткнул пальцем Риардон в здание посольства, виднеющееся над крышей кареты. — Там же вампиры! Я читал инструкцию для послов.

— Просто так, без повода они не нападают, — сказал Никоэль.

— Рана — это не повод?

— Не такой значительный, как если бы ты нагрубил им, иди смело.

— Сам иди! Только не в посольство, а в задницу! — разошелся Риардон. — Ты не имеешь права мне приказывать, жалкий приемыш!

— Чем больше злишься, тем быстрее вытекает кровь, — спокойно заметил Ник. — Где письмо, которое ты должен был доставить?

— Шейн! — рявкнул аристократ, не послушавшись совета. — Неси бумагу!

Из кареты торопливо выбрался худой парнишка лет шестнадцати, одетый в форменную ливрею темно-синего цвета, и торопливо бросился к хозяину. Служил он явно из страха, а не на совесть, без конкретной команды и не думал ничего предпринимать. То ли инициатива в его лице вообще не приветствовалась, то ли он таким нехитрым образом выражал протест и неприятие.

— Отдай этому, — кивнул Риардон на Никоэля. — И бинты неси. Чего замер, как истукан? Быстрее!

Приняв письмо, белавский посол прижал к сургучной печати палец и сломал твердый кругляш пополам. Он развернул бумагу, пробежался взглядом по строчкам, убедился, что содержание совпадает с тем, что было написано ему, и протянул приказ недругу.

— Ознакомься, — предложил он.

— Слеп, Бельмоглазый? Я кровью истекаю, мне не до этого! Шейн, раззява, ты где?!

Никоэль нерешительно достал из кармана астерлис и с сомнением посмотрел на флакон. Может, отдать? Умереть Риардон не умрет от такой пустяковой раны, не задевшей жизненно важные органы, зато нервы потреплет...

— Это то, что я думаю? — тихо поинтересовался Астор, приблизившись к белавскому послу.

— Наверное. Не яд, а очень даже наоборот.

Министр с силой сжал руку Ника и по-дружески, без официоза попросил:

— Убери.

— Но...

— Тсс! Потерпи сейчас, зато потом несколько дней нам всем спокойнее будет. Веди соотечественника в посольство, я лекаря приглашу... послабее. Если выпустим из комнаты, долго он не проживет, ваши будут негодовать.

— Наши будут благодарить, — хмыкнул Ник. — Мне об этом весьма недвусмысленно намекнули.

— Кого тогда мне благодарить матерными словами за это чудо?

— Не могу сказать. Недипломатично. Но мысленно я уже сам всех поблагодарил. Такую свинью подсунуть!

— Что подсунуть? — заинтересовался Риардон, явно расслышав последние слова, сказанные более громко и выразительно.

— Должность, говорю, тебе подсунули не по чину, — усмехнулся Ник, проследив, как Шейн заканчивает неумело бинтовать рану, обработанную чем-то бесцветным.

— А ну, дай немедленно! — Риардон требовательно протянул руку к приказу.

Он бодрился, хорохорился и старательно делал вид, что забыл про гвардейца и причину ранения. Впрочем, Никоэль догадывался, что к последствиям дуэлей новоназначенному секретарю не привыкать, с его несдержанным характером он наверняка не раз нарывался на гораздо более хладнокровных и умелых противников. Только бывают люди, которых опыт ничему не учит, они слишком самоуверенны и не умеют правильно оценивать свои силы. Вот и Риардон — из таких.

Белавский посол не стал противиться и протянул раненому аристократу приказ о назначении, даже сам поднес в развернутом виде к лицу, чтобы читать было удобно.

— Что? Это явно какая-то ошибка! — возмутился Риардон. — Я очень ценный кадр, меня не могли сюда назначить. Да еще и простым секретарем.

— Старшим секретарем, — поправил Никоэль. — Младший переходит к тебе в подчинение.

— Да хоть сотня младших! Меня не могли назначить в подчинение к какому-то опальному графу!

Выслушав тираду аристократа, Ник понял, что разговор надо срочно закруглять, он стал слишком опасен, дело запахло жареным. Риардон-то знает, что Абернан назначил послом отца, а не его. Надо бы наедине в здании наплести небылиц и объявить себя заместителем, например, ведь оспорить эти слова недруг не сможет — прямой и быстрой связи с родной канцелярией ему явно не предоставили.

— Спокойно, тебе нельзя нервничать, — сказал парень и, достав из кармана пузырек с летучим снотворным, сунул его прямо под нос болтуну. Приоткрыть крышку было секундным делом.

Аристократ закатил глаза и мягко завалился назад, благо что сидел на крыльце, а не стоял.

— Фин Астор, могу я попросить выделить пару человек для доставки раненого в посольство? — поинтересовался Ник. — Его худосочный слуга сам не справится.

— Сейчас устрою, — согласился тариманец. — Учтите, что пациенту нужен покой и сон, до-олгий сон.

— Я не могу запереть его в комнате и не выпускать, — покачал головой Ник. — Оба секретаря имеют право на свободу передвижения.

— Вашему Лариону тоже лучше бы не показываться на улице — убьют.

— Те же, кто покушался на меня? С чего вы взяли?

— Преступники тут ни при чем, насчет обычных людей тоже ничего не скажу, но мимо мурчиан он точно не пройдет — задержат, — серьезно предупредил фин Астор. — Мы выяснили, что именно он виновен в смерти котенка, обнаруженного под вашими окнами. Прямых доказательств нет, однако звери определили по запаху и сообщили. Для вашего Абернана это не доказательство, он не поймет, но вы... Чери Трант настаивал на аресте Лариона, иные люди хотели просто и ненавязчиво вызвать его на поединок силы или чести, да и я сам... — вздохнул министр. — Но месть не вернет котенка, зато опять спровоцирует скандал, как и арест, произведенный по указанию не совсем привычных для вашей страны свидетелей. Чери Трант скрепя сердце согласился не трогать секретаря, если я сегодня вечером серьезно поговорю с вами, предупрежу и потребую контролировать каждый шаг подчиненных. К счастью, о вас у правителя сложилось самое благоприятное впечатление, особенно теперь, после обряда Обретения. Но учтите, что ни он, ни я все равно не сможем остановить горячие головы, если посвященные в результат расследования люди потребуют поединка. Они в своем праве.

Ник закусил губу, борясь с желанием выругаться. Обвинениям он поверил безоговорочно, ведь теперь и сам знал, что мурчианы вполне разумны и умеют общаться образами. Но в Белавии, да, не поверят и поднимут на смех. Теперь понятно, почему Лариона недавно чуть не убили. Чего ему не хватало? Зачем он тронул котенка? Это его личная инициатива или поступил приказ? У Никоэля возникло множество вопросов, ответы на которые ему хотелось бы получить уже сегодня. Придется стучать в дверь до тех пор, пока секретарь не откроет и не объяснится.

— Я попробую договориться, чтобы Лариона в ближайшее время отправили домой, — пообещал парень. Он ведь понимал, что промедление смерти подобно. В апартаментах посольства люди, жаждущие дуэли, не достанут, зато мурчианы — вполне, стоит только приоткрыть окно для проветривания.

— Второго тоже бы... — вздохнул министр. — Но тогда вы останетесь без подчиненных.

— А они мне нужны? — риторически спросил Никоэль. — Вреда от них все равно больше, чем пользы. С Риардоном мы тем более вместе в одном здании не уживемся.

— Риардон — это тот молодой человек, что с ходу устроил дуэль?

— Он самый.

— Тоже не жилец.

— Ему хуже? — заволновавшись, обернулся парень к перевязанному аристократу, над которым с растерянным видом застыл слуга.

— От этой царапины не умрет, — пренебрежительно махнул рукой Астор. — Но от следующих... Желающих поучить его вежливости будет много, я всех не удержу.

— Желающим стоит занять очередь за мной, — ухмыльнулся Ник. Он собрался объяснить, что с детства не ладил с Риардоном, что тот может начать выдвигать всякие нелепые обвинения и инсинуации про ошибку в личности посла... Но ничего не успел сказать. Перед глазами внезапно замелькала череда каких-то картинок. Однако вычленить отдельные образы, осознать их оказалось невозможно. Мгновенно заломило в висках, голова закружилась, и парень рухнул на одно колено, заработав себе огромный синяк. Он не видел, как над головой вжикнул арбалетный болт, лишь слышал стук, когда острие вонзилось в деревянную раму окна справа от входа во дворец — его как раз отпустило после неожиданного приступа.

— Пригнись! — крикнул Астор. — В карету! Я поставил щит. Второй...

Ник и сам заметил, что вокруг его тела возник щит из переплетения белых с коричневыми вкраплениями нитей силы, его силы. А поверх мерцал более плотный сплошной фиолетовый кокон, сделанный явно осознанно, с мастерством, достигнутым опытом. Такая защита по идее должна надежно остановить магическую атаку, но вот холодное оружие задержать явно была не способна. Поэтому парень быстро метнулся к Риардону, обхватил его под мышками и потащил в карету. Совесть не позволила ему оставить аристократа валяться под обстрелом. Молоденький слуга и сам рванул прятаться, не дожидаясь команды. Он первым ввалился в экипаж и чуть не захлопнул дверцу перед носом Никоэля, который еле успел подсунуть плечо и смиренно принять факт возникновения еще одного синяка.

Фин Астор забрался последним и задернул все шторы. Стало темно и довольно тесно, тем более что Риардона никак не получалось аккуратно разместить компактнее.

— Не высовывайтесь, гвардейцы уже побежали прочесывать улицу, — бросил министр. — Стреляли из арбалета откуда-то из-за угла посольства.

— Опять в меня, — с неопределенной интонацией — то ли спросил, то ли констатировал — пробормотал Ник. Он слишком устал.

— Ну, за жизнью Риардона очередь еще явно выстроиться не успела. Без вариантов.

— Мало ли... Может, кто-то очень не любит стоять в очередях и решил сразу стать первым в списке врагов.

— Вы сами в это верите?

— Нет. Но я не понимаю, кому досадила больше, чем умеет это сделать Риардон буквально за одну встречу. Если бы не вмешательство Черныша, болт точно угодил бы в меня. Хотя и Черныш обеспечил мне несколько не самых приятных мгновений, до сих пор голова раскалывается, — пожаловался Ник.

— Вам надо полежать, а еще лучше — поспать, — посоветовал Астор, который лично наблюдал, как рассредоточился взгляд парня, как он осел вниз, заставляя волноваться о своем здоровье. Даже свистнувший рядом болт испугал намного меньше. К тому же министр хорошо себе представлял, какую какофонию могут устроить мурчианы в голове, сам несколько дней назад мучился.

— Допрос у кори Ксантара, — напомнил Ник.

— Отложим. Мы вполне можем пообщаться и все выяснить по дороге к Храму завтра с утра, сразу после завтрака. Идите отдыхать, а гвардия покараулит ваш сон и снаружи, и изнутри здания, ни к окнам, ни к дверям комнаты никого не подпустит. Кори Ксантару я все объясню сам.

Никоэль не стал спорить, хотя попасть практически под арест, под круглосуточное наблюдение, было неприятно. Через полчаса, когда гвардия прочесала окрестности и так никого и не задержала, в связи с чем син Яр был вынужден разрешить выйти из кареты, посол отправился к себе, сопровождаемый все теми же гвардейцами, несущими за ним бессознательного Риардона. Про стрелка он узнал только то, что тот использовал изготовленный в Валории болт. По крайней мере, форма наконечников весьма характерная. Возможно, это был наемник, хотя не исключено, что человек просто предпочитает производимое для валорцев оружие. Стрелявшего никто не видел, он искусно укрылся магией.

В холле посольства процессия столкнулась с Роэном, который ранее явно сидел на примятом диванчике и выглядывал в окно — следил. Вампир окинул любопытным взглядом носилки с Риардоном и фыркнул:

— Опять очередное «мясо» прислали!

— Что тебя не устраивает? — устало поинтересовался Ник.

— Все устраивает, особенно запах его крови. Может, к нам отнесем? И у тебя и у фина Астора сразу станет на порядок меньше забот.

— Зато у вас прибавится. Думаешь, Абернан спустит вам убийство

своего подданного?

— Какое убийство? Мы-то тут при чем, если у раненного по собственной глупости аристократа внезапно откажет сердце?

— И ваши скалящиеся физиономии вокруг его носилок, скажешь, будут совершенно не виноваты?

— Точно!

— Не пойдет, к сожалению.

— Ты так любишь лишние проблемы?

— Я? Терпеть не могу! Но моя совесть почему-то считает себя обязанной устраивать их мне. Ничего не попишешь, придется надеяться только на то, что Риардон со своей способностью грубить и наживать врагов быстро отвлечет на себя внимание тех людей, что сейчас пытаются меня убить.

Вампир не стал обнадеживать, просто молча отступил обратно к дивану. Главное он сделал — увидел нового члена дипломатической миссии, узнал о его взаимоотношениях с Никоэлем и убедился, что сегодня посол вроде не собирается покидать здание и беседовать с кори Ксантаром. Можно расслабиться и отдохнуть, потому что, честно говоря, он едва находил в себе силы, чтобы не только переставлять ноги, но и просто держать глаза открытыми. Драконова полоса препятствий! Как тариманцы еще и удовольствие получают от ее прохождения? Да и у белавского посла странным образом остались силы на работу, вон как живо аристократа к карете тащил. Надо бы сказать подчиненным, чтобы покараулили его ночью, вдруг куда-то соберется.

Розн тяжело опустился на мягкий диван, прикрыл глаза и моментально вырубился, не успев отдать нужных распоряжений.

По указанию Никоэля гвардейцы отнесли Риардона в свободную комнату наверху, и отрядный лекарь тут же приступил к выполнению своих обязанностей — тщательной очистке, обработке раны и наложению швов. Магию при этом он практически не использовал, разве что для временного обезболивания. Видимо, Астор сдержал свое обещание, дал соответствующие наставления и позаботился о том, чтобы как можно дольше удержать старшего секретаря в постели. Ник понаблюдал за действиями лекаря, одобрил и не стал вмешиваться со своими зельями, хотя в его силах было быстрее заживить рану. Он вышел, не дождавшись окончания процесса. Надо бы серьезно поговорить с Ларионом, Риардон все равно до утра проспит.

Стучать пришлось долго, даже взгляды следующей по пятам охраны из четырех человек его не смутили. Младший секретарь успешно делал вид,

что не слышит. Но Ник барабанил кулаком, не собираясь отступить, а потому через пару минут Ларион все-таки «услышал», посетовал, что разбудили, и попросил прийти завтра.

— Открывай, — твердо потребовал посол. — Надо поговорить, я все равно не отстану.

— Гвардейцев не впускаю, — сказал хозяин комнаты, выдав себя с головой. Он явно прислушивался к звукам в коридоре, раз знал, что соотечественник стоит за дверью не один.

— Хорошо, они останутся тут, — согласился Ник и перевел просьбу гвардейцам на тариманский.

Четверо представителей династии зел слаженно кивнули, им четко объяснили, что не стоит пытаться ограничивать передвижения объекта охраны. Дипломатия, чтоб ее!.. Их и отобрали-то лично для посла только потому, что зеленоглазые тариманцы отличались более спокойным и флегматичным характером, реже выходили из себя. Кареглазые более хитрые и находчивые, черноглазые — самые ответственные, но уж если рассердятся и вспыхнут... Но последних сложнее вывести из себя, чем тех же синеглазых. Представители династии фин в принципе тоже довольно безопасны для посла, но эти, как правило, предпочитали более мирные должности, требующие умственных усилий. В общем, синеглазых и кареглазых привлекли к охране здания снаружи, а вот зелям крупно не повезло. Никто и слушать не желал о том, что они тоже не бесчувственные. Надо!

Гвардейцы попытались заглянуть в приоткрывшуюся дверь и убедиться в отсутствии опасности, но за Никоэлем не последовали, тем более что тот очень быстро прикрыл створку за своей спиной. Посол не знал точно, в курсе ли его охрана о преступлении Лариона, однако не хотел испытывать их выдержку и давать возможность бросить вызов. Сначала он должен выяснить мотив, а там решит, стоит ли стараться сохранить секретарю жизнь.

— Тариманцы в курсе, что ты убил котенка. Зачем? — в лоб спросил Никоэль, даже не поздоровавшись. Он хотел ошеломить секретаря и увидеть его реакцию.

— Зачем? — медленно, словно в задумчивости, повторил Ларион.

Выглядел он плохо: на бледном худом лице от скулы под правым глазом до подбородка слева багровели не до конца вылеченные рубцы. Четыре параллельные полосы, при нанесении которых глаз, казалось, не пострадал только чудом. На запястьях шрамы были менее заметны, в виде точек от зубов. Что скрывалось под рубашкой и камзолом, даже

представить было страшно. По-видимому, Астор и в данном случае оказался не настолько милосердным и всепрощающим, чтобы пригласить хорошего мага-лекаря, способного сразу убрать все следы. Явно что-то наплел об особенностях магии тариманцев и предложил пользоваться мазями, кои выстроились на столике посреди комнаты и навязчиво благоухали даже издали. Ну как благоухали... Скорее, воняли, так как запахи смешивались в невообразимую композицию. Никоэль чихнул, согнувшись почти вдвое, и порадовался, что хотя бы к себе успел применить только одну мазь от комариных укусов, существующее амбре поражало и без дополнительных компонентов.

— Тебе что, тоже все лицо разодрали? — обратил внимание Ларион на красные полосы, похожие на следы от едва зарубцевавшихся шрамов. — Да и глаза... Хотя нет, показалось, что радужка стала абсолютно белой.

— Не они, не мурчианы. Не увиливай от ответа, я жду объяснений.

— А разве тебе самому не хотелось отомстить за предшественника? Неужели ты согласился спустить этим тварям убийство? Неужели не понял, что из хищников в Тааримааде только они? Нас безнаказанно убивают!

— Кого это — нас?

— Белавцев, разумеется. Сколько погибло на дуэлях!

— Так почему ты не вызвал виновных на честный поединок силы, а напал на беззащитного котенка? Он ведь даже увеличиться по своему желанию и дать достойный отпор не мог.

— Честный поединок? Да ведь тариманцы сильнее! Это любому ясно.

— Похоже, не любому, если наши белавцы сами нарывались, провоцировали, а то и первыми бросали вызов. Я не понимаю, тебе подсказали эту подлую месть письмом из столицы? Тебе приказали? — постарался дотошно выведать Ник.

— Я сам! — вскинул подбородок парень.

— Дурак! — припечатал посол.

— Я все продумал, меня никто не видел... не мог видеть. Я всего лишь убил животное.

— Сам ты... — начал Никоэль, но не договорил. Бесполезно. За несколько месяцев проживания в Таримане Ларион, похоже, даже не понял, что мурчианы разумны, они гораздо сообразительнее обычных зверей. А уж в Белавии в это наверняка вообще никто не поверит. Если кто-то рассудительный и попадетсЯ, то все равно не сможет убедить остальных, таких же заносчивых аристократов, как младший секретарь.

— Ты продался местным? — удивился неодобрению Ларион.

— Я остался верен себе и здравому смыслу. Подумал бы хоть о том,

как твоя выходка повлияет на дипломатическую миссию. Тариманцы больше не хотят тебя видеть у себя и честно предупреждают, что не смогут удержать мурчиан. Лучше бы тебе написать прошение об отставке и уехать. Тихонько, в закрытой карете.

— Ты спустишь им покушение на меня?! — возмутился секретарь.

— Какое покушение? — делано удивился Никоэль. — Сам же говоришь, что звери неразумны. А люди тебя спасали, лечили, — пожал плечами парень, решив, что не стоит и дальше пытаться достучаться до здравого смысла собеседника, лучше бить его же оружием.

— У меня шрамы не проходят!

— Чаше втирай мазь и больше думай о смене обстановки на более благоприятную и родную, — посоветовал Ник и шагнул к двери, чтобы поставить точку в разговоре.

Дверь он открыл слишком резко и неожиданно, поэтому двое гвардейцев не сумели вовремя отпрянуть и сделать вид, что вовсе не подслушивали, прижавшись ухом к створке. Позы выдавали их с головой.

— Что-нибудь разобрали? — ехидно, но без злости спросил посол на тариманском.

— Нам достаточно того, что не слышали шума драки, — сказал один из гвардейцев. — Работа.

— Еще скажите, что белавского не знаете.

— Не знаем.

— И почему я вам не верю?

— Ваше право. Если считаете себя оскорбленным, можете доказать, что мы были слишком назойливы, с помощью поединка мастерства или поединка доблести, — с надеждой посоветовал тот же гвардеец. Самим им, скорее всего, произносить слова вызова запретили, однако любопытство-то от этого никуда не исчезло, слухи об участии Никоэля в дуэлях с несколькими влиятельными лицами сильно раззадорили.

— Ой, — отмахнулся посол. — Если я оскорблюсь, вы об этом сразу узнаете, получив кулаком в глаз. Недосуг мне по ничтожному поводу церемонии разводить.

— Но... но так нельзя! Богиня...

— Стой! Где-то есть запрещающий закон? В Храме указано?

— Нет. Просто у нас так не принято.

— Главное, что принято лично у меня, — усмехнулся Ник. — Я предупредил.

Плечом парень оттеснил тариманца с дороги и вышел в коридор. Закрывая за собой дверь, он заметил испуг в глазах Лариона, который явно

и помыслить не мог, что местных жителей можно безнаказанно толкать. А ведь как иначе заслужить уважение? Галантность и обходительность между мужчинами тут не в моде.

Гвардейцы медленно и неохотно уступали дорогу, все еще надеясь нарваться на вызов. Однако Ник упрямо пер к своей двери, тараня плечом то одного охранника, то другого. Перебьются. Нет у него сил на махание оружием, не хочет он осложнять будущее поединком, которого можно избежать. У него впереди главный поединок — с теми, кто пытался его убить.

— Все, я пошел спать, если ни у кого нет возражений, — заявил Ник возле двери своей комнаты и посмотрел в лицо самому наглому гвардейцу. Промолчит или все-таки нарвется на кулак?

— Э-э-э... а что с вашими глазами? — протянул тариманец.

«Тысяча драконов!» — мысленно выругался посол и вперил взгляд в пол, скрыв белые радужки под ресницами от более высоких сопровождающих. С этими нервотрепками совсем забыл следить за временем! Естественно, что действие зелья закончилось, глаза приобрели первоначальный вид, придав схожесть со слепцом.

— Магия шалит, — соврал парень. — Я плохо контролирую свой дар, практически ничего не умею, поэтому иногда сила таким образом выплескивается вовне.

— Да, нити силы у вас необычные, белые, — согласился гвардеец, успокаиваясь. А ведь он уже хотел за лекарем бежать и в связи с этим представлял оглушительный нагоняй и от сина Яра, и от кори Ксантара, и от фина Астора. Начальников в этом деле много, а толку... — Вы точно хорошо видите? — решил задать вопрос служивый.

— Кулаком по цели не промажу, — с намеком ответил Никоэль. Почему все так старательно нарываются? Он, конечно, терпеливый человек, привык сдерживаться, но после такого трудного дня, когда хочется тишины и покоя, никаких душевных сил не хватало, чтобы отвечать на многочисленные вопросы.

Не прощаясь, Ник с грохотом закрыл за собой дверь апартаментов.

— Кори посол, мы должны проверить комнату! — запоздало воскликнул гвардеец, не успевший отреагировать на демарш и подставить ногу.

— Поздно. Я ее уже своим присутствием проверил. Пока, как слышите, жив.

— А под кроватью и в шкафу смотрели?

— Вы еще под подушкой, на которой спит зараза Черныш, посмотреть

предложите, — устало вздохнул Ник. — А ну, брысь! Чем тебя матрас не устроил? Отдай!

Прислушивающиеся гвардейцы разобрали натужное пыхтение — посол явно пытался отобрать подушку силой, но не преуспел. О постигшей его неудаче свидетельствовала тихая брань, вслед за которой раздался стук об стену откинутой крышки сундука.

— Ну и лежи, у меня вторая есть, — буркнул Ник. — Не думал, что пригодится, но Вернан настоящий провидец. Эх, если бы он еще письмо отправить догадался в тот день, когда... — Он не договорил про отца, вспомнив о прислушивающихся гвардейцах. Вместо этого полез за мазью от ожогов и обильно смазал красные полосы на лице и руках.

Парень переживал, все ли благополучно дома, пришел ли отец в себя. Но, как ни странно, совершенно не хотел, чтобы граф Нимейн быстро приехал к нему в Тариман. Нет, с проблемами он предпочел бы разобраться сам.

А в небольшом уютном кабинете начальника тайной канцелярии тем же вечером происходило очередное обсуждение персоны Никоэля.

— Зря ты отпустил посла, надо было сегодня же его дожать, — выразил досаду кори Ксантар, откинувшись на высокую спинку стула. — Самое время, когда у него мысли путаются от усталости и нет сил, чтобы обдумать правдоподобную ложь.

— Да он бодрее нас с тобой, — возразил Астор, устроившийся в мягком кресле напротив. — Если сам не захочет, ничего важного не выдаст. Что ты так срочно собираешься выпытать? Вряд ли ему известны личности покушающихся, он бы с ними и сам разобрался, не дожидаясь нас.

— Только не говори, что не заметил оговорок посла. Он знает наш язык! Причем на таком уровне, которого не достигнешь за пару недель изучения.

— Ну, это не преступление, в вину не поставишь. Хотя я с запозданием пытаюсь вспомнить, сколько всего наговорил в его присутствии. Вроде ничего секретного или оскорбительного, но для его ушей информация не была предназначена. Он знает твою должность.

— Не страшно, — отмахнулся кори Ксантар, прикрыв глаза. — Хуже другое: я не могу понять, как он прошел обряд Обретения, когда успел и как сумел все так незаметно проверить под самым нашим носом.

— Ты думаешь, он все-таки сам постарался, не Богиня подсобила?

— Может, и Богиня, раз уж она даже в ваш поединок вмешалась... Для проверки надо бы посла в Храм затащить.

— И в чем проблема? — не понял Астор.

— В том, что я бы на месте посла больше с тобой никуда не пошел, — усмехнулся Ксантар. — Слишком много потрясений за неделю для одного человека, еще и болт этот...

— Так ничего и не выяснил?

— Нет. Кто-то снабдил стрелка очень мощными накопителями, такие во всей стране всего десяток магов зарядить могут. Но они уже опрошены после того, как послу зачаровали дверь. Свою причастность все отрицают, заказы от сторонних лиц на подобные накопители никто не брал, никто их не продавал. С тем же успехом амулеты могли быть изготовлены в Лернии, например, где сильнейшие маги работают не только на государство.

Мужчины немного помолчали, вспоминая, какие у них есть возможности, чтобы добыть нужную информацию. Оба расслабленно полулежали кто на стуле, кто в кресле, желая, чтобы длинный и утомительный день побыстрее закончился. Однако ни один не хотел оказаться слабее визави и удалиться на отдых первым, сопернический дух был силен даже между друзьями. Их не удовлетворил недавний доклад соглядателя, сообщившего, что вампир уже десятый сон видит на диване прямо в холле. Никоэля-то спящим никто не видел, он у секретаря завис! Вдруг, стоит им прикрыть глаза, с ним опять что-нибудь случится? Они теперь оба несут за него личную ответственность перед чери Трантом.

— А что там с новоприбывшим белавцем? — вяло спросил Ксантар. — Тебе за его ранение сильно влетело?

— Правителю еще никто не доложил, да и син Яр взял всю вину на себя, это его люди поддались на провокацию. С другой стороны, приказа не трогать нового аристократишку не было, формально гвардейцы ничего не нарушили, руководствовались нашими общими правилами. Думаю, выговора не будет, особенно после того, как я утром шепну чери Транту, что этого белавца отправили специально на убой, скорбеть о нем не станут.

— А что посол? Не выдвинул обвинения, пока вы в карете прохладжались?

— Нет, у меня сложилось впечатление, что он и сам с удовольствием прибил бы своего нового секретаря.

— Значит, явно не новый шпион типа Розна, — сделал вывод Ксантар и потянулся всем телом, разминая мышцы.

— Ты не допускаешь мысли, что его образ — маскировка?

— Нет. Я скорее Никоэля в шпионаже заподозрю, — фыркнул начальник тайной канцелярии. — Иногда очередной придурок — это просто придурок, у которого бесполезно искать второе дно. Вспомни,

сколько их у нас уже побывало. К тому же мои люди тоже не зря хлеб едят, передали мне характеристику на этого гостя. Скажем, если о его кончине будут скорбеть, то только потому, что не успели сами приложить руку к этому событию. Он многим подсуетился насолить, многих оскорбил и обидел буквально за месяц, что пробыл на должности при секретариате короля.

— Да, я тоже сразу сказал Никоэлю, что у нас он не жилец, — согласился Астор и, поднявшись с кресла, прошелся по комнате взад-вперед, чтобы взбодриться.

— Охрану к нему приставлять будем? Син Яр, как я понимаю, только за послом присматривает. Ну и следит, чтобы этот Ларион, баронет Гаальтиарский, ничего больше не натворил, — украдкой зевнул кори Ксантар.

— Разве что твоего флегматика попросить. С другими подерется.

— Ладно, зел Данкр займется. Сегодня и начнет караулить под зданием, чтобы завтра я мог с чистой совестью доложить чери Транту, что выполняю его приказ и охраняю белавцев.

— Замечательно. Тогда я пойду, у себя с документами поработаю, — нашел предлог, чтобы удалиться на отдых, министр иностранных дел.

— Погоди. Я хотел спросить: вы хорошо проверяли верительные грамоты Никоэля? При дворе Абернана ходят странные слухи, что посол должен быть в два раза старше.

— Бумаги подлинные, да и королевской печаткой первый встречный не завладеет, только тот, кому она предназначена, чья кандидатура одобрена верховным магом, — пожал плечами Астор.

— Эх, чую что-то нечисто с этим назначением, но что, не понимаю, — вздохнул Ксантар. — Намутил Абернан.

— Так, может, во всеуслышание объявил, что назначит графа Иберникского, а сам под его именем кого-то другого прислал, более приспособленного для выживания в нашей стране? — предположил Астор.

— У меня была та же мысль, хотя граф показался мне и без того подходящей кандидатурой, не нуждающейся в подмене.

— Кто теперь угадает причину... Только знаешь, Ксантар? Меня так даже больше устраивает! И без того не знаю, что с очередным высокомерным аристократом делать.

Начальник тайной канцелярии молча согласился с другом. Иностранный агент Никоэль или нет, а лучше уж он, чем очередной нахал, задирающий всех подряд, или напивающийся трус, которому, когда не надо, море по колено. Главное, все же вызвать посла на откровенный разговор и

пролить свет хоть на некоторые тайны. Но это завтра, все завтра...

Глава 13

ПРОЩЕНИЕ И ЕЩЕ РАЗ ПРОЩЕНИЕ

В кабинете короля Белавии было сумрачно, несмотря на то, что рассвет наступил два часа назад. Украшенные вышивкой белые тюлевые шторы в обрамлении насыщенно-синих муаровых портьер из-за обилия складок плохо пропускали солнечный свет. Темная массивная мебель тоже добавляла мрачности. Но такая обстановка не мешала Абернану II слушать утренний доклад секретаря и задавать наводящие вопросы. Владелец кабинета никогда не задумывался о том, что, в отличие от него, Триану солнечный свет был необходим, чтобы не щуриться, вглядываясь в бумаги. Король мог себе позволить даже глаза прикрыть. По его лицу в такие моменты никогда нельзя было определить, дремлет он или же внимательно слушает и вникает. Очень редко он действительно засыпал, особенно если накануне ложился поздно. Но кто посмеет сделать замечание? Уж точно не секретарь, которому приходилось надеяться на лучшее.

Однако сегодня король явно был предельно внимателен, так как у него сразу возник вопрос:

— Триан, а что по поводу этого договора говорят наши законники? Ты давал им документ на проверку?

— Конечно, ваше величество! С их точки зрения все правильно сформулировано, хотя текст мог бы быть содержательнее.

Король нахмурился:

— Там не указаны площадь участка или его местонахождение?

— Указаны, — кивнул Триан, несмотря на то, что хозяин кабинета не мог увидеть его жест. — Но ничего не говорится о почвах, их плодородности, растениях, животном мире. Мы согласились на kota в мешке, — честно доложил он.

Секретарь, конечно, был лоялен к графу Иберникскому, но промолчать сейчас — себе дороже. Не скажет он, так найдутся другие доброхоты. И послу не поможет, и свою репутацию испортит, подорвет доверие.

После такого признания, имея представление о «любви» Абернана к подписавшей договор личности, стоило ждать бури, однако король удивил, спокойно заявив:

— Плевать, даже если кот окажется черным и с проплешинами. Лишь бы мешок с ним нам все-таки довели!

— Но... — опешил Триан. — Но ведь чиновники ропщут, высказывают мнение, что мы могли согласиться на не самый лучший участок.

— Пообещай наиболее громким крикунам назначение в Тариман для личной оценки земель. Намекни, что я как раз ищу человека для этой работы.

— А на самом деле кого хотите послать?

— Тебе убитых в Таримане мало? Надо, чтобы двор обезлюдел? Никого я не собираюсь посылать только потому, что законникам непривычно видеть документ всего на одной страничке! Основной договор, я надеюсь, будет объемнее, их удовлетворит. А меня уже даже кусок безжизненной пустыни устроит!

— Неужели вы согласны с действиями посла? — все-таки не удержался Триан от того, чтобы выразить удивление. — Вам же представилась очень хорошая возможность, чтобы... ну-у...

— Чтобы провалить подписание договора и продолжать и дальше изображать посмешище для других стран? — с иронией подхватил король. — Нет уж! Причину конфликта с Нимейном мало кто помнит даже во дворце, больше догадки строят и злословят в угоду, зато о фиаско с посольствами в Таримане знают и говорят все. Послы Мартнаилии и Лернии при встречах подтрунивают, даже не скрываясь!

— Устроить им несчастный случай? Инсценировать ограбление, избить, организовать парочку переломов, — предложил секретарь, зная мстительность и злопамятность монарха.

— Валорскому, этальскому и инварийскому послам тоже? Нет. Слишком подозрительно, если пострадает столько иностранных подданных. Затыкай рты нашим, кто мешает скорейшему подписанию договора, отправляй в Тариман, авось остальные испугаются и станут осмотрительнее.

— Отправка молодого Риардона не очень-то помогла.

— На днях получим соболезнования — поможет, — цинично высказался король.

— Его отец просит помиловать мальчика и вернуть обратно. Наследник все-таки, недавно только двадцать исполнилось.

— Лучше надо было наследника воспитывать, лучше. А теперь поздно. Если доживет до подписания договора — вернем.

— Черкнуть послу, чтобы проследил за юношей?

— Не стоит. Думаешь, послу выживание дается проще?

— Наши специалисты проанализировали доклады. Судя по фразам,

степени нажима на перо на некоторых словах и остаткам аурных впечатлений, Иберникский умалчивает о многих нюансах и частенько испытывает скрытую злость, особенно при упоминании тренировочного паладио, — доложил Триан.

— Вот видишь! Вряд ли бы он стал открыто жаловаться на трудности и вызовы на дуэли, не тот характер, — хмыкнул Абернан, и Триан при этом почувствовал, что не так уж сильно король теперь злится на опального подданного. Скорее, даже восхищается им, хотя и не хочет этого признавать вслух. Первый доклад об испытаниях, которые Иберникский в одиночку пережил на полосе, впечатлил обоих.

— Мне передать послу ваш наказ, чтобы не скрытничал и докладывал в деталях даже о самых мелких происшествиях? — попытался угодить секретарь, а заодно и свое любопытство удовлетворить.

— Это будут сухие факты, не интересно, — отмахнулся король. — Пусть спокойно работает. Но ты не забывай тихонько отдавать его письма аналитикам, они скажут больше и красочнее. Наши маги поняли принцип работы тренировочного паладио? — сменил тему Абернан.

— Думают. Было бы проще, если бы они сами хоть одним глазком взглянули на полосу препятствий.

— Так в чем проблема? У нас штат посольства в Таримане не укомплектован, пусть едут под видом... ну... телохранителей, допустим. Только охранять будут не они, это послу придется присматривать за ними.

— Последнее письмо Иберникского заставляет подозревать, что не все с этой полосой так просто и безопасно. Мы рискуем потерять хороших магов. Разведка доложила, что трое из мартнаильской делегации погибли, остальных еле спасли. А ведь у вампиров, сами знаете, военная подготовка неплохая, слабаков они не засылают.

— Да-а, — протянул Абернан. — Скромничает что-то Иберникский. Но грамотных магов терять не хочется, так что пусть дома разбираются, разрабатывают теорию, проводят эксперименты... на ком не жалко.

— Так я им выдам в качестве добровольцев тех, кому не нравится выбранный в договоре о намерениях участок? — тут же сообразил секретарь. — Правда, не все из них сумеют пробежать и сто метров.

— Научатся! — отрезал Абернан и со свойственным ему цинизмом добавил: — Если, конечно, успеют. В общем, мне нужен договор с Тариманом и аналог их тренировочного паладио, а не скептические высказывания, сплетни и ворчание. — И он, открыв глаза, стукнул кулаком по столу, поставив точку в разговоре.

— Бельмоглазый, какого дракона тут происходит?! — раздался громкий вопль в коридоре. — Эти бугаи не дают мне открыть дверь в твою комнату!

Никоэль глухо застонал и прикрыл лицо подушкой в надежде, что шум вскоре прекратится и ему наконец в первый раз за несколько дней дадут нормально выспаться. Черныш, который чувствовался как теплый клубочек где-то под боком, даже не шевельнулся. Оба не планировали в ближайшее время вставать.

— Иберникский! Я к тебе обращаюсь! Чем ты меня вчера отравил?!

Голос звучал прямо за дверью и, похоже, не собирался пропадать. Судя по отсутствию тариманской речи и шума от потасовки, гвардейцы не планировали утихомиривать буяна. Подумав, Ник спросонья все же сообразил, что охранникам только на руку, если другой белавец разбудит посла и они смогут убедиться: подопечный жив и здоров, за ночь с ним ничего не случилось. Возможно, они позволили бы старшему секретарю вломиться даже непосредственно в комнату, если бы не знали о задвижке. А так почему бы и не развлечься, преграждая путь одному и доказывая лояльность другому?

— Не смей меня игнорировать! — не успокаивался аристократ.

Приподняв подушку с лица, Никоэль широко зевнул, приоткрыл один глаз и посмотрел на окно. Щель между портьерами была небольшой, но и она позволяла оценить обстановку и понять: рассвет наступил совсем недавно, и получаса не прошло. Однако выспавшемуся под действием снотворного Риардону было начхать, что подобное время не предназначено для визитов, он жаждал получить объяснения, и даже слабость от потери крови его не останавливала. Проигнорировать вопли явно не получилось бы, придется вставать. Зевнув в очередной раз, Ник откинул одеяло и сел.

— Я не успокоюсь! Слышишь меня?! — надрывался новоназначенный старший секретарь, вторя мыслям посла, пытавшегося побыстрее натянуть брюки.

Рубашку Никоэль счел необязательной, как и обувь. Босиком он прошлепал до двери, открыл задвижку и распахнул створку.

— Не боишься разбудить вампиров? — ехидно поинтересовался он, глядя на замершего напротив бледного, но тщательно и франтовато одетого Риардона с рукой на перевязи, сооруженной из тонкого шарфа.

— Нет, — вскинул подбородок аристократ, но моментально испортил все впечатление, так как следом покосился в сторону лестницы. — Я требую объяснений!

— Посреди коридора будешь требовать или войдешь? Я не одет для

выхода.

— Да ты вообще не одет! Это бескультурно! Тебя в таком виде любой постучавшийся в дверь тариманец увидеть может. Даже вот эти, например, — кивнул Риардон на гвардейцев.

— Уверяю, этих больше шокируют твои вопли. Ты что-то хотел или просто поорать решил вместо зарядки?

— А у тебя настолько плохая память, что ты уже не помнишь мои вопросы?

— Помню. Отвечаю: происходит обычная работа, нарушаемая привычными покушениями и непривычным прибытием нежданного и ненужного секретаря. Ничем не травил, усыпил, чтобы ты из-за повышенной возбудимости не истек кровью. Я тебя и слышал и слышу, — невозмутимо произнес Ник. — Вроде это все необходимые тебе ответы? Я могу идти спать дальше?

— Нет! — воскликнул Риардон, изрядно опешив от подобного перечисления. Здоровой рукой он подтолкнул Никоэля внутрь комнаты, следом сам переступил порог и захлопнул дверь.

— Зря, — сказал посол.

— Что зря? — не понял аристократ.

— Дверь закрывать не стоило, гвардейцы все равно будут подслушивать.

— Какого... они вообще тут стоят?

— Меня охраняют, чтобы не убили.

— Много желающих?

— Достаточно. Но через пару деньков ты рискуешь перегнать меня по их количеству.

— Я не собираюсь тут столько торчать! Где твой отец? Пусть отправляет меня обратно в Белавию с каким-нибудь посланием или поручением.

— А не многовато ли ты хочешь после своего преступления у нас в поместье?

— Преступления? Ты слишком преувеличиваешь. Подумаешь, проспал граф прибытие заместителя придворного мага, — фыркнул Риардон. — Или не проспал? — пытливо посмотрел он в лицо Никоэлю. — Да такого сильного мага, как твой отец, и бочка снотворного надолго не успокоит!

Посол закусил губу, чтобы не сказать лишнего и не выдать, насколько собеседник не прав. Снотворное подействовало как надо. Это ведь не халтура придворного лекаря для впечатлительных и мнительных дам, сам готовил как-никак. Неужели Риардон реально не рассчитывал на

получившийся результат? Это все меняет и сводит на нет желание отомстить. По крайней мере, у него. А уж отец, как встретится с этим глупцом, сам решит, стоит ли бросать вызов на дуэль или ограничиться словесной поркой.

— Что молчишь? — не дождавшись ответа, произнес аристократ. — Давай, отца зови! Или объясни, где его комната, я сам схожу. Эти тариманцы в коридоре — дикие люди, ни бельмеса не понимают по-белавски. Я и тебя только по их присутствию под дверью нашел.

— Логичнее было бы обратиться к ним на родном языке.

— Издеваешься? Я не готовился к поездке сюда! Ты и сам небось без переводчика ходишь дурак дураком! Бельмоглазый, заканчивай умничать, давай ближе к делу, а то время идет, мне же еще кучера искать и ждать, пока запрягут лошадей.

— Эх... Вынужден огорчить, но никуда ты сегодня не поедешь. Да и завтра — тоже.

— Это не тебе решать! — вскинул подбородок Риардон.

— Мне. После твоей выходки я как бы назначен вместо отца, — со вздохом признался Никоэль, чуть приукрасив правду. Аристократу совсем не обязательно знать, что второго приказа не было, это не решение заместителя придворного мага и уж тем более — не решение Абернана.

— Шутишь?!

— Я серьезен, как никогда. Вот, можешь полюбоваться на магически привязанную ко мне королевскую печать, — сказал Ник и продемонстрировал кольцо с гербом, вид которого Риардону, который вращался при дворе, должен быть прекрасно знаком.

Дальше в комнате прозвучала тирада, которую нельзя произнести ни в одном приличном обществе, новость явно не обрадовала аристократа. Одно хорошо — поверил он сразу и безоговорочно. Может, подумал, что король решил отомстить графу Иберникскому другим, более изощренным, способом — спровоцировав убийство его сына. Ник не стал уточнять, он предпочел сменить скользкую тему на более безопасную.

— Ругайся, сколько хочешь, но домой я тебя не отпущу, — заявил парень. — Поедешь лично осматривать земли, которые отойдут в собственность Белавии.

Работа, надо сказать, была бесполезная, ведь участок выбран; однако он не смог придумать ничего другого, чтобы занять нового подчиненного и не дать ему крутиться у себя под носом. Никоэль понимал, что не стоило бы сейчас допускать возвращения Риардона ко двору, где тот легко проболтается об истинной личности посла. Нет, все законно, конечно, но

хотелось бы к «моменту истины» иметь на руках подписанный договор, да и с отцом перед этим неплохо бы встретиться и обговорить общую линию поведения. Надо тянуть время. По крайней мере, описание приобретенной территории точно лишним не будет, можно к делу приобщить. Ну а если оно кого-то не устроит и покажется халтурным, тут уж претензии не принимаются. Секретарь старался, как мог, надо было профессионала в помощники присылать. Хотя вряд ли отец Риардона даст всем подряд свободно ругать результат работы своего отпрыска.

— Я один поеду? Ты смерти моей хочешь? — возмутился аристократ. — Я вообще-то ранен!

— Слуга и кучер тебе помогут.

— Давай тогда и младшего секретаря, и тех двух бугаев за дверь.

— Тариманцами я не распоряжаюсь, у них свое начальство есть. А без Лариона тебе будет гораздо безопаснее. Все мурчианы в городе объявили на него охоту, ему лучше не покидать комнату до отъезда в Белавию.

— С чего ты решил, что эти животные меня, в отличие от него, не тронут? — с подозрением поинтересовался Риардон. — Я прекрасно осведомлен об участии шестого посла!

— Ты, главное, не пинай их, не бей, даже не замахивайся, и смотри — на лапку не наступи.

— Юморист. Ты много склонных к суициду людей знаешь, которые решились бы потоптаться огромному монстру по лапе?

— Упомянутый тобой посол под описание подходил. А мурчианы — совсем не монстры, они разумны и с ними вполне можно договориться. Иногда, — поправился Ник, вспомнив о подушке, которую так и не смог получить обратно. — По крайней мере, мы с Чернышом нормально друг друга понимаем, — сказал он и указал пальцем в сторону не такого уж миниатюрного черного клубочка, продолжающего с видом завоевателя вольготно валяться на кровати на мягком прямоугольном перьевом возвышении. Посторонний человек вполне мог принять котенка за еще одну необычную подушку из меха.

— Ох ты... — Риардон сделал крошечный шагок назад. — Какого дракона он тут делает?!

— Спит. И я бы спал, если бы ты не приперся в такую рань, — тяжело вздохнул Никоэль. После вчерашнего алхимического средства для бодрости полагалось хорошо отдохнуть, что ему опять не удалось. Чувствовал он себя сносно, но так, словно тащил на плечах мешок с травами и никак не мог сбросить. Хотя мышцы, на удивление, почти не болели, лицо больше не зудело, усталость буквально пригибала к земле. Но следы от комариных

укусов полностью прошли, да и ожоги вроде тоже, он не ощущал, чтобы кожу по-прежнему стягивали рубцы.

— Бельмоглазый, все-таки ты — псих, — покачал головой аристократ. — Инстинкт самосохранения у тебя, похоже, полностью отсутствует. Как ты живешь в этом Тааримааде? Я сейчас грузу вещи и провизию и отправляюсь на задание... надолго.

Риардон даже не стал спорить по поводу правомерности распоряжения, потому что внезапно сообразил: если он будет ехать и ночевать в карете, подальше от взоров тариманцев и мурчиан, шансы выжить гораздо выше. Можно делать короткие остановки в чистом поле, чтобы размять ноги и перекусить, а в остальном — потерпит. Гораздо хуже, если придется остаться в городе. Утром, очнувшись, он с неудовольствием понял, что сильно переоценил свой уровень владения мечом. Его победил первый встречный! А ведь дуэли со смертельным исходом были основной причиной, по которой рассталось с жизнью большинство из тех, кого отправляли сюда, слухи аристократ помнил. Даже если он сам будет терпеть все оскорбления и воздержится от произнесения вызовов, то тариманцам никто не запрещал спровоцировать поединок. Хотя, конечно, спускать хамство от местных при Никоэле — это выше его сил. Нет, рисковать неохота, ведь он может быть поставлен в такое положение, когда выход будет один — драться за свою честь. Даже интересно, каким образом Бельмоглазый остался жив при подобных условиях? Что бы Риардон ни говорил, пытаясь задеть парня, а он не верил, что тот спокойно и невозмутимо терпел любые выходки хозяев. Да взять хотя бы тех же гвардейцев, которые вместо ответа просто молча смотрели на него сверху вниз! У-у-у... Вымахали! Бесят! А ведь они явно ниже по положению в обществе, простые вояки, которым титул не светит.

Поправив перевязь, сделанную самостоятельно из шарфа, чтобы не до конца вылеченная каким-то коновалом рука лежала аккуратнее и не так ныла, Риардон развернулся и отправился к выходу из комнаты. Хотелось потребовать нормального врача, владеющего магией. Но у кого? Гордость не позволяла обратиться к Никоэлю, а здравый смысл подсказывал, что и к тариманцам с претензией лучше не соваться. Ситуация бесила вдвойне!

— Риардон! — окликнул Никоэль. — А ты ничего не забыл?

— Обойдешься без пожелания доброго утра. Для меня оно кошмарное!

— Я-то обойдусь, не спорю. Но обойдешься ли ты без карты? — усмехнувшись, в свою очередь поинтересовался Ник.

Аристократ ругнулся, вернулся обратно, чеканя шаг, и требовательно протянул руку. К сожалению, без разрешения так называемого посла домой

он уехать не мог, это было чревато неприятностями в канцелярии. Нужна хоть какая-то бумага, официальный повод. А кататься по Тариману без карты и совсем не выполнить задачу тоже нельзя — описание земель явно захочет увидеть не только секретарь Триан, но и сам король. Это шанс привлечь к себе внимание — или навлечь гнев, если работа ему не понравится. Тысяча драконов! Втройне бесит эта ответственность! А вид Бельмоглазого и мысль, что он нынче начальник, просто сводит с ума. Риардон резко выдохнул сквозь стиснутые зубы и выжидательно посмотрел в невыразительные и раздражающе странные глаза Никоэля.

— Ну, — поторопил он.

Хозяин комнаты без сожаления расстался с картой, лежащей до этого на столе. Цена невелика за несколько дней, в течение которых он окажется лишен общества задиристого и высокомерного аристократа. Себе он другую у Астора попросит или так обойдется. Убирался бы быстрее! Уж очень велик соблазн остановить старого недруга, взять с собой во дворец и попросить организовать ему длительную экскурсию на паладио...

Риардон, словно уловив что-то во взгляде визави, почти бегом вылетел из комнаты, так что Ник даже засомневался: а действительно ли фин Астор попросил лекаря не усердствовать? Куда, спрашивается, настолько торопится? Экскурсия его дождется, пусть не надеется откосить от культурного мероприятия. Не все же Нику одному страдать!

Проснувшийся организм потребовал для пополнения сил завтрак — и побольше, побольше. Поэтому пришлось парню быстро умыться, выпить зелье для глаз, с завистью посмотреть на продолжающего дрыхнуть Черныша, тоже вымотавшегося накануне, и спуститься в холл. По дороге в столовую он заметил на диване спящего вампира, на которого шум шагов не произвел никакого впечатления. А ведь Никоэль не один топал, пусть и не громко, гвардейцы, стуча ботинками, следовали по пятам. Нет, специально «лихо» все же лучше не будить, а то как бы Роэн опять не втянул его в неприятности. Он, правда, не представлял, какую опасность можно найти в Храме, но почему-то не сомневался, что мартнаилец приложит максимум усилий со своей привычкой всюду совать нос. Ник задумчиво покрутил в кармане пробирку со снотворным, однако не решился ее использовать при свидетелях. А зря.

К концу завтрака в столовую бодро влетел Роэн — лохматый, в мятой одежде, но с оружием на поясе и с предвкушающим блеском в глазах. Этот блеск лучше всяких слов предупредил, что день опять обещает быть тяжелым: если судьба не приготовила Никоэлю неприятностей, то их с успехом отыщет или организует вампир, которого, по слухам, уже один раз

выдворяли из Храма силой. Проси — не проси, а вряд ли мартнаильский посол останется в стороне и займется сегодня собственными делами.

Словно в подтверждение этих мыслей, Роэн произнес вместо приветствия:

— Дай мне пятнадцать минут. Хорошо, что ты без меня не ушел, вдвоем будет веселее.

— А я погрузить хочу, — намекнул белавец.

— Ну-у... Я тоже много чего хочу, но мне не торопятся выкладывать все интересующие секреты, — развел руками мартнаилец и быстро цапнул с буфета блюдо с запеканкой и компот. При этом он бдительно не спускал глаз с Никоэля. Роэн и так корил себя за то, что вырубился в холле, оставил коллегу без присмотра на целую ночь и при этом вполне мог пропустить нужный материал для донесения начальству. Уж очень дома заинтересовались личностью белавского посла, который с легкостью выдержал испытание полосой препятствий, в отличие от погибших тренированных агентов.

Только природный оптимизм не давал вампиру задуматься о том, что и сам он в ближайшее время может оказаться не на высоте, может погибнуть. Вчерашний забег он вспоминал с содроганием, да и ноющие мышцы не давали об этом забыть ни на миг. На заснеженном плато Роэн думал, что отстающим будет Никоэль, что присматривать придется за ним и, возможно, даже спасать, оказывая услугу. Но на самом деле еле плетущимся хвостом являлся он сам, хоть и не показывал виду, как это его задевало. Несколько минут назад, когда он спешно поправлял одежду, в которой уснул, один из подчиненных принес записку от начальства с заданием. От Роэна требовали вызвать белавца на дружеский поединок и прощупать возможности. Стоит ли исполнять приказ? Почему-то мартнаилец был уверен, что результат ему не понравится. Лучше бы организовать белавцу поединок с тем же кори Ксантаром и понаблюдать со стороны. Вопрос за малым — как это сделать?

Пока коллега быстро уничтожал завтрак, Никоэль тоже терзался не менее важным вопросом. Как избавиться от внимания Роэна и отделаться от кори Ксантара? Напрягали они его, тем более что парень не привык так много общаться с кем-то. Фин Астор почему-то такого раздражения не вызывал. Хотелось немного отдохнуть, разобраться со свалившимся на его голову даром магии, посоветоваться с отцом... Но о передышке можно было только мечтать. Выжить бы.

— Черныш, — мысленно позвал Ник, откуда-то точно зная, что тот услышит. — Ты же пойдешь сегодня со мной?

В ответ получил картинку, на которой узнал площадь перед дворцом и посольством. Кажется, таким нехитрым образом ему продемонстрировали согласие и назначили место встречи. Значит, у него будет хоть какая-то защита, ведь с магией разбираться долго, за день он не освоит приемы, которым другие учатся несколько лет. Белые светящиеся точки на периферии зрения не желали подчиняться, не знал он, как с ними сладить.

Никоэль собирался встать из-за стола, когда в столовую вошли фин Астор и кори Ксантар. В отличие от Роэна, они выглядели свежими и хорошо отдохнувшими. Единственное, что роднило этих троих, — это не до конца сошедшие следы ожогов на лицах и руках. Видимо, магии они не поддавались, а алхимик попался не очень хороший, Нику в пору было возгордиться. Однако вместо гордости парень при виде пришедших испытал приступ раздражения. Неужели послам выходные совсем не положены?

— Доброе утро, — поздоровался министр иностранных дел.

— Собирайся, — не стал расшаркиваться начальник тайной канцелярии. — Прогуляемся до Храма, там и по поводу Черныша поговорим.

— Я готов, — вздохнул Ник, понимая, что данного визита не избежать, раз уж тариманцам взбрело в голову.

— И я уже, — подскочил Роэн со стаканом и быстро допил компот. — Посещение Храма свободное, так что я могу пойти и сам... в двух шагах от вас. Но с вами мне будет комфортнее, — заявил он, заставив Ника осознать: до такой степени дипломатической наглости ему еще расти и расти.

— У вас же сегодня встреча с министром культуры, — напомнил фин Астор.

— Зам встретится.

— А с министром торговли?

— На вечер запиской перенес, — отмахнулся Роэн. — Все ради вашего общества!

— Все ради информации, вы хотели сказать, — скривился кори Ксантар.

— Что делать, я любопытен, — развел руками вампир.

— Вы или ваше начальство?

— Оба, — выкрутился Роэн. — И между прочим, тариманский посол в Мартнаилии тоже не без этого недостатка.

Выяснять отношения дальше мужчины не стали, направились к выходу. Процессия получилась внушительной: впереди шли четверо гвардейцев, ожидавшие их на крыльце, дальше — Ник в окружении фина

Астора и кори Ксантара, следом плелся Роэн, которому наступали на пятки еще шестеро охранников. Белавский посол со своим ростом просто потерялся где-то в середине образовавшейся толпы. Странно, что Черныша на площади запросто подпустили и дали ему вскарабкаться на шею к связанному с ним ритуалом партнеру.

За ночь значительно похолодало, спустился туман, снизив видимость. Наверное, поэтому Астор и Ксантар не расслаблялись ни на минуту, беседу не заводили, зато держали вокруг Ника щиты — внутренний фиолетовый и наружный коричневый. Сверкающие пологи еще больше искажали окружающую действительность, хотя раньше он их даже не заметил бы. В таких условиях белавский посол совсем не разобрал, по каким улицам его вели, а уж о том, чтобы найти обратную дорогу, речи вообще быть не могло. Было понятно только одно: Храм, судя по времени в пути, явно стоял где-то на окраине города. Перед ним простиралась даже не площадь — арена в виде амфитеатра со скамьями, расположенными по земляным склонам, поросшим вытоптанной кое-где травой. На такой удобно проводить поединки, зрителям хорошо видно с полукруглых рядов происходящее в центре. Единственный проход между искусственно созданными земляными валами, возвышающимися над ареной и обособляющими ее от остальной территории, располагался как раз напротив Храма.

— Неуютно я себя чувствую на этой вашей Судной арене, — пожаловался идущий сзади Роэн.

— Это потому, что совесть нечиста, — назидательно сказал кори Ксантар. — Правому нечего волноваться, выходя на суд с назначенным Богиней противником. Зато у нас тюрем нет.

— На арене и более радостные события происходят, — вмешался фин Астор. — Например, церемония определения династии для младенцев. В Храме представители от каждой династии, родители и родственники зачастую не помещаются, а здесь — легко. Я, кстати, щит сниму, тут Богиня не позволит никому напасть исподтишка.

Кори Ксантар тоже убрал защиту, поэтому Нику удалось более детально рассмотреть арену, которую даже туман огибал, словно не решаясь мешать замыслам здешней хозяйки. Впечатление и впрямь было неоднозначное: вроде ничего угрожающего вокруг, но большое открытое пространство подавляло и смущало, создавая стойкое впечатление, что за тобой откуда-то постоянно наблюдают. При этом сам Храм, несмотря на обилие мраморных барельефов с растительными мотивами и искусной каменной резьбы, просто терялся на фоне чаши амфитеатра. Здание было

небольшое — одноэтажное, кубической формы, с низким куполом из фальцованного металла. Выглядело красиво, но оставляло впечатление второстепенной постройки. Главной все-таки оставалась арена. Это тревожило и наталкивало Никоэля на неприятные мысли о том, что и сегодня шпага может оказаться не лишней. Не пора ли бежать отсюда? Парень оглянулся назад, но высокие плечистые гвардейцы надежно загораживали путь к отступлению. Еще и Роэн наверняка вцепится мертвой хваткой...

— Надеюсь, внутри уютнее, — пробормотал белавец и на всякий случай уточнил погромче: — Мы ведь туда пойдем?

— Да, — подтвердил фин Астор. — Положишь руку на алтарь, молча постоишь минутку — и этого хватит, чтобы почтить Богиню.

— А в чем смысл для меня как для иностранца?

— Если сумеешь коснуться алтаря, значит, Аридан взяла тебя под свое покровительство, — сказал кори Ксантар. — А если нет...

— Шубу надо было надеть, — вставил Роэн. — Хоть немного меньше синяков было бы.

— Вот видишь, более опытный товарищ уже знает, что можно и к стене отлететь и покалечиться.

— Если бы к стене, — поморщился вампир. — Мною чуть двери не высадили!

И после такого полета этот сумасшедший снова притащился в Храм?! Никоэль с недоумением посмотрел на мартнаильца, шустро вертящего головой по сторонам, словно в первый раз не все успел изучить. Нет, лично он предпочел бы ничего в здании не лапать, руки жаль. Может, заранее выложить догадки о своем происхождении и уговорить тариманцев постоять на воздухе? Только не в центре арены, а где-нибудь с краешку, желательно даже в районе лавок. Хотя, надо признаться себе честно, парень был почти на сто процентов уверен, что ему не придется лететь от алтаря вверх тормашками, Черныш тому порука.

Принять решение Ник не успел, кори Ксантар крепко ухватил его за предплечье и потянул к опасному строению. Астор последовал примеру друга, так что вырываться стало бесполезно. Да и стоило ли? Быстрее зайдут — быстрее выйдут. Никоэль безропотно переступил порог здания, к коему его от души подтолкнули. На кого-то другого он мог бы и обидеться за грубость, но в случае тариманцев был уверен, что те просто не рассчитали силы.

Потолок на голову не упал, ничего необычного не случилось. Просторное квадратное помещение встретило его сумраком, с которым не

справлялись немногочисленные свечи, собранные в восемь подсвечников по углам и сторонам, и гулким эхом, усиливающим звук шагов. Внутри не было ни мебели, ни ковров, ни картин, ни статуй, лишь обычные серые стены из хорошо пригнанных камней и, по центру, валун с плоской вершиной — алтарь. Тариманцы явно придерживались убеждения, что ничто не должно отвлекать от общения с Богиней. Раз пришел, проси о желаемом, благодари за исполненное, размышляй о предстоящем — действуй. Это не музей, чтобы глазеть по сторонам, элементы роскоши мешают погружению во внутренний мир.

Никоэль тоже решил воспользоваться случаем и задать свой вопрос, даже два. Рисковать — так на полную! Пусть словесного ответа здесь не получить, ему хватит, если ближайшие события прольют свет на происходящее, намекнут, где искать врагов и с кого спрашивать подсказку. Он без понуканий быстро подошел к алтарю, одной рукой погладил замершего на шее Черныша, а вторую возложил на валун и в первую очередь мысленно произнес:

«Благодарю за такого защитника и помощника».

Пару секунд подождал, убеждаясь, что его не отшвырнут прочь, и лишь после этого осмелился задать интересующие вопросы: «Я ведь правильно определил, что кто-то из настоящих родителей родом отсюда? Хотя этот ответ не так важен, как сведения о том, кто пытается меня убить». — Тут его взгляд наткнулся на белую с крапинками нить предначертанного поединка и в голове возник новый вопрос: «И кто мой противник для последней дуэли? Пожалуйста, я хочу узнать и достойно разобраться с ситуацией, надеюсь, мне хватит сил и мастерства».

Парень медленно убрал руку с алтаря и обернулся к ожидающим его в нескольких шагах тариманцам и мартнаильцу, которые, казалось, даже дыхание на время затаили.

— Можем идти? — спросил он и, не дожидаясь ответа, направился к выходу.

— Можем, — кивнул Астор заторможенно, не отрывая взгляда от алтаря. Выяснилось, что он единственный не так уж пристально следил за послем, как всем думалось, камень и собственные мысли, по-видимому, оказались интереснее.

— Эй, ты чего? — толкнул его плечом Ксантар.

— Знаешь, у меня такое странное ощущение, словно кто-то из моей династии нуждается в помощи, — тщательно подбирая слова, попытался объяснить министр иностранных дел. — Однако Нею, Линка и Корна я чувствую острее, к ним бы уже летел, не разбирая дороги. Как-то смутно

все и неопределенно. Нет ни конкретного направления, ни приблизительного расстояния, я о таком явлении только слышал. Вроде так ощущаются бывшие подопечные, ставшие совершеннолетними и самостоятельными. Но у меня их нет!

— Спокойно, разберемся, — пообещал Ксантар.

— Сходил в Храм, называется, — вздохнул Астор.

— Может, Богиня просто пошутила?

— Династической связью не шутят. Но и на пустом месте она возникнуть не могла! Я определенно должен быть знаком с человеком, которого поручила мне Богиня.

— Составим списки твоих знакомых в возрасте от восемнадцати до тридцати, проверим каждого, отсеем неподходящих. Не переживай.

— А сам бы смог остаться спокойным? — возмутился Астор.

— Нет, но мне и не надо, мне подопечных еще не скоро навяжут, — пожал плечами Ксантар и тут же прикрикнул, заметив неладное: — Роэн! А ну, не ковыряй стену, там клада нет! Двигай на выход! Зачем тебе заворачивать в бумажку крошки штукатурки? Вытряхни эту пыль!

— Много вы понимаете, — проворчал вампир. — Это не пыль, а образец для исследований, начальство попросило.

— А оно не могло попросить тебя хоть иногда вести себя прилично и не отсвечивать?! — возопил Ксантар. Раствора, которым скреплялись камни, ему было не жаль, просто надоело постоянно ждать, что еще выкинет неугомонный мартнаильский посол в погоне за разнообразной информацией. Казалось, его интересовало все, даже на каком боку спит правитель.

— За приличным поведением — это к нашему министру культуры, он точно всякие там этикеты знает.

— Ваш министр к нам не ездит, хотя я отправлял приглашение, — заметил Астор.

— Правильно. Потому что у вас культуры нет — ни театров, ни музеев, одна воинская подготовка. Хотите нашего министра обороны в гости пришлем? — хитро прищурился Роэн.

— Упаси Богиня! Подозреваю, у вас с ним одно начальство, — высказался кори Ксантар.

— Лучше. У нас с ним один девиз!

— Наглость — второе счастье?

— Можно и так перефразировать, хотя вообще-то — смелость города берет!

— Нет, поищите лучше лишние города у лернийцев, — попросил

Ксантар.

— Обратни будут против, не любят они нас. У них вторая ипостась не всегда адекватно на нашу расу реагирует.

— Не знал, — задумчиво заметил начальник тайной канцелярии.

А вампир от досады прикусил губу. Лишнее выболтал!

Ник тоже взял эти слова на заметку — пригодится, чтобы упомянуть в докладе и переключить внимание вышестоящих лиц на послов в Мартнаилии и Лернии. Пусть проверяют, экспериментируют и меньше о нем вспоминают. Парень очень надеялся, что больше к нему никого на убой не отправили, как Риардона.

Из Храма он вышел первым. Следом Ксантар практически вытолкнул Розна, и последним, постоянно оглядываясь на алтарь, выбрался Астор. Наверное, он очень рассчитывал на подсказку Богини, но сам опасался подойти к камню. Вдруг еще кого-то навяжут?

Зеленоглазые гвардейцы ждали на арене неподалеку от Храма. Они предусмотрительно молчали, так как звук на этой открытой площадке распространялся очень хорошо — не посекретничаешь, ни начальство, ни охраняемый объект не обсудишь, да и о личной жизни оповещать всю округу не хотелось бы. Мало ли кто шастает возле входа за завесой тумана? К тому же не то это место для обычного общения, Богиня, как истинная женщина, предпочитала единолично царить в умах и душах подопечных, которые приходили в гости. Ослушники запросто и по паре сложных поединков доблести могли получить в наказание, а особо наглые — и на поединок силы нарваться.

— Теперь самое время присесть на последний ряд амфитеатра, где звук не так сильно распространяется, и поговорить, — заявил кори Ксантар и покосился на вампира, которого с удовольствием отправил бы обратно в посольство. Но ведь не уйдет... Пусть уж лучше слушает, ведь тайны собственной страны он обсуждать не собирался, а тайн белавского посла ему не жаль. Может, Розн сосредоточится на шпионаже за Никоэлем и перестанет действовать ему на нервы своими выходками? Было бы неплохо.

— Кори! — окликнул начальника тайной канцелярии один из гвардейцев. — А вы уверены, что с послом все хорошо и визит в Храм нашей Богини ему не повредил?

— Да, а что? Вроде все в порядке, даже к алтарю смог прикоснуться.

— У него опять с глазами что-то не то, — пояснил тот же гвардеец, который накануне вечером удивлялся странным радужкам Никоэля.

Взгляды всех окружающих скрестились на лице белавца. Метаться

было поздно. Ник вскинул подбородок и решил не скрывать свой дефект, пусть изучают. Эх, как не вовремя-то эликсир прекратил действовать, и четырех часов вроде не прошло. Он ведь не нервничал, не напрягался, с другими химическими соединениями не взаимодействовал. Разве что туман как-то повлиял...

— Ты же, по-моему, кареглазый был? — нахмурившись, осведомился кори Ксантар.

— Был! Я свидетель! — воскликнул Роэн вместо белавца. — Что-то тут не так.

— А что вам не нравится? — вызывающе спросил Ник, тяготясь чужим вниманием. Опять он шокировал окружающих, опять в напряжении придется ждать, как изменится их отношение. — Белая радужка не означает слепоту.

— Белая? А фиолетовую не хочешь?! — возопил министр иностранных дел, хватаясь за голову. Что за шутки?

— Зеркало есть? — хриплым от волнения голосом спросил белавец, ощупывая карманы, хотя и без того знал, что у него такой аксессуар не водился.

Как и следовало ожидать, гвардейцы отрицательно помотали головами, кори Ксантар развел руками, фин Астор даже не шевельнулся. Зато Роэн выудил из внутреннего кармана камзола небольшой кругляш без рамки — слишком простой для важного чиновника, зато в самый раз для шпиона, любящего тайком заглянуть за угол. Впрочем, ни белавца, ни тариманцев сейчас не заботили склонности вампира. Никоэль быстро выхватил зеркало из рук коллеги и принялся пристально изучать свое отражение. Все лицо на поверхности не помещалось, а вот один глаз... Левый действительно был фиолетовым. Чуть повернув голову, парень убедился, что и правый тоже. Тысяча драконов! Он ничего не понимает...

— Давайте разберемся, — потребовал фин Астор. — Какого цвета глаза были изначально?

— Белые, — ответил Ник, замороженно изучая отражение. Кажется, цвет ему подходил, красиво.

— Таких не бывает, особенно у вас, в Белавии, — подал голос Роэн, но, подумав, добавил: — Разве что у слепых. Но ведь ты точно был зрячим, я бы заметил неладное.

— Я не вру. Меня в детстве дразнили Бельмоглазым, пока я не составил эликсир, позволяющий на двенадцать часов окрасить радужку в коричневый, — пояснил Никоэль. — На собственном примере могу утверждать, что белые глаза возможны.

— У нормальных людей — нет, — не согласился вампир, заинтересованно рассматривая парня, словно увидел впервые. — Может, у других рас?

— У младенцев, — почти беззвучно произнес кори Ксантар.

— У кого? — подумал, что ослышался, Роэн.

— Белые глаза у младенцев нашей расы, не прошедших в Храме обряд принятия династии, — громче повторил начальник тайной канцелярии. — Поздравляю, Астор, кажется, я уже и без расследования выяснил, кто является твоим четвертым подопечным, недавно прошедшим обряд Обретения и ставшим совершеннолетним. — И он хлопнул друга по плечу.

— Теряешь квалификацию, потому что я об этом догадался еще минуту назад, — язвительно отозвался министр. — Только Никоэль ведь белавец.

— Наполовину, наверное. — Парень счел момент подходящим для объяснения. — Во всяком случае, я так думаю, потому что граф Иберникский нашел меня неподалеку от вашей границы. А еще мне слишком просто дается тариманский язык, хотя я не учил его в таком объеме. Да и Черныш, и появившиеся способности к магии это подтверждают.

Астор и Ксантар переглянулись, словно мысленно обменивались мнениями.

— Все совпадает, — заключил начальник тайной канцелярии. — Хотя у нас не принято бросать детей, пусть и полукровок.

— Еще странности за собой в Таримане замечал? — не успокоился фин Астор. Незаметно для себя, побуждаемый чувством ответственности и осознанием династического родства, он перешел к более простой манере общения. Хоть министр и ничего не имел лично против Никоэля, даже симпатизировал ему, однако никак не рассчитывал, что неожиданно обзаведется четвертым подопечным, особенно таким — считающимся теперь взрослым, но при этом со знаниями на уровне тариманского младенца. Да он же щит не знает, как поставить! И кодекс дуэльный вряд ли досконально изучил. И власть Богини над собой вряд ли спокойно воспримет. Впору схватиться за голову и начать рычать из-за объема проблем, которые придется решать. На других свою ответственность не свалишь, Богиня не даст и не простит. Белавец и раньше был личной головной болью Астора, как и остальные послы до него, но теперь... Теперь эта боль стала не мимолетной, не временной и даже не затяжной, она стала пожизненной!

— У меня были три нити, определяющие противников в поединках, —

признался Никоэль. — С чери Биарном мы вопрос уладили, с тобой — тоже, все очень просто получилось, само собой.

— Третий кто? — напряженно спросил министр. — Надеюсь, не Ксантар?

— Не он, хотя конкретного имени я не знаю. Я просто видел белую нить, точно так же, как сейчас вижу вместо нее фиолетовую. И что-то мне подсказывает, какое-то внутреннее чувство, что поединок будет не простым, не на мастерство, а в защиту чести.

— Богиня не могла предопределить такой поединок, если ты ничем ее не оскорбил и никак не задел своего противника, — не поверил Астор. — Ты уверен?

— Первый вариант отметаем, Аридан ему благоволит, — вмешался Ксантар.

— Вспоминай, кого из тариманцев ты хотя бы мимолетно, но от души пожелал убить, — потребовал министр, поняв, что проблемы придется начать решать даже раньше, чем он рассчитывал.

— Никого, честно.

— А кто мог захотеть убить тебя?

— Организатора покушений считать?

— Ого! Кажется, у нас появилась ниточка, ведущая прямоком к преступнику, — присвистнул кори Ксантар. — Знать бы о ней раньше...

Ник пожал плечами. Откуда ему было знать, что дуэль до смерти Богиня могла назначить только с истинным врагом, не по простой прихоти? Впредь умнее будет. Надо потом в Храме сказать спасибо Аридан, которая действительно указала на требуемого человека, на преступника. С опережением, так сказать, ответила на прозвучавшие только сегодня вопросы. Парень был поражен, а еще немного корил себя за то, что сразу не заинтересовался и не попытался пройти по нити. Но навалилось столько проблем, что эту казалось уместнее оставить на будущее.

— Так, мы сейчас идем искать преступника, теперь он от нас никуда не денется, — постановил кори Ксантар.

— Его арестуют?

— Нет, у нас нет тюрем. Его приведут сюда, на арену, а дальше...

— Дальше — поединок, без вариантов, — вмешался Роэн. — Один из вас в любом случае должен будет умереть.

— Только это буду не я! — прозвучал громкий голос на краю амфитеатра. Человек выступил из тумана в проход, ведущий к арене, давая возможность увидеть себя.

Глава 14

ВЫЯСНЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ

— Зачем тебе смерть посла? — требовательно спросил кори Ксантар, зная, что теперь уж точно получит ответ, маски сброшены. Роэн был прав, дуэли не избежать. Это же наверняка понимал и негодяй, следовавший за ними в тумане явно под заклинанием невидимости, подпитываемым краденым казенным амулетом. Бегать и скрываться, когда Богиня посадила тебя на поводок, конец которого вручила белавскому послу, попросту невозможно. Тут уж или выдать себя окончательно и вступить в схватку напрямую, или подождать часок, когда тебя найдут и силой притащат на Судную арену. Никакая магия не поможет против предначертанного Богиней, она начисто лишила преступника возможности прикончить Никоэля тайно.

— Почему ты хотел рассорить Тариман с Белавией? — не удержался от вопроса и фин Астор.

— Плевать мне на отношения стран! — фыркнул противник Никоэля по предстоящему судилищу.

— Но ведь предыдущих послов тоже убили, — возразил министр.

— Не я, они сами постарались нарваться. Было бы проще, если бы и этот паренек последовал их примеру. От него требовалась одна маленькая глупость, одна несдержанность, одна ошибка... Однако сопляк даже с экспериментальной полосы препятствий явился без ран, хотя в отряде гвардейцев оказался убитый и трое раненых! Обычный человек не должен был там выжить.

— Как я теперь понимаю, от обычного человека во мне только половина, — спокойно сказал Ник. Предстоящая дуэль должна была бы пугать, но вместо этого он испытывал облегчение. Наконец-то враг найден! Наконец-то можно сразиться честно, лицом к лицу, можно помечтать о победе и больше не представлять мрачное будущее, в котором из-за каждого угла следовало ждать подлого удара. Один раз он, так и быть, соберется с силами, напряжется и постарается показать все, на что способен.

— Нашел, чем хвастаться — дурным происхождением! — фыркнул преступник. — В Таримане не место полукровкам, только чистокровные имеют право на магический резерв!

— Ты не прав, — покачал головой кори Ксантар. — Он сильнее многих чистокровных уже сейчас, а уж после того, как освоит магию и научится осознанно пользоваться резервом своего котенка, как сможет трансформировать мышцы...

— У него не будет такой возможности, я об этом позабочусь.

— Ты слишком самонадеян. Может, раскроешь секрет и расскажешь, как ты догадался о происхождении посла?

— Мне не надо было догадываться. Я его сразу узнал, он слишком похож на моего покойного старшего брата.

— Ты пытался убить своего родственника? Родную кровь? — ужаснулся Астор.

— Жалкого полукровку! Брата убили сектанты, когда он ехал к родителям жены в Белавию, только еле живой кучер добрался обратно до пограничной заставы и рассказал об этом, прежде чем умереть. Мне навязали пару дюжин гвардейцев и как заинтересованное лицо отправили помочь местным в уничтожении бандитов и вызволении пленников, — если их не успели принести в жертву какому-то темному божку. Несколько суток пришлось трястись в седле почти без отдыха, воины и слышать не хотели о том, что мы напрасно так несемся, брата это не вернет, а о его жене должны волноваться белавцы. К тому же поданным их разведки фанатиков оказалось слишком много, и среди них чуть ли не половина явно с валорской выучкой. Я не стал рисковать и отправлять свой отряд в бой ради какой-то иностранки и ее крошечного ублюдка, объявил, что живых не обнаружено. Она сбежала сама во время вечерней атаки белавской гвардии, израненная, еле живая, кинулась под копыта моего коня, когда мы уже удалились от поселения сектантов. Ее не успели принести на алтарь, жаль. Пришлось ближайшей же ночью отвернуться, когда во время моего дежурства на нас напали змеехвосты. Половина отряда полегла, но и иностранку с младенцем зверушки утащили в кусты. Парень не должен был выжить! Белавцам нечего было делать так близко от нашей стоянки. Вторая половина шахты отца по совести тоже должна принадлежать мне и моему сыну!

— Так ты из-за изумрудов пошел на подлость? — хмыкнул кори Ксантар. — Всего лишь из-за денег, которых вам с сыном и без того хватало? Чери, чери...

— Денег много не бывает, бывают маленькие запросы.

— Сын в курсе, что ты чуть не убил его кузена?

— Он считает Никозля втайне нагулянным вне брака ребенком белавской аристократки, даже помог мне подготовить родственничку

небольшую шутку с иллюзиями. Жаль, что получившиеся шедевральные образы не заставили посла срочно нас покинуть, такую идею не оценил. А уж сколько сил и накопителей мы на это угрохали... Но о неудачных покушениях сын ничего не знает, идеалист еще, молод и не понимает, что за свои интересы надо сражаться зубами и когтями. Богиня должна оценить, — самодовольно заявил преступник. — Главное — всегда быть сильнее противников, потому что слабакам благословения не видать как своих ушей.

Во время этой разоблачительной речи Никозль вглядывался в лицо новоявленного дяди и был вынужден признать, что общие черты у них имеются, а вот цветом волос он явно пошел в мать. Тариманец, конечно, выше и шире в плечах, но на то он и чистокровный. Форма лица, скул, разрез глаз все равно идентичны. Однако мало ли на свете похожих людей?

— Я ничего не знал о родстве и сам ни за что не догадался бы, — сказал Никозль. — Достаточно было молчать, держаться от меня подальше и вообще оставить в покое.

— Сглупил, — самокритично признал преступник. — Счел, что быстренько выдворю из страны или уничтожу на всякий случай и забуду. Никто и не подумал бы искать личные мотивы, после того как в течение полугода по собственной глупости погибло столько белавцев. Но раз начал охоту...

— Тебя заело, — усмехнулся кори Ксантар. — Заело, что такой великий и чистокровный никак не победит в начатой схватке.

— Это была разминка. Посмотрим, что получится на арене, где недопустима чужая помощь.

— Посмотрим, — согласился Астор и обернулся к белавскому послу: — Никозль, ты готов? Дуэль нельзя отложить, раз уж вы оба тут. Верь в свои силы и в высшую справедливость, кто бы там что ни считал, а подлецов, пусть даже сильных, Богиня не любит.

— А еще учитывай, что другого соседа я не хочу, надоели дисциплинированные снобы, четко следующие не самой умной инструкции, — заявил Роэн и отступил к первому ряду каменных скамей амфитеатра.

Ник с волнением кивнул и помог Чернышу спуститься с шеи. Если в поединке силы все средства были хороши, лишь бы выжить и уничтожить соперника, то в поединке чести ни к магии, ни к алхимии обращаться не допускалось. Наверное, это даже хорошо, потому что тариманец лишился своего преимущества; можно было не опасаться заклинаний, усиленных амулетами-накопителями. С другой стороны, для Никозля существовала и

трудность — предстояло переступить через себя и решиться первый раз убить человека... если получится. Дуэли до выбитого оружия или до первой крови на Судной арене были неуместны, она существовала только для одного вида поединков — поединков чести. Сохранять невозмутимый вид и не давать рукам дрожать у парня получалось через силу, только благодаря многолетней выучке, когда при изготовлении алхимических составов приходилось четко контролировать каждое движение и не допускать произвольного сокращения мышц.

Вслед за дисциплинированно перебравшимся к скамье Чернышом, выбравшим место в нескольких метрах от вампира, отступили с арены все тариманцы. Они устроились компактной группой на двух нижних рядах, так что Ник почувствовал себя просто-таки неопытным актером, который не знает, что делать дальше, а потому тушует. Положив руку на эфес шпаги, парень сделал несколько шагов по направлению к центру арены, где с уверенным видом устроился противник. Тариманец усмехнулся и, не глядя, обнажил шпагу привычным движением, выдающим опытного воина.

— Готов умереть? — нагло поинтересовался он.

Но Никоэль не стал отвечать и ввязываться в заведомо бесполезную перепалку. Вместо этого он, припомнив все виденное ранее на улицах Тааримаада, с пафосом провозгласил:

— Во имя Богини, я вызываю вас, чери Лаврет, на поединок чести! И пусть победит достойный.

— Я достоин, я уже в тридцатилетнем возрасте добился поста министра финансов!

Ник не мог похвастаться столь же выдающейся должностью. Но, может, вынужденная роль посла зачтется? Тем более что вступил в игру он, похоже, еще до своего совершеннолетия. Похоже, отец при определении возраста ребенка ошибся на пару-тройку месяцев, что вполне простительно для молодого мужчины, не имеющего своих детей. Рано Ник отпраздновал дома восемнадцатилетие. Однако если бы не это заблуждение и не оформленные по всем правилам документы, не видать ему печатки Абернана, откровенно солгать заместителю придворного мага не удалось бы.

Пока чери Лаврет похвалялся, на арене ничего не изменилось, парень не услышал и не увидел никакого сигнала, что его слова услышаны, что дуэль можно начинать. Поэтому он принял решение и сам поспешно обнажил шпагу. И вовремя! Тариманец сделал длинный резкий выпад вперед, метя куда-то в живот. Пришлось парировать кончиком клинка, чтобы не начинать бой с отступления. Шпаги звякнули друг о друга,

рождая звук, который, казалось, распространился на многие километры вокруг. Слишком громко, слишком торжественно, слишком устрашающе... Звон отрезвил, заставил понять, насколько близка и реальна сейчас смерть, позволил собраться. Ник перестал краем глаза отслеживать движение на рядах скамей, перестал замечать яркую фиолетовую нить, забыл о том, насколько велика и неуютна арена. Остались только он и противник.

Тариманец действовал агрессивно, нападал, явно рассчитывая на скорую победу. Резкие и быстрые колющие удары сменялись на легкие с виду замахи слева, справа, сверху... Чери Лаврет старался нанести хотя бы резаную рану заточенным почти на всю длину узким лезвием. Но Никоэль понимал, что даже кровоточащая царапина сейчас равноценна смерти, слишком быстро навалится слабость при таком темпе боя, а потому оборонялся из всех сил. Контратаковать он не мог, лишь выжидал удобного случая, чтобы переломить ход поединка. Он даже не предполагал, что министр финансов окажется лучшим фехтовальщиком, чем фин Астор. Видимо, из-за тяжелого характера опыта у него было больше.

В какой-то момент Никоэль не успел отвести клинок чери Лаврета в сторону, пришлось ставить жесткий блок не заточенной частью шпаги, что возле эфеса. Терпимый поначалу нажим вдруг усилился. И парень глазам своим не поверил, когда увидел, как вздулись мышцы противника, разрывая рубашку и короткий колет, фигура стала массивнее и рельефнее. Редкий человек, постоянно тренируясь, мог похвастаться такими стальными канатами под кожей. Кажется, это была присущая только тариманцам пресловутая трансформация, делающая их еще опаснее. Никоэль резко отпрыгнул назад, чтобы увести себя из-под удара. Шпага министра финансов, лишившись упора, вжикнула буквально рядом и вспахала верхний слой покрытия из мелкого щебня. Однако воспользоваться ситуацией, пока клинок противника был опущен, парень не успел — расстояние не позволило. Да и увеличение мышечной массы никак не сказалось на подвижности тариманца. Решив, что силы теперь позволяют, тот уверенно махнул снизу вверх, чуть по диагонали. Белавцу пришлось опять отпрыгнуть, у него закрались сомнения в том, что он сможет победить подобного монстра.

Паника заставила сердце биться чаще и сильнее, хотя разум продолжал анализировать ситуацию и искать выход. На его стороне были хитрые приемы, показанные отцом, и выдержка. Однако этого маловато против многолетнего опыта и нечеловеческой силы. Сколько еще он сможет увертываться и избегать прямого противостояния?

— Дерись, щенок! — рывкнул чери Лаврет, словно почувствовав, что

за тактику обдумывает Никоэль. Он начал злиться, ему явно хотелось закончить поединок побыстрее.

Злые слова тариманца будто подхлестнули, дали последний толчок. Ник почувствовал, что его одежда тоже затрещала по швам! От рубашки и колета остались сплошные лохмотья, держащиеся на теле только за счет воротника и пуговицы, которая раньше, кажется, была отнюдь не верхней. Кожаный ремень лопнул и упал к ногам, на бедрах по бокам брюк появились дыры. Впору было бы ужаснуться внешнему виду, последний нищий выглядел богаче и аккуратнее, ведь у тариманца хотя бы ниже пояса одежда уцелела за счет предусмотрительно увеличенной ширины. Однако Никоэль не страдал тщеславием, он только обрадовался метаморфозе. Теперь можно и повоевать!

Пока чери Лаврет стоял, растерявшись от неожиданного зрелища, парень сам резво перешел в атаку. Полностью перенес вес на правую ногу и сильнее согнув ее в колене, он потянулся вперед в попытке достать концом шпаги бок противника. Неудачно, но начало положено! Инициативу Ник не упустил и продолжил атаковать колющими и режущими ударами, как и родственник до этого. Вот только приемы у него отличались большим разнообразием и были непривычны для тариманца. Парень взвинтил темп до предела и заметил, что теперь уже чери Лаврет заволновался, его движения стали более дергаными, нервными, суевливыми. Неудивительно, что в какой-то момент клинок более уверенного дуэлянта пропорол не воздух, а тело. Сталь на добрый десяток сантиметров вошла куда-то под ребра с правой стороны, по боку заструилась темная кровь. Отчаянным усилием тариманец дернулся вперед, еще больше накаляясь на шпагу, лишь бы достать Ника и захватить с собой в чертоги Богини. Это было неожиданно, полностью увернуться парень не сумел, успел лишь подставить плечо вместо грудины. Оба выпустили оружие из ослабевших рук. Однако белавец остался стоять на ногах, тогда как тариманец рухнул на Судную арену, его глаза широко раскрылись, веки замерли в одном положении.

Никоэль недоверчиво посмотрел на тело и отметил, что противник не притворяется. В этом поединке чести победил он. Угрызений совести, как ни странно, не было. В мозгу крутился лишь вопрос, что за вина на нем, раз Богиня допустила рану. Или это просто так, чтобы не зазнавался?

Он и сам не понял, в какой момент мышцы вернулись в привычное состояние, перестав удивлять необычным рельефом. Воспринимать окружающий мир он начал только после того, как почувствовал волну теплых эмоций от Черныша. Следом в голове возникла картинка с каким-то

полуголым оборванцем. Потребовалось несколько секунд, чтобы он сообразил, что видит себя со стороны. Мысли с трудом ворочались в голове, невероятно хотелось пить, а еще — лечь куда-нибудь и не двигаться часов пять или шесть. Рана болела, но она не слишком заботила парня. Экономить на себе он не собирался, а потому без зазрения совести достал из кармана порванных брюк чудом уцелевший бутылек астерлиса. Зубами вытащив пробку, глотнул приторную до тошноты жидкость и на ощупь затолкал освободившуюся тару обратно, не решаясь мусорить на территории Богини. Тело кинуло в жар. На миг возникло ощущение, словно на плечи рухнуло небо, он ослеп и оглох. Зато когда пришел в себя, с удовлетворением отметил, что от раны на плече остался только розовый шрам, который тоже за день-два должен исчезнуть. Не прошла лишь жажда — наоборот, усилилась, да голод навалился, заставляя желудок громко и требовательно бурчать.

— Н-да... — протяжно прозвучало со стороны занятых скамей. — Впечатляет. Никоэль, напомни мне, чтобы я, в случае чего, не поддавался на просьбу начальства проверить твои силы в дружеском поединке.

Роэн своим комментарием, как всегда, разрядил обстановку. Люди начали двигаться, выбираться на арену. Гвардейцы подхватили тело чери Лаврета и понесли в Храм, кори Ксантар подобрал его оружие. Астора же больше заботил Никоэль. Министр иностранных дел бесцеремонно ощупал его плечо и затянувшийся след от раны, после чего поинтересовался:

— Все, больше обязательств перед Богиней у тебя не осталось?

— Нить пропала, новых нет, — неуверенно доложил парень, боясь сглазить. Он сам поднял свою шпагу, тщательно протер клинок обрывком рукава и убрал в ножны, которые придется теперь тащить в руках. Тариманцам наверняка не рекомендовалось крепить оружие с помощью простых кожаных ремней, без расширяющихся вставок. По крайней мере, если предстоит серьезный бой, где придется использовать все возможности организма. Как к этой новой способности отнесутся отец и другие знакомые? Не сочтут ли его монстром? Он рассчитывал на понимание родных, но совсем не был уверен в других, особенно тех, что когда-то дразнили его из-за белесой радужки глаз.

Беспокоил Никоэля и еще один немаловажный аспект. Когда Абернану все-таки доложат о подмене назначенного посла-человека на человека-тезку из-за неточности в приказе — это вполне нормально. Позлится, покричит, но никого не накажет, потому что главный виновный — он сам. Однако если в качестве замены королю опишут полукровку, расклад станет иным. Тут и до обвинений в государственной измене и в действиях в пользу

чужой державы совсем недалеко. Одни проблемы от этой должности!

— У вашего министра финансов точно не было сообщников? — решился задать вопрос Роэн.

— Разберемся, — заверил кори Ксантар. — Хотя не похоже. С возможностями министра, с доступом во дворец и хранилище амулетов-накопителей, ему никаких помощников не надо было. Однако сына придется тщательно допросить. Что еще за история с иллюзиями? — требовательно посмотрел он на Никоэля.

— А-а, — отмахнулся парень, не желая вредить новоявленному родственнику, с которым еще ни разу не поговорил, даже не познакомился нормально. Наверное, если бы тот был совсем пропащим, Богиня не пожалела бы нити и для него, сами пока разберутся. — Вам же сказали, что иллюзии были шуткой. Гораздо больше меня сейчас волнует судьба мурчианы чери Лаврета. Что будет с котом?

Лица тариманцев помрачнели.

— Он умрет в течение месяца, — честно ответил фин Астор, — мы тут бессильны. Но кот сам когда-то выбрал подлеца, связал с ним свою жизнь, никто не навязывал и не заставлял. Мурчианы напрямую зависят от нас, как и наш резерв от них.

Никоэль кивнул, принимая объяснения, после чего предложил:

— Давайте вернемся в посольство, не хочу оставаться на этой арене. Надеюсь, на сегодня больше никаких культурных мероприятий не запланировано?

— Нет.

— Да!

Тариманцы умудрились ответить практически одновременно, но их мнения диаметрально отличались. Кори Ксантар узнал имя преступника, необходимость лично охранять посла у него отпала. Теперь мужчине надо было дальше раскручивать нить расследования и уточнять детали, чтобы отчитаться перед чери Трантом, а руководить процессом проще из кабинета. Хотя при этом гвардейцев сына Яра и своих людей он пока отзывать не собирался. В наличие сообщников у ярого индивидуалиста, у которого и друзей-то никогда не было, он не верил, но и рисковать не желал. Пусть бы Никоэль спокойно посидел в посольстве под присмотром, отдохнул после всех недавних событий.

Зато фин Астор считал, что отдыхать некогда. Его подопечный вряд ли знает все традиции и правила, стопроцентно не умеет сознательно преобразовывать мышцы, чтобы противостоять вампирам, оборотням и иным серьезным противникам, а уж как маг пока вообще полный ноль —

даже свечку не зажжет. Конечно, слухи о всемогуществе магов сильно преувеличены, да и в большинстве стран введен запрет на использование дара в быту, не по служебной необходимости, но хоть несколько самых полезных заклинаний умеют применять все, независимо от количества силы. Даже слабаки и лентяи усваивают одно защитное и одно атакующее плетение. А Никоэлю вряд ли хотя бы в теории известно, как мысленно выстраивать узор заклинания... Объяснять и объяснять! Справится ли он с ролью единоличного учителя для великовозрастного мага? Астор, помимо воли, чувствовал свою ответственность и не мог все пустить на самотек.

— После обеда я начну объяснять, как применять магию и тянуть резерв, — пообещал министр иностранных дел. — Отказ не принимается.

— А когда мне можно подойти помочь? — поинтересовался Роэн.

— Учить?

— Красить! Я даже жидкие тени на собственные средства куплю в подарок. Лишь бы процесс без меня не начался, — ухмыльнулся вампир. — Спектакль обещает быть впечатляющим.

— Зараза! — ругнулся Ник. — Только через мой труп! Извините, фин Астор, я не имею ничего против ваших традиций, но в Белавии меня не поймут.

— Наших традиций, наших, — поправил министр иностранных дел.

— И я бы на твоём месте не сопротивлялся, — посоветовал Ксантар. — Лучше бросить два-три вызова в Белавии или по-простому набить морду тамошним хлыщам, которые пренебрежительно относятся к чужим традициям, чем каждый день в течение нескольких месяцев драться на дуэлях с нашими. Богиня не поскупится на нити, если сочтёт твоё поведение оскорбительным или непочтительным. Переспорить Аридан пока никто из смертных не сумел. Надо ли это тебе?

Никоэль бросил затравленный взгляд на Храм, почувствовав себя в ловушке. В том, что наказание последует, он не сомневался. Но избавиться от одного повода для насмешек и оскорблений, чтобы обрести другой... Кошмар! Всем же не объяснишь, что полосы — это традиционная воинская раскраска, отличительный знак Богини, а не прилюдное признание в нетрадиционной ориентации. Если бы хоть цвет был черным... Но фиолетовый?! «О Аридан, за что?» — подумал парень и в ответ услышал смешок, явно предназначенный только для его ушей.

— Вызывать на дуэль в Белавии будут, но смотри на это проще, — похлопал посла по плечу Астор. — Бои будут интересны Богине, а это избавит тебя от поединков с нами. Тут все элементарно: если мы сами долго не проверяем силы в поединках с достойными противниками, нам

находят их в приказном порядке. Мы — раса воинов. Ты должен был понять это во время трансформации.

— А если сейчас не понял, он явно предложит погонять тебя еще по полосе препятствий, — заговорщицким шепотом предупредил Роэн. — Лучше сразу соглашайся со всеми утверждениями, у меня еще мышцы не отошли.

— Вас на полосу не приглашали — ни тогда, ни сейчас, — заметил фин Астор.

— Сколько раз повторять: послов не приглашают, они сами припираются по-соседски и испытывают терпение хозяев до тех пор, пока по неосторожности не создадут крупный повод для своего выдворения. Я уже?

— Еще нет, но близко к этому, — предупредил министр иностранных дел, на доли секунды опередив кори Ксантара. У того мнение было более категоричное.

— Три валорца вам в темный переулок! — ругнулся Роэн. — Уж лучше один пинок под зад, чем если начальство опять возжелает приспособить мой зад для других целей! Может, вышлете, а? В отпуск хочу. Ну, в Инвариийскую империю, к людям согласен съездить на полгода, отдохнуть.

— А кто не дает? — удивился фин Астор. — Просите отпуск или другое назначение, если хотите, но меня и вы устраиваете.

— Начальство тоже все устраивает. В отпуск меня могут услать на месяц разве что в Лернию или Валорию. А зачем мне менять шило на мыло? Там такие же ненор... э-э-э... беспокойные граждане, помешанные на физическом превосходстве.

Выслушав претензию вампира, Ник вздохнул и впервые задумался о том, как будет освободиться от должности посла. Если отпуск он точно аккуратно выпросит хотя бы через год или полтора, не сдавая печатку, то увольнение... Как бы Абернан, узнав правду, мстительно не отправил его еще куда-то в проблемное государство. Тихо пересидеть лет десять-двадцать в Таримане вряд ли получится. Все тайное когда-нибудь становится явным, поэтому истина всплывет. Выплывет ли он сам из этой передрыги? Н-да, вопрос... Но ведь он теперь знает, что у страха глаза велики, выжить можно практически везде, было бы желание. Он не урожденный белавский аристократ, гордый и самовлюбленный вид которого вызывает зубовный скрежет, и, Богиня упаси, не истинный мартнаильский дипломат, от наглости которого сами сжимаются кулаки, он простой скромный полукровка. Ха! Простой полукровка со способностями

к магии, с возможностью частичной трансформации, да еще, в перспективе, с разрисованным тенями лицом... В толпе явно не затеряется, если придется уехать из Таримана. Но ему ведь не привыкать. Прорвется?.. Парень усмехнулся, принимая вызов судьбы.

ЭПИЛОГ

Никоэль с замиранием сердца вытащил из шкатулки сложенный вдвое клочок бумаги и с силой сжал его в пальцах — решалась его судьба.

— Ну что? — спросил отец, побуждая быстрее прочитать написанное.

— Ты ведь остаешься жить с нами? — с надеждой спросила Фиана. — Ты просто обязан познакомиться с братом или сестричкой, а это возможно уже через семь месяцев, время пролетит быстро. — И она погладила себя по плоскому пока животу.

— Я бы с удовольствием остался, — сказал Ник, — но решать не мне, сами понимаете.

Родные кивнули, соглашаясь. Понимали. Месяц назад пространный договор с Тариманом был подписан, границы оказались урегулированы. Это событие застало графскую чету еще в поместье, из-за внезапной новости о состоянии Фианы Нимейн не смог отправиться к сыну сразу, как проснулся. В итоге Риардон привез бумаги в Вельт, сдал в канцелярию вместе со своим отчетом о приобретенном участке, а заодно открыл Триану глаза на личность посла. Хорошо хоть болтать направо и налево не стал — стыдно было сообщать, что оказался в подчинении у парня, едва справившего совершеннолетие. Как оповестил потом секретарь, король рвал и метал за закрытыми дверями кабинета. Однако громкого скандала не случилось. Монарх вызвал Нимейна к себе из поместья, застав буквально в воротах, когда тот с женой после срочной брачной церемонии выезжал в Тариман. Они поговорили с глазу на глаз, граф постарался объяснить, выгородить и себя и сына, зная от Фианы об уловке с назначением. Попытался доказать, что их семья сделала все возможное для четкого выполнения приказа. Ну, недопоняли, что Н. Иберникский — это старший представитель семьи, а не младший, так результат от этого хуже не стал. Не стал ведь?..

Король задумался и сообразил, что придраться действительно не к чему — и посол с печаткой на месте, и договор подписан. Нимейну даже больше поволноваться за сына пришлось, чем если бы он сам поехал. Гневные крики вскоре сменились спокойными речами, Абернан приказал подать вина и поинтересовался здоровьем Фианы. Ведь он уже решил простить, читая отчеты о полосе препятствий. Король был мстителен, но не глуп, не желал выносить скандал на люди и позволять публично обсуждать свою промашку с сокращением имени. Проще и выгоднее оказалось тихо

исправить ситуацию, чтобы никто и ни о чем не догадался, — подписать приказ об увольнении Никоэля с должности посла в Таримане и назначении Нимейна сроком на три года. Заодно попросил выехать уже утром следующего дня и захватить с собой Риардона, которого в качестве временной меры заперли в дворцовых апартаментах, ничего не объясняя. Ох и раздумался же он за это время!.. Каждое слово отчета припомнил, так что даже не пикнул, когда его отправили обратно в Тариман под крыло графа Нимейна. Жаловаться на беспредел он начал значительно позже, когда снова попал в посольство и обнаружил, что местные подозрительно к нему присматриваются. На чужбине он не желал получить очередной вызов от заведомо более сильных противников. Но скромно вести себя не умел, поэтому уже на второй день оказался снова ранен... как и на восьмой, едва залечив дыру на бедре. А вылечив третью рану, все-таки стал немного осмотрительнее. Лишь немного. Но ничего, учителей скромности в Тааримааде хватало.

Оба Н. Иберникских нашли у Риардона только одну хорошую черту — незнание тариманского языка и полное нежелание его учить. Ведь не понимая местных, он не мог ни от кого услышать о происхождении Никоэля, не мог сообщить об этом на родину. Фиолетовые полосы под бровями бывшего посла аристократ счел глупой блажью, поводом для насмешек, не более. Да и фин Астор пообещал, что сплетен не будет, он не допустит, чтобы у подопечного из-за чьей-то болтливости начались неприятности. Все могло бы быть просто замечательно, если бы не повеление монарха Никоэлю дожидаться на месте нового назначения и сохранить при себе печатку. Неспроста эта милость...

И вот дождались!

— Ну что там? — нагло вмешался Роэн и двумя пальцами попытался дернуть за угол бумажки.

Намеков, что его в общем-то не приглашали, вампир по-прежнему не понимал. Более того, он игнорировал и напрямую сказанные слова. Отделаться от него было можно, но стоило ли это затраченных усилий? Поэтому Ник сразу честно рассказал, что ожидает нового назначения, и даже из собственных апартаментов не вытолкал, хотя для собравшейся компании комната оказалась маловата.

— Куда?! — нетерпеливо воскликнул Роэн.

— Сейчас посмотрю. Главное, подальше от твоей наглости, — огрызнулся Ник в ответ, давно поняв, что по-другому с вампиром нельзя — на шею сядет.

Парень отошел к окну, создавая небольшую дистанцию между собой и

собравшимися в центре комнаты возле стола с бумагами и шкатулкой, и только там развернул изрядно помявшееся послание. Это пока был не официальный документ, а так, записка.

«Добрый день. Раз уж вы, Никозль, зарекомендовали себя как специалист по решению сложных проблем, подбросим вам еще одну задачку, — гласил текст. — Завтра с утра отправляйтесь в Валорию, захватите с собой шкатулку, вашему отцу будет выдана другая. Дальнейшие инструкции получите на месте».

— Тысяча драконов... — протянул Ник, поняв, как опять влип. Целая страна воинов, наемников и иных темных личностей, не чурающихся любого источника дохода, даже незаконного — в любой нормальной державе. Это только там поножовщина в переулке при свете луны не считалась преступлением, нуждающимся в расследовании, — граждане должны сами выяснить отношения или, если захочется, отомстить потом. Кто сильнее и удачливее, тот и прав. Законы регулировали очень мало. А он только приступил к изучению магии и щитов с помощью Астора!

— Все так плохо? — спросил Нимейн.

— Нет, — ответил Никозль, беря себя в руки. — Просто я пока валорского не знаю.

— Я знаю! — воскликнул Роэн. После чего достал из кармана пачку свернутых бумаг и принялся перебирать, бормоча: — Та-ак, Мартнаилия, Лерния, Эталия... О, Валория!

— А при чем тут ты? — удивился Ник, подозревая нехорошее, но все еще надеясь на лучшее. — Переводить мне отсюда ты никак не сможешь.

— Почему отсюда? У меня тут совершенно случайно завалился за подкладку документ о переводе меня на должность посла в Валорию. Вместе поедem. Ты рад? — широко улыбнулся вампир, продемонстрировав клыки.

Случайно? Завалился?! Ник дар речи потерял от такой наглости. Да у вампира, похоже, бумаги на все случаи жизни были! За что ему опять навязали эту ходячую неприятность? Валорцам явно не придется по душе «дипломатическая этика» мартнаильца, не любили они любопытных и бессовестно сующих во все нос гостей.

— Какие у мартнаильцев интересы в Валории? — попытался выпытать парень. — Зачем тебе туда?

— Зачем? — переспросил Роэн. — Позже придумаю. Пока начальство сказало только «за кем», — многозначительно подмигнул он. — Бери подушку и поехали.

— Я тебе подушку положу, мне и свиньи хватило.

— Какой свиньи?

— Крупной! С клыками!

— А-а-а... — ничуть не обиделся вампир, понимая настроение белавца, но продолжая разыгрывать свою роль. — Но ты учти, что ко мне еще поросенок с фиолетовыми полосами прилагается.

— Поросенок? Астор! — моментально догадался Ник. Уж лучше бы Роэн назвал так его самого, тем более что парень с недавних пор тоже вынужден был ходить с боевой раскраской. — А ему-то что в Валории понадобилось?

— Не «что», а «кто», — поднял вампир вверх указательный палец. — Он еще не до конца достал тебя своими уроками магии, а совесть и чувство долга не позволяют кинуть беспомощного подопечного. Но ты же не против немного увеличенной компании? Будет весело.

Вот этого «веселья» Ник и опасался. Но раз уж выжил в Таримане, то и в Валории не ударит в грязь лицом. И кто знает, может, новая миссия действительно будет веселой!